

АЛЕКСАНДР
АДЕРИХИН

Кисел с землёй и кровью

BISMARCK

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Адерихин
Кисет с землёй и кровью

«Автор»

2025

Адерихин А.

Кисет с землёй и кровью / А. Адерихин — «Автор», 2025

В основе романа — реальное уголовное дело «Банды орденосцев», орудовавшей в Калининграде в 1946—1947 годах. Автор 15 лет работал с секретными архивами МВД, приговорами судов по статье «бандитизм» и воспоминаниями первых советских переселенцев в бывшей Восточной Пруссии. Книга, в которой полноправный главный герой — послевоенная история нашей Родины.

© Адерихин А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Спасибо!	6
1946	7
Если бы...	13
Знакомство	16
На новом месте	20
Серьёзный вопрос	25
Оперативная обстановка	30
Тайна Курочки Рябы	32
В общем здоровое состояние	37
Бомба	39
«Пять палаток»	40
Бомба, которой не было	42
Мясо хищных птиц	44
На букву «С»	46
Смерть стахановки	49
Тётя Беда и десять пленных немцев	51
Приключения одного пальто	57
Глухов	60
На «с». Или на «ш»...	65
Поколение, преданное...	67
Портрет вождя	69
Что делать?	71
Оперативное мероприятие	73
У Барбароссы	76
В засаде	78
В развалках	80
Игра в похороны	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Александр Адерихин

Кисет с землёй и кровью

Пальчу.

Прости, что не успел....

Спасибо!

Юрию Владимировичу Костяшову, научные работы которого открыли мне драматизм послевоенного периода в истории моей малой Родины, и фактуру из которых я активно использовал в этом тексте.

Юлии Анатольевне Радецкой, которая пинала автора, капала ему на мозги и верила в текст больше, чем сам автор.

Константину Резуеву, одному из авторов великой калининградской книги «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев», и другим авторам этого замечательного исследования.

Самому дружелюбному по отношению к исследователям коллективу Калининградского государственного архива Калининградской области и лично Варваре Ивановне Комиссаровой.

Светлане Колбанёвой, сделавшей первую редактуру этого романа, после чего текст можно было показывать приличным людям.

Юрию Грозмани, подарившему мне историю итальянки «Изотты» и красивый сюжетный ход.

Олегу Черенину, исследователю истории спецслужб.

Вадиму Александрову, Виталию Лавриновичу, Александру Чалому. За критику, оценки, предложения и потраченное на чтение время.

Всем калининградским Адерихиным, в силу своего родства с автором вынужденным прочитать роман ещё в машинописи.

Софье Заостровцевой – отдельное .

Дмитрию Владимировичу Манкевичу, историку, за прекрасную фактуру, которую автор творчески и беспощадно тырил, а также за комментарии, замечания и оценки.

Илье Олеговичу Дементьеву. За «Золотую жилу» и другое. За то, что он есть, например.

Спартанскому царю Леониду Шаньгину за консультации. Сергею Корнюченко. За беспощадную критику.

Доктору Петрову. За неоценимую медицинскую информацию о жизни трупов.

Славе Попову из Ленинграда за вездливость, убеждения, потраченное время, критику, советы, корректность, питерскую интеллигентность.

1946

Вагон поезда «Москва – Кёнигсберг» качнулся на повороте, инерция бросила Семейкина, спавшего на верхней полке, на стенку вагона. Он проснулся, лёг на живот, посмотрел в окно.

– Станция Эйткунен, в Пруссию въезжаем, – ответил на его немой вопрос попутчик – мужчина с добрыми глазами, спрятавшимися за стёклами очков, съехавших на самый кончик носа. Из кармана его мятого парусинового пиджака торчала «Красная газета», орган Министерства тяжёлой промышленности, такая же мятая, как и пиджак.

Вчера вечером гражданин в мятом костюме и второй попутчик, лысый мужик в сапогах и косоворотке, весело обсуждали зубодробительный фельетон

«Водка в гробу» гремящего на всю страну журналиста Подпаскова. Ершисто пишущий Подпасков сатирически высмеивал нравы, царящие на Сормовском судостроительном заводе. Там коммунист, с прижизненного разрешения товарища, тоже коммуниста, прилюдно положил ему, умершему, в гроб бутылку водки, купленную у спекулянтов.

– Теперь до Кёнигсберга рукой подать, – сказал «мятый» и громко втянул в себя чай из стакана в металлическом подстаканнике с отштампованным Кремлём.

Он работал где-то на Севере, вначале в шахте, а потом, когда получил лёгочную болезнь, счетоводом. Из-за лёгочной болезни в армию его не взяли, хотя он просился несколько раз. Второй, в косоворотке, галифе и сапогах, оказался вербовщиком с Кёнигсбергской целлюлозно-бумажной фабрики.

– Нам, товарищ, на целлюлозно-бумажной финансовые работники очень нужны, – продолжил агитировать «мятого» лысый вербовщик. – Нам все нужны. Стране бумага нужна... Книжки на ней печатать, учебники... Мы вам все условия создадим. Если не семейный, место в общежитии дадим, рядом с комбинатом. На 40 койко-человек вместимостью!

«Мятый» опять втянул в себя чай, словно хотел сразу всосать и стакан, вербовщик продолжил: «А если семейный – полдома в рабочем посёлке себе забирай, с участком и мебелью! Сам выберешь. Если дом, в котором немцы живут, понравится – выселим немцев, тебя заселим... Кто их спрашивать будет... А если я тебя, дорогой товарищ, обману, то ты всегда меня на фабрике сможешь найти и спросить по-мужски за обман».

Вербовщик явно не в первый раз произносил свою речь. «Мятый» почесал лоб: «Ох, товарищ, хорошо рассказываешь...»

Семейкин спустил со своей верхней полки ноги вниз, потёр глаза, достал из-под матраса ботинки. Он спрятал их туда вечером, когда ложился спать. Он любил свои ботинки. Не так-то просто они ему достались. К тому же других у него не было.

– Хорошие ботинки, – сказал «мятый». – Фабрика имени Берии?

– Американские, ленд-лизовские, – ответил Семейкин, отодвинул дверь купе и вышел в коридор, прихватив когда-то белое вафельное полотенце с чёрным штампом Белорусской железной дороги. В коридоре проводник поднимал шторы на окнах. Верный признак, что пассажирский состав «Москва – Кёнигсберг» проследовал Литву. Схватив полотенце, свисавшее с шеи, за края, с зажатой зубами дымящейся папироской Семейкин отправился в туалет.

Дорожные разговоры, ещё десять минут назад запертые в закрытых купе с опущенными шторками на окнах, теперь обрывками фраз вываливались сквозь открытые двери в коридор.

– Мы когда приехали, – это трубный мужской голос из купе номер пять, – то у меня супруга запаниковала: развалки кругом, немцы ходят, только коробки домов стоят... Она меня ещё в машине теребить начала: «Мишенька, поедем домой, поедем назад завтра же...» Я ей говорю: «Лизанька, конечно, поедем...» А куда ехать – то? Опять в землянку, в подвал сторевавший? От дома – то один адрес остался...

В четвёртом купе разговаривали вполголоса, но Семейкин услышал, как женщина лет сорока рассказывает седому мужчине в пижаме: «Дядя Витя, который жил на втором этаже, на Альбрехтштрассе?.. Танкист, майор... Не помнишь, что ли?! Он на немке женат был. Вот он из-за неё и повесился. После этого его Эльзу и их сына Эрика забрали...»

Её спутник в полосатой пижаме, не обращая никакого внимания на человека в коридоре, удивлённо переспросил: «Да ладно?! Витька из-за этой стервы повесился? Мне эта эсэсовка никогда не нравилась...»

В третьем купе кто-то грузный, свесившись с верхней полки над двумя играющими в «дурака» пассажирами, говорил третьему: «...А я ему так и сказал: присланная из Тильзиту картошка – неблагонадежная для посевных целей, ввиду своей мёрзлости. И вообще, окажите помощь району в получении 70 штук электрических лампочек...»

Во втором купе испуганный женский голос рассказывал: «...То девушку в развалины заташат, то окровавленного гражданина принесут... А за три дня до моего отъезда в Москву, ночью трое вломились к соседу, Мише Ставронскому. Он старший лейтенант, в газете «Во славу Родины!» служит. Так бандиты дали ему ломом по голове. Хорошо, что промахнулись, по плечу попали... Он упал на кровать, а у него под подушкой – револьвер. Он в них и начал стрелять. Одного, немцем оказался, убил, а второго ранил. Этот наш, из военнопленных. Он потом в госпитале умер... Как страшно жить, как страшно...»

Купейный билет был для Семейкина дороговат. В Москве, в кассе Белорусского вокзала, плацкартных билетов не было. Семейкину пришлось доплатить. Семейкин не хотел ждать. Он хотел быстрее оказаться на новом месте, осмотреться и принять решение: вызывать к себе Дарью Никифоровну или пусть пока она поживёт в Ярославле. Ох... Дарья Никифоровна... Что же она хотела ему сказать в тот день? О чём серьёзно поговорить?

В тот день Семейкин очень спешил на службу. Поэтому договорились серьёзно поговорить вечером. А вечером того дня он пришёл к ней пьяный, рассказал, что подрался с Белоусовым, начальником районного Уголовного розыска, и теперь у него беда страшная. Он вспомнил, что они с Дашей хотели о чём-то поговорить, но она только махнула рукой... А утром Семейкина срочно вызывают в кадры. В кадрах ему выдали предписание срочно выехать в долгосрочную командировку в город Кёнигсберг Кёнигсбергской области в составе РСФСР...

Мысли заматались в голове, больно ударились о стенки черепа старшего сержанта рабоче-крестьянской милиции. словно стая испуганных ворон, пометавшись, они снова осели на дно сознания, уступив внутричерепное пространство вытекшим из них неприятным воспоминаниям. О пощёчине, отвешенной этому козлу Белоусову. Ох, сдержаться бы тогда, ох, сдержаться бы... Всё бы сейчас было по-другому. И не надо было бы ехать в эту неметчину...

В первом купе грянул смех. Из него вышел сержант с перекрещенными стволами старинных пушек на погонах, орденами и медалями на гимнастёрке. Невысокий, широкий в кости, он встал в коридоре, расставив короткие ноги. В руке сержант-артиллерист держал столовую ложку. Ложка была не простая, мельхиоровая, с ручкой, покрытой резными узорами.

Не обращая никакого внимания на пытающегося пройти Семейкина, он показал её смеющимся пассажирам своего купе: «Вот она, родная! Мне её дед дал, когда я на фронт уходил. А он её с первой империалистической привёз. Где-то здесь, под Гумбинненом, в бюргерской усадьбе приспособил под нужды русской армии. Она мне жизнь спасла. Когда Днепр форсировали, мы на переправу пошли, немец стал миномётами накрывать. Я этой ложкой окоп себе вырыл. Минут за семь. Не в полный профиль, конечно, но даже и не ранило...»

Сержант наконец-то обратил внимание на Семейкина, посторонился, сделал широкий приглашающий жест рукой с зажатой в ней ложкой: «Проходи давай, чё топчешься...»

Семейкину не понравилось, как сказал сержант, но возмущаться не стал. Ко всем его бедам ещё не хватало дорожного скандала на пустом месте.

Постукивая по «пипке» крана в вагонном туалете, в котором кончалась вода, Семейкин вспомнил, как вчера утром на перроне Белорусского вокзала этот сержант-артиллерист небрежно козырнул проходившему мимо странному майору в очках. Майор явно растерялся. Вначале он попытался отдать честь левой рукой, потом на секунду задумался и неуверенно сделал это правой.

Станный майор тоже ехал в этом вагоне. Семейкин столкнулся с ним в вагонном коридоре. Расстёгнутая новенькая солдатская, но с майорскими погонами гимнастёрка, новые же солдатские галифе... Босые ноги торчат из потёртых домашних тапочек с помпонами... Нет, этот майор – положительно подозрительная личность. Подозрительно не военный майор.

Когда Семейкин, умывшись, возвращался в своё купе, поезд остановился. Вагон наполнился запахом гари. Гарь напомнила Семейкину, как в ноябре сорок четвёртого Мария Александровна, соседка Дарьи по коммунальной квартире, получила от мужа-фронтовика посылку. В ней – обыкновенный солдатский кисет. Только вместо махорки в кисете была земля.

«Дорогая моя Маша, дорогие мои соседи! – писал фронтовик своей жене и соседям. – Высылаю вам кисет с землёй, самолично набранной мной на территории фашистской Пруссии. Вот она, кровавая земля проклятой Германии!»

Посмотреть проклятую кровавую землю на общей кухне собрались все жители квартиры номер восемь, двенадцать человек плюс сержант народной милиции Семейкин, которого в этой квартире уже начали называть по имени. Обитатели квартиры, взрослые и дети, смотрели на землю из кисета, мяли её в руках, нюхали, а мальчик Женя из угловой комнаты даже потрогал её языком. За что получил от матери подзатыльник.

Проживающие настолько увлеклись процессом, что не сразу почувствовали запах гари – вода в кастрюльке на примусе бабушки Семёновны выкипела, и картошка в ней начала подгорать... Когда примус потушили, инвалид Васнецов, проживающий в пятой комнате, осмелился сказать то, о чём успели подумать все собравшиеся на кухне: «Земля как земля. Обыкновенная. С виду и не скажешь, что проклятая... И с кровью...»

Теперь проклятая Германия была сразу за окном. Семейкин высунулся в окно. На соседнем пути стояли покорёженные вагоны, рядом с ними колёсами вверх лежал паровоз, сброшенный с колеи взрывом авиабомбы. Паровоз лежал, подставив июньскому солнышку свой паровозий живот, густо усеянный дырами от пуль и осколков.

От станции, вокруг которой ещё стояли противотанковые ежи, остались обгоревшие стены со стрельчатыми проёмами окон. По одной стене шла надпись: «*Tod oder Sibirien?*»¹, выполненная готическими буквами высотой в человеческий рост, на другой на русском было написано «Эйдукунен», и тоже в человеческий рост.

Прямо напротив окна вагона, в котором ехал Семейкин, на расстоянии протянутой руки из кучи деформированного и обгоревшего металлолома нелепо торчал синий фонарь. Фонарь наклонил голову-светильник, словно замер в поклоне.

Громко стуча деревянными башмаками по брусчатке перрона, мимо окна поезда «Москва – Кёнигсберг» прошёл старик-немец в вязаной, заштопанной на локтях кофте, в потёртых армейских мышинового цвета штанах с отвислыми коленками, в фуражке с треснувшим лакированным козырьком на голове. Под козырьком – длинный горбатый нос, под носом – пышные седые усы. Из усов торчит незажжённая трубка. На рукаве вязаной кофты – чёрная повязка, знак траура по кому-то из близких.

Немец что-то зло выговаривал тащившейся за ним девчонке лет восьми, худой до прозрачности, в ситцевом платье в выцветший горошек, залатанном мужском пиджаке и деревянных башмаках, из которых торчали синие голые ноги. Старик посмотрел в окно стоявшего рядом русского поезда. Его взгляд встретился со взглядом Семейкина. В выцветших глазах

¹ «Смерть или Сибирь?», нем.

старика не было ничего. Не было горя, страха, радости, любопытства, усталости, упрёка, любви, скуки, ненависти, боли, хитрости, скорби, надежды. Такие глаза бывают у мёртвых.

Девчонка протянула синюшную худую руку к Семейкину. Это была левая рука. Вместо правой болтался пустой рукав с подвёрнутым обшлагом. Протянув руку, долговязая сказала: «Брот, битте... Клеб, пошалуйста...» и улыбнулась Семейкину. Поезд тронулся. Старый немец крикнул долговязой с протянутой рукой что-то злое, она вприпрыжку побежала за стариком, чуть не потеряв соскользнувший с ноги деревянный башмак, и громко повторяя за собой какую-то свою немецкую детскую считалку: «Цек, цик, цак, Цик, цак, цек, Ци, ца, цаус...»

К Кёнигсбергу поезд шёл нехотя, словно какие-то высшие силы подгоняли состав, заставляя хотя бы попытаться соблюсти расписание движения. Поезд то медленно полз, то нехотя набирал скорость, чтобы за следующим поворотом остановиться на несколько минут.

Во время одной такой остановки на полустанке, окружённом кирпичными домами со стрельчатыми крышами из красной черепицы, Семейкин опять вышел в коридор покурить. Некоторые дома за окном напоминали дома на картинках в книге сказок Андерсена, которую Семейкин как-то полистал в библиотеке резинкомбината. В стене одного из домов за окном – похожая на неровную звезду пробоина от снаряда. В дыре виднелись голубые обои, перекошенная фотография на стене...

За домом стояли несколько армейских грузовиков. Перед ними – толпа немцев: старики, женщины и дети. С узлами, чемоданами, тележками, колясками. Некоторые плакали, некоторые улыбались. Перед немцами – лейтенант в танковом комбинезоне, в руках он держал кучу бумаг. Ветерок теребил бумажки, они пытались улететь или неудобно складывались пополам.

Лейтенант громко читал, с усилием продираясь сквозь немецкие имена: Зюнвольд, Маргита Генриховна! Кюнсберг, Арнольд Хубертович! Диссель, Марта Гуговна!

Названные лейтенантом немцы со своими колясками, детьми, чемоданами и узлами забирались в указанный солдатами грузовик.

– Ност, Анна Рупрехтовна!

Анна Рупрехтовна Ност, немка лет сорока с большим животом и таким же чемоданом, на пути к грузовику неудобно нагнулась и схватила горсть земли, засунула её себе в карман. Из-за своего большого живота сама она влезть в кузов «студебеккера» не смогла, её посадили один из советских автоматчиков и проходивший мимо немец-железнодорожник с молотком на длинной ручке в руках. Когда её подсаживали, паровоз состава «Москва – Кёнигсберг» дал длинный гудок, от которого Анна Рупрехтовна вздрогнула, и медленно покатился в сторону Кёнигсберга.

– Немцы, – проводник остановился рядом с Семейкиным. – Скоро всех в Германию вывезут. И будет здесь наша новая, сугубо русская земля... Издревле славянская... А они... Разбойничий оплот фашизма из неё устроили... Тьфу!»

Когда уже должен был показаться Кёнигсберг, часть пассажиров, включая Семейкина, вышла в коридор со своими вещами, поезд снова остановился рядом с двумя деревянными бараками. Стоящий за Семейкиным вербовщик с целлюлозно-бумажного, увлекая за собой уже явно завербованного финансового работника, недовольно сказал Семейкину: «Ну, чего стоим? Всё, приехали. Кёнигсберг. Вокзала-то нет, сгорел вокзал...»

Только теперь Семейкин заметил выцветшую надпись белой краской над дверью барака «Зал ожидания». Потолкавшись за пассажирами, Семейкин дошёл до вагонной двери, шагнул на ступеньку и замер.

Кёнигсберг

Может, сто, может, двести, немецкие паровозы с фашистскими орлами на лбах котлов стояли, упёршись друг в друга, на соседних путях. За ними до самого горизонта простирались

развалины. В этих развалинах, среди которых старые и новые жители уже успели проложить узкие дорожки, читалось бывшее архитектурное великолепие города. Оно чувствовалось в каждом красно-коричневом кирпиче пятиэтажной руины, в нависшей над стрельчатым подъездом без дверей каменной голове рыцаря в яйцеобразном шлеме, печально смотрящей в мостовую, во вьющихся по стене каменных виноградных лозах, перебитых пулями и осколками, в мостовых, выложенных брусчаткой так аккуратно, что их поверхность напоминала рыбу чешую...

– Ну что, – жизнерадостный вербовщик схватил застывшего финансового работника под руку, – пойдём, товарищ, расскажу тебе, как до твоего Хайнрихсвальда добраться. Проведаешь свою родственницу – и давай к нам, на комбинат...

Барак «Зал ожидания» был забит до отказа. Женщины, мужчины, с узлами, чемоданами, вещмешками, детьми. Кто-то встречал, кто-то ждал поезда, кто-то ругался с соседями из-за места, кто-то рассказывал, как в оккупацию хлеб от немцев прятал, а кто-то – как местные немцы варенье варят из ревеня. Кто-то просил посмотреть за вещами, а кто-то жаловался, что в «Зале ожидания»

«клопов чрезвычайно много, даже, суки, с потолка падают...»

Было много военных, солдат и офицеров. Сидя на чемоданах и вещмешках, они жевали конфеты «Белочка» из продуктового довольствия, бросая фантики на брусчатку перрона. Среди этих скандалящих, беседующих, спящих, дремлющих, жующих, играющих в карты людей бегала стайка мальчишек и девчонок, игравших в какую-то свою детскую игру.

Семейкин шёл позади вербовщика, по-прежнему цепко держащего под руку финансового работника. Свободной рукой вербовщик нёс раздутый и потёртый кожаный портфель. Чуть в шаге от них к выходу пробирался тот самый странный, совсем не военный майор из их вагона, в очках, с маленьким чемоданчиком в руках и вещмешком за плечами.

Вербовщик рассказывал финансовому, где «голосовать» попуткам, как ехать в Хайринх... Хайнриг... Ох, прости господи, придумают же названия, когда уже переименуют, язык сломаешь с этими Хайнрихсвальдами... Что ехать лучше через Лабиау, если попутка – грузовик, то в кузове лучше лечь на дно, а то постреливают в дороге из леса недобитки, а в это самое Хайрихс... вальде, короче, «лесные братья» из Литвы захаживают, поэтому, если партийный, партбилет лучше в носок спрятать... А лучше не ехать в это самое Ханрихс... вальду, короче, а сразу на комбинат обустраиваться, а после обустройства можно будет у начальства на три дня отпроситься...

Финансовый работник остановился. Вербовщик по инерции пытался его увлечь с собой, но финансовый освободил свою руку.

– Ну, Василий Харитонович, – сказал финансовый работник, протягивая вербовщику руку и ставя свой чемодан на дощатый пол, – мне туда.

Финансовый кивнул головой на надпись со стрелкой «Туалет», продолжил:

«Спасибо тебе. Ты не беспокойся, я тебя не подведу, жалеть тебе о своём выборе не придётся... Давай обнимемся, товарищ мой дорогой, и до встречи в моей новой жизни на новом месте!»

Финансовый широко развёл руки. Вербовщик Василий Харитонович тоже. Двое мужчин обнялись, хлопая друг друга по спинам. И в этот самый момент мимо них проходил тот самый, абсолютно не майорского вида майор. А мимо майора – какой-то солдат с железнодорожными эмблемами на погонах. Солдат, смерив странного не военного майора с ног до головы, секунду думал, отдавать такому честь или и так обойдётся, но потом всё-таки козырнул.

Майор дёрнул вверх свою правую руку, в которой нёс чемоданчик, и... по инерции ударил чемоданчиком двух обнявшихся мужчин, стоявших рядом с ним.

– Ой! – вскрикнул вербовщик Василий Харитонович и отпрыгнул от завербованного им финансового работника.

– Бля! – вскрикнул финансовый работник и отпрянул от вербовщика. Толстый финансовый работник быстро завертел головой в разные стороны. Семейкин увидел, как по дощатому полу запрыгал выроненный финансовым пятак. Монета подкатилась к ногам мальчишки лет семи. Мальчишка поднял пятак, протянул монету мечущемуся финансовому работнику: «Дяденька, вы денежку уронили!» Финансовый подхватил с пола свой чемодан.

– Товарищи, вы меня извините, – майор скорбно прижал руку к груди, – я очень извиняюсь...

– Ах ты ж... Сука! – вербовщик Василий Харитонович сунул пятерню за борт пиджака, во внутренний карман. Она легко выскочила наружу сквозь узкую прорезь под нагрудным карманом. Вербовщик попытался схватить финансового работника за руку. Тот чрезвычайно ловко для своей тучной фигуры вывернулся и, не выпуская чемодана из рук, бросился бежать, по дороге сбив с ног странного майора с прижатой к груди рукой. Майор повалился на сидящую на узлах семью, трое детишек с визгом выскочили из-под него, когда он уткнулся лицом прямо в грудь переселенки в ситцевом платье. Она вскрикнула и оттолкнула его, пытающегося подняться, и он снова упал, на этот раз на дощатый пол.

Толстый финансовый, подвижный, как капля ртути, бежал прямо на Семейкина. Семейкин встал на его пути вытянул руку с растопыренными пальцами и громко приказал: «Стоять!» Широко размахнувшись на бегу, толстый запустил в Семейкина своим чемоданом. Описав дугу над пригнувшимися гражданами и гражданками, чемодан больно ударил Семейкина между рёбер, сбил с ног. Семейкин упал под лавку. Падая Семейкин увидел, как из сбившего его с ног раскрывшегося чемодана вылетели лифчик, пара женских туфель, нитяные коричневые чулки, пудреница.

Семейкин высунулся из-под лавки. Пробежавший по ногам Семейкина толстый «финансовый» подхватил с дощатого пола пудреницу, бросил её Семейкину в лицо. Он попал Семейкину в лоб. От удара пудреница раскрылась. И высыпалась, забив Семейкину рот, нос, глаза и даже уши. Протерев глаза, Семейкин вскочил на ноги. Люди в бараке кричали, мужчины – матом, некоторые женщины тоже, дети визжали за компанию со взрослыми. Толстый бежал к выходу, перепрыгивая через чемоданы, уворачиваясь от пытающихся его схватить рук и поставить ему подножку ног.

Если бы...

Если бы толстый побежал в другую сторону, к выходу в город, то уже был бы на свободе. Всё, что ему надо было, так это добежать до заваленной кирпичами обгоревшей «пантеры» с перебитой левой гусеницей, стоявшей метрах в десяти от «Зала ожидания», под стеной раздолбанного дома, над обгоревшим подъездным проёмом которого висела печальная каменная голова рыцаря в яйцеобразном шлеме.

Конечно, была опасность, что на бегущего к развалкам толстого обратили бы внимание два конвоира, сидящие с винтовками на гряде битого кирпича и играющие в карты, пока их подконвойные, красные от кирпичной пыли немцы, грузили кирпич на грузовик с откинутым задним бортом. Но конвоиры были слишком увлечены игрой...

Толстый побежал в другую сторону. Он забежал в угол «Зала ожидания» под кумачовый лозунг: «Железнодорожники Кёнигсберга! Выше знамя предоктябрьского социалистического соревнования!»

Толстого окружила толпа. Он понимал, что сейчас его будут бить. Он уже получил пару пинков кирзовым сапогом. Толстый прислонился к стене спиной, закрыл голову руками и быстро сел на корточки. В этот момент между толпой и зажатым в угол толстым встал подбежавший к месту происшествия Семейкин.

– Спокойно, товарищи! – Семейкин старался говорить максимально уверенным тоном. – Я из милиции! Сейчас разберёмся.

Для убедительности Семейкин уверенно тряхнул головой. С неё посыпалась пудра, оставив приторно пахнущее белое облачко вокруг. Семейкин посмотрел на толпу. Толпа смотрела на него. Толпа обсыпанному пудрой человеку не верила. В этот момент он не походил на сотрудника милиции.

Взгляд, на который напоролся Семейкин, выделялся из недобро многоглазой толпы. Мужик в сером летнем плаще и кепке в первом ряду, лет сорока, со шрамом над левой бровью, носом-картошкой, порыжевшими от курения усами, голубыми глазами с длинными белёсыми ресницами... Мужик улыбался. В этой улыбке не было ничего хорошего.

– Из милиции? – недоверчиво переспросил мужик. – И документики имеются? Пр продемонстрируй.

Продравшийся сквозь толпу вербовщик гневно ткнул пальцем в Семейкина и сказал толпе: «Они вместе в одном купе ехали! Заодно!»

Семейкин полез в карман брюк, пытаясь пальцами расстегнуть английскую булавку, на которую был заколот карман. Боковым зрением он заметил, что в ответ нехорошо улыбающийся мужик сунул свою правую руку в отвислый карман плаща. Что там? Нож?

Ах, Дарья Никифоровна, Даша, Дашенька... Хороший совет дала: карман заколоть. Ему ли, старшему сержанту рабоче-крестьянской милиции, не знать, как карманники вытаскивают деньги и документы?

Но булавка не поддавалась. Толпа подходила всё ближе, женщины пропустили вперёд своих мужиков. Уже хорошо. Семейкин вспомнил, как в сорок втором в Ярославле, в трамвае №5, он отбивал от четырёх баб проколовшегося карманника. В тесном салоне трамвая они его щипали, царапали, а одна, на удивление скоро скинув туфлю с ноги, лупила несчастного каблуком по голове.

А ещё Семейкин почему-то вспомнил, как в том же Ярославле народный следователь Бузукашвили на банкете по поводу юбилея создания рабочей милиции, выпив, рассказывал: «...Если на месте преступления кровушка аж на потолке, мозги у трупа по стене размазаны, а сам он сорок раз ножом истыкан – я первым делом бабу искать начинаю...»

Булавка не расстёгивалась. Она всё время выскальзывала из потных пальцев. Семейкина толкнули. Семейкин отлетел в угол, где уже сидел скалящийся на толпу из-под своих рук, закрывших голову, толстый. Он прошипел в сторону старшего сержанта: «Ну, ментёнок, огребёшь за компанию...»

– Ща мы щупанём, кто тут из милиции, а кто – из шайки! – крикнула толпа голосом вербовщика.

– А чё их щупать? – снова крикнула толпа, сменив голос вербовщика на женский фальцет. – Не девки же... На месте проучить гадов!

Толпа придвинулась к двум зажатым в углу мужчинам. Семейкин снова наткнулся на глаза мужика с носом картошкой, шрамом над левой бровью и жёлтым от табака квадратиком усов под носом. Мужик в толпе явно был не из толпы. Он по-прежнему плохо улыбался и смотрел на Семейкина. И по-прежнему держал правую руку в кармане своего плаща.

Не спуская глаз с двух мужчин в углу, он сказал Семейкину: «Так что там с документами? Только медленно, не резво...»

Потом он повернулся в пол-оборота к толпе и сказал: «Товарищи! Давайте без контрреволюционного самосуда!» Семейкин отметил, что мужик в плаще повернулся к толпе так, что не выпустил из поля зрения ни копошащегося Семейкина, ни скалящегося толстого.

И тут булавка растянулась. Сделала она это предательски подло. Семейкин насадил свой безымянный палец на булавоочное остриё. Засадил глубоко. От боли Семейкин вскрикнул и резко дёрнул руку с торчащей из пальца булавкой прочь из кармана. Мужик в плаще выхватил из кармана наган. Толпа ахнула, крикнула сразу несколькими голосами, среди которых Семейкин узнал голос вербовщика: «У него волына! Ещё один! Заодно! Милиция! Милиция!»

Мужика попытались схватить за руку, он вывернулся, но толпа бросила в него каким-то пыльным мешком, мужик в плаще потерял равновесие и полетел... в тот же самый угол, к Семейкину и толстому. При этом он выронил свой наган. Револьвер упал на дощатый пол и выстрелил. Пуля ударила в потолок, из которого посыпались голубиный помёт, побелка и испуганные клопы.

Семейкин вспомнил, как в клубе резинозавода он с Дарьей смотрел фильм с участием Чарли Чаплина. В этом фильме Чарли Чаплин сбежал из тюрьмы. Глупые тюремщики набросились на него, барахтались в углу друг на друге, мешая друг другу встать. Ну, вот как они сейчас. Но там, в фильме, это было смешно...

Через раздвинутые ноги барахтающегося человека в плаще Семейкин увидел, как сквозь крики, чемоданы и мечущихся людей, работая прикладами, к ним прорывается несколько милиционеров. Первым возле них оказался худой и нескладный милиционер с ППШ. Он сразу наставил автомат на троих барахтающихся в углу мужчин и громко приказал: «Руки вверх!»

– Наконец-то, – отреагировал мужик в плаще.

– Не разговаривать, – крикнул худой и нескладный милиционер, – руки поднять!

Все трое тут же выполнили его приказ.

– Ну, ну, ну... Спокойно, Клопцов, спокойно, – подошедший к длинному и нескладному милиционеру старшина положил на ствол его ППШ руку и вежливо поздоровался с мужиком в плаще, сидящим в углу с поднятыми руками.

– Здравствуйте, Николай Андреевич. Стреляли? Руки-то опустите.

– Ну так, – ответил мужик, опустив руки, – предупредительно.

Старшина поднял с пола наган, уважительно протянул его тому, кого он называл Николаем Андреевичем, помог ему подняться. Кивнув головой на Семейкина и толстого, спросил: «А эти что?»

Семейкин медленно достал документы, протянул старшине. Тот не сдвинулся с места, документы взял мужик в плаще. Взял осторожно, на бланке направления, вложенном в удостоверение, Семейкин оставил кровавый отпечаток своего проткнутого булавкой пальца.

– Так... – сказал мужик, – понятно... Вставай, товарищ. И руки можно опустить.

– Вот этот мне пиджак порезал, – к ним осторожно подошёл вербовщик и ткнул пальцем в «финансового работника». – Пятаком порезал, заточенным. Документы и деньги хотел вытащить. Ему вот тот майор не дал... – Вербовщик показал пальцем на абсолютно не военного майора, брезгливо ищущего под скамейкой свою пилотку. – Как набросился на него... Чемоданом его – шарах! А у этого, у толстого, в чемодане бабье всё...

Тут вербовщик понизил голос до шёпота и доверительно сказал мужику в плаще на ухо: «Даже пудра есть...»

– Ну что ж... – резюмировал мужик в плаще. – Попрошу всех пройти в отделение... И майора тоже возьмите... Молодец, майор... И толстого этого... общите.

Знакомство

Линейный отдел милиции на станции «Кёнигсберг – Пассажирский» располагался рядом со сгоревшим вокзалом. Половина здания осыпалась, не оставив стен, только груды красно-коричневого кирпича. Возле здания отдела – расплющенный трамвай. Семейкин прикинул траекторию и глазами проследил за следами от танковых гусениц. Вне всякого сомнения, трамвай расплющила, прежде чем её подбили, та самая «пантера», стоявшая с опущенным стволом напротив барака с надписью «Зал ожидания».

В отдел они шли пешком. Впереди – старшина и Николай Андреевич в плаще и кепке, за ними – толстый «финансовый работник» с руками за спиной, за ним – два милиционера с автоматами ППШ, вербовщик Василий Харитонович, нелепо обсыпанный пудрой Семейкин и майор. Трое последних – со своей ручной и заплечной кладью. Прохожие, немцы и русские, уступали процессии место, прижимаясь к стенам и кучам битого кирпича по бокам расчищенной улицы, покрытой брусчаткой с утопленными в ней трамвайными рельсами.

Вербовщик всё время болтал, обращаясь то к майору, то к Семейкину, перед которым явно чувствовал себя виноватым: «Я человек учёный, вся жизнь в разъездах, в поездках, всё с народом в общении... Нас на мякине не проведёшь... Я себе специальный кармашек тайный, самолично к пинджаку пришил, там и храню всё ценное... А как же, я – человек ответственный, мне средства доверяют, мне сам товарищ переселенческий инспектор товарищ Приходько говорил: «Ты, Василий Харитонович, большое дело делаешь, на него абы кого не поставят...»

Процессия поднялась на второй этаж по длинной галерее с выбитыми стёклами и гуляющими сквозняками, вошла в дверь с надписью «Милиция». Водопровод в отделении не работал. Длинный милиционер притащил откуда-то ведро воды. Перебросив свой ППШ за спину, длинный поливал из кружки голову Семейкина, склонившегося над раковиной неработающего умывальника в туалете и смывающего с себя пудру. Вода из ведра пахла болотом и рыбой.

– Мы воду тут рядом, – сказал длинный милиционер, – в пожарном водоёме берём... В правом. Раньше в левом брали, он ближе, но там трупов много во время боёв накрошили... И человеческих, и конячих... Пленные немцы чистют и чистют, а они всё всплывают и всплывают... Воняют...

Толстого посадили в кабинете начальника отдела, приковав его левую руку наручниками к батарее. Вербовщика Василия Харитоновича, потерпевшего, увел в соседний кабинет народный следователь, молодой армянин, не выговаривающий букву «р». Армянина милиционеры поздравляли – он уходил на повышение, следователем в транспортную прокуратуру.

Подозрительного майора и пахнущего пудрой, рыбой, болотом и немного мёртвыми немцами Семейкина посадили в «красном уголке» отдела, в зале с разнокалиберными стульями человек на 20, за столом, накрытым плюшевой красной скатертью. В зале – четыре огромных окна, от пола до потолка. Два – со стёклами, два – заколоченные фанерой. В одном окне на фанере были напечатаны типографским способом пять огромных женских туфель и написано на немецком «Boss. Markenschuhe. Alles strahlt!»²

На стене зала висел портрет Сталина. Под портретом – лозунг: «Житель советского Кёнигсберга! Сдавай найденное оружие!»

Поймав за рукав проходившего мимо старшину, Семейкин спросил, на чьё имя писать рапорт.

– Как на чьё? – удивился старшина и уважительно кивнул головой в сторону мужика в плаще. – На имя капитана Крюкова из ОББ...

² «Босс. Фирменная обувь. Всё блестит!» нем.

ОББ! Ого! Так вот он кто, этот мужик в плаще – сотрудник отдела по борьбе с бандитизмом! Капитан!

Семейкин сел за стол президиума, напротив писавшего своё пояснение майора. На столе стояли шахматы. Некоторых фигур не хватало. Их заменили гильзами. Слона белых изображала гильза от зенитного пулемёта «эрликон», гильзы от ТТ заменили отсутствующие пешки чёрных.

Оттопырив пульсирующий от булавочного укола палец, обмотанный клетчатым носовым платком, макнув ручкой «Крупп» в чернильницу, Семейкин начал писать рапорт: «Следовал к месту службы, в купе также следовал гражданин, рост, вес, был одет, лицо одутловатое, представился финансовым работником, следовавшим в, как его... на «Х»... Хайрихтсвальде... Был задержан сотрудниками милиции в зале ожидания станции «Кёнигсберг – Пассажирский» при помощи граждан. Под давлением доказательств...» Ну и так далее... Не в первый раз... Число, подпись.

Майор всё ещё писал пояснение. Лицо у майора было странное, как и сам майор. Широкое, круглое, с неестественно большим подбородком, тонкими губами, спрямлёнными в одну линию... Короче, не рот, а разрез какой-то... Такое впечатление, что майорское лицо вдавили кулаком в самый его центр, а потом в образовавшийся прогиб воткнули длинный острый нос и посадили неестественно маленькие для такого большого лица глазки. Майор почувствовал, что на него смотрят, поднял голову. Семейкин улыбнулся в ответ. Губы майора стали ещё уже и ещё длиннее. Семейкин так и не понял, была это ответная улыбка или какая-то другая эмоция. Майор вернулся к своей пояснительной.

За его спиной худой и длинный милиционер с автоматом шептал, поглядывая на пишущих за столом президиума, второму, коренастому, чуть ниже среднего роста, милиционеру: «...А письмо то надо переписать девять раз и разослать в разные стороны. А кто этого не делает, того на девятый день постигнет горе...»

Второй, коренастый, чуть ниже среднего, тихо сказал длинному: «Ну что ты придумываешь, Клопцов! Ты же комсомолец!»

Тут Семейкин заметил, что майор не пишет. Его перо зависло над листком бумаги. Майор явно подслушивал, о чём говорят милиционеры за его спиной. Губы на его лице опять стали длиннее и уже, ещё длиннее и уже, чем когда он улыбался Семейкину. Если только он тогда улыбался, а не что-то иное.

Майор заметил, что на него смотрит Семейкин, выпрямился на своём стуле, опять растянул губы, не разжимая... Нет, всё-таки это была улыбка.

– Закончили, товарищи? – в зал заглянул лейтенант с повязкой «дежурный» на рукаве. – Вас, товарищ старший сержант, Николай Андреевич подойти просит.

Семейкин с рапортом пошёл за дежурным. В соседнем помещении тоже висел портрет Сталина и тоже были свежоштукатурены стены. Сквозь штукатурку проступало изображение насупленных мальчишки и старика в кепках, с винтовками в руках. Они целились чуть пониже Сталина на портрете. Рядом с ними сквозь туман штукатурки проступали готические буквы немецкого слова «Volkssturm!»³

Под словом сидел прикованный наручниками за левую руку к батарее толстый «финансовый работник». Человек в летнем плаще, сотрудник ОББ, расписался в журнале за какой-то толстый пакет, густо усеянный сургучными печатями. Зажав пакет под мышкой, Николай Андреевич начал перебирать женские шмотки в чемодане «финансового работника». Сидящий рядом с чемоданом за столом старшина кому-то звонил по коричневому телефону.

– Да понял, понял я... Понятно всё, присмотрим... – сказал старшина в трубку, прежде чем положить её на рычаг.

³ Фольксштurm (нем.) – Народное ополчение в нацистской Германии

Николай Андреевич вопросительно посмотрел на старшину.

– Ну... – ответил на этот взгляд старшина и перешёл на шёпот. – Связался я с комендатурой. Этот майор следует в команду Брюсова при штабе округа. Сейчас они за ним приедут. Пока попросили присмотреть и не отпускать... Я там, в зале, двоих своих посадил, они присмотрят...

Николай Андреевич кивнул головой. Семейкин прокашлялся, чтобы Николай Андреевич обратил на него внимание. Обратил. Протянул руку. Семейкин сделал несколько шагов, вложил в протянутую руку свой рапорт. Быстро прочитав, Николай Андреевич удовлетворённо кивнул головой: «Молодец, хорошо... Вместе в управление поедет. Меня машина ждёт...»

– Есть! – ответил Семейкин. Дежурный лейтенант кивком головы указал на стул возле стены. Семейкин сел.

Николай Андреевич взял со стола очки «финансового работника». Неожиданно Николай Андреевич нацепил очки себе на самый кончик носа. Получилось смешно. Семейкин улыбнулся, лейтенант прыснул, старшина хохотнул, «финансовый» хихикнул, хотя вот кому сейчас должно было быть не до смеха, так это ему.

Не снимая очков, чудом не падающих с крупного носа, Николай Андреевич взял за спинку тяжёлый резной стул и потащил его за собой к прикованному к батарее толстому. Ножки стула с визгом тащились по кафельному полу кабинета. Толстый перестал хихикать, лейтенант – улыбаться, Семейкин поморщился. Скрип ножек неприятно резанул его по животу. Дотащив стул, Николай Андреевич уселся на него верхом прямо напротив толстого.

– А стёклышки-то у тебя, – сказал толстому Николай Андреевич, – не простые, а...

Несколько секунд он подбирал слово, наконец-то подобрал и с удовлетворением кивнул головой: «... а простые. Не увеличивающие. Для камуфляжу, что ли?»

Толстый пожал плечами: «Ну так...»

– Судим? – спросил толстого капитан.

– Семь раз, – ответил толстый.

– Последний раз за что? – спросил капитан.

Толстый шмыгнул носом: «Как социально враждебный элемент...»

– В Кёнигсберг откуда? – спросил капитан.

– Из Коломны, – ответил толстый. И добавил: «Заграничный город хотел посмотреть. Ну и заработать чего...»

– Чемодан где промыслил? – спросил капитан.

– В Коломне, на бану⁴, – ответил толстый.

– А что... – капитан не успел задать свой вопрос. В коридоре послышались шаги, и в кабинет ворвались двое. Дежурный лейтенант вскочил по стойке смирно. Николай Андреевич медленно слез со своего стула, тоже встал. Как и Семейкин, который сделал это вместе со всеми на всякий случай.

Один из ворвавшихся в помещение – грузный седой мужчина, совсем старик, лет шестидесяти, с невоенной «козлиной» бородкой, с чёрными густыми бровями, нависшими над уставшими глазами, и с погонами полковника на солдатской гимнастерке с расстёгнутым воротом – громко и требовательно спросил: «Где он?!».

Полковник был какой-то совсем не военный полковник. На голове у него вместо форменного головного убора, фуражки или хотя бы пилотки, была вполне себе гражданская летняя дырчатая белая панамы с обвисшими полями.

Но к странному полковнику с белой дырчатой шляпой на голове надо было относиться серьёзно. Об этом свидетельствовал его спутник, отглаженный, затянутый в портупею по всем

⁴ На вокзале. Криминальный жаргон

требованиям устава лейтенант в фуражке с васильковым верхом, в тёмно-синих галифе и начищенных сапогах.

– Кто «он», товарищ полковник? – спросил полковника лейтенант с повязкой «дежурный» на рукаве.

– Да какой я вам полковник, голубчик, – раздражённоотреагировал полковник в дырчатой панаме на голове. – Олег Ильич наш где?

– Я здесь, Александр Яковлевич! – крикнул услышавший шум майор из «красного уголка». Через секунду он вошёл в кабинет, за ним тащились два милиционера с автоматами, которым приказали присмотреть. Они вопросительно посмотрели на лейтенанта. Тот махнул рукой, милиционеры ушли.

Странные, абсолютно невоенные майор и полковник радостно обнялись. Похлопав друга друга по спине, они повернулись к лейтенанту в фуражке с васильковым верхом.

– Вот, знакомьтесь, – торжественно сказал полковник в шляпе-панаме своему спутнику – лейтенанту из госбезопасности, о чём свидетельствовала его, лейтенанта, фуражка с васильковым верхом, – наш Олег Ильич из Русского музея. Специалист по мифологии всесоюзного уровня.

Странный полковник хихикнул, поднял указательный палец вверх, подчёркивая важность того, что он сейчас скажет: «Знает, почему бабка и дедка плакали, когда Курочка Ряба снесла им золотое яичко!»

Семейкин вздрогнул. Он вспомнил «Школу имени Пролетарского труда», учительницу русской словесности Таисию Павловну, рассказывающую им сказку о Курочке Рябе, и свой, хоть и заданный с улыбкой, но искренний вопрос: «Почему?» У Таисии Павловны ответа на этот простой вопрос не было. Она покраснела и выгнала Семейкина из класса... С тех пор вопрос

«Почему дед и бабка плакали и пытались разбить золотое яичко?» навсегда поселился в голове Семейкина, всплывая на поверхность при виде куриц, яиц, стариков, бабок, мышей и частых воспоминаний о Таисии Павловне, тоже прочно поселившейся в его мозгу.

– А здесь-то вы как, голубчик, – запереживал полковник, взяв странного невоенного майора за плечи и разглядывая его, – что случилось?

– Товарищ майор помог задержать опасного преступника, – вместо майора ответил лейтенант с повязкой дежурного.

– Чёй та сразу опасного? – возмутился прикованный к батарее толстый, но на него никто не обратил внимания.

– Опасного? – переспросил полковник в панаме. – Какой вы, Олег Ильич, молодец. Ну пойдёмте теперь серьёзным делом займёмся...

Они ушли. Николай Андреевич сказал дежурному лейтенанту: «Команда Брюсова. Понабрали из музеев искусствоведов всяких, близоруких и плоскостопых, присвоили майорские и выше звания, чтобы солдаты не обижали, и сюда, в Кёнигсберг, сокровища и ценности искать, которые немцы варварским образом с наших оккупированных территорий вывезли...»

Николай Андреевич взял свой пухлый конверт с сургучными печатями под мышку, протянул лейтенанту руку: «Ладно, поедem мы».

Дежурный лейтенант отстегнул прикованного к батарее толстого: «А ты, голубчик, в камеру сейчас...»

Говоря «голубчик», дежурный лейтенант передразнивал только что ушедшего сумасшедшего полковника в дырчатой панаме... Все хихикнули, даже толстый.

На новом месте

Во дворе отдела стояла синяя «эмка» с водителем. Николай Андреевич кивнул Семейкину на заднее сиденье, сам сел рядом с водителем. В этот момент где-то в окнах отдела милиции на транспорте заматались вначале крики, потом звон разбитого стекла, потом выстрелы.

– Что у них там... – Крюков сунул руку в карман плаща. Из дверей отдела выскочил невысокий милиционер с ППШ в руках.

– Чего у вас там? – крикнул ему Крюков.

– Сбежал ворюга этот, – милиционер притормозил, отвечая на вопрос начальства.

– Как сбежал? – удивился Крюков. – Он же в наручниках?

– А в них и сбежал, – пояснил милиционер. – Его Клопцов в камеру повёл по калидору, а он, ворюга этот, как побежит! В окно прыгнул, не посмотрел, что второй этаж. Стекло вышиб, только вчера застеклили. Товарищ лейтенант пальнул пару раз, но какой там!

Крюков махнул рукой, милиционер с автоматом побежал ловить сбежавшего.

– Поехали, – сказал Крюков. – Сбежал так сбежал. Не наше горе.

Всю дорогу Семейкин разглядывал город. Среди развалин было много зелёных деревьев и немцев. Куда-то идущих, что-то тащащих в детских колясках, что-то несущих в мешках за спиной. Немцы были очень чистыми. Их одежда постирана и заштопана, обувь, пускай и стоптанная донельзя, но почищенная. Немцы в основном были женщинами и детьми. Реже встречались старики. За всю поездку Семейкин заметил троих мужчин лет до сорока. У одного, блондина с усами, в немецкой униформе со споротым орлом и знаками различия, до колена не было правой ноги. У другого, в армейском кителе и чёрных, аккуратно заштопанных на коленях и ягодицах брюках, не было правой руки. У третьего, в подранной советской гимнастёрке и клетчатых штанах от пиджачной пары, не было левой ноги выше колена, левой руки, левого глаза и левого уха.

Сквозь первые впечатления Семейкина от того, что осталось от города, прорывались обрывки разговора Николая Андреевича и водителя. Они обсуждали какого-то Гаврилова, не успевшего приехать, а уже занявшегося хозяйственным обрастанием и трофейщиной: распоряжался государственными средствами и продуктами, как лично ему принадлежавшими, устроил своей нигде не работающей жене рабочую продуктовую карточку, содержал за счёт треста немку-прислугу и лично отобрал у немцев шкаф, буфет, ковёр и три стула... За Гавриловым настала история замначальника Управления по гражданским делам Третьего района Кузьмина, систематически поддерживающего личные связи с немкой, представляющего её окружающим как свою жену и отдающего ей всю свою зарплату.

На каком-то перекрёстке «эмка» резко затормозила, чуть не врезавшись в выкатившихся из-за угла четырёх моряков на дамских велосипедах. У моряков были подвёрнуты правые штанины, чтобы брючину не зажевала велосипедная цепь. Один из морячков, увернувшийся от бампера «эмки» и чуть не упавший при этом с чёрного велосипеда, с доброй пьяной улыбкой укоризненно ткнул рукой в направлении «эмки»: «Ну куда же ты прёшь?! Не видишь, мы едем!»

Водитель нажал на клаксон. Морячки, не слезая с велосипедов, покрыли водителя матом. Потом с достоинством, явно заставляя водителя «эмки» ждать, покрутили педали и скрылись за поворотом.

– Вот черти полосатые, – водитель нажал на «газ», словно оправдываясь. – Явно из отряда подводных работ. Комендант города запретил военнослужащим на велосипедах ездить. Всем, кроме посыльных при исполнении. Все неучтённые велосипеды изъяли. А эти всё ездят и ездят. У них изымают, а они ездят. Они, когда фарватер чистили, в Прегеле целую баржу этих

велосипедов нашли... Когда у них велосипеды кончаются, водолаза запускают. Он им десять вместо пяти изъятых поднимает...

Проводив взглядом моряков на велосипедах, водитель Семёнов тронулся с места, завернул за угол и вдруг громко рассмеялся.

– Ты чего? – Крюков с удивлением посмотрел на водителя.

Семёнов сквозь смех махнул рукой: «Я тут училку с вокзала позавчера подвозил, из Молотова приехала, по распределению. Едем, значит, едем, а тут крысы к Прегелю на водопой через дорогу побежали. Прямо перед машиной. А училка слепенькая такая, в очках, линзы толстые! Спрашивает меня: «А что это дорога шевелится?» А ей говорю, это не дорога, это крысы. А она как завизжит, я чуть в развалку не врезался!»

Посмеялись все втроём.

Через десять минут они подъехали к четырёхэтажному дому, стоящему среди разрушенных, полуразрушенных, почти совсем не разрушенных и совсем не разрушенных, если не считать выбитых окон и испещрённых выбоинами от пуль и осколков стен, домов.

– Приехали, – сказал водитель Семейкину, потому что Николай Андреевич это знал сам, – выходим...

Семейкин по мраморным ступенькам поднялся за Николаем Андреевичем, потянувшим на себя тяжёлую дверь, обитую позеленевшей то ли медью, то ли латунью, с огромными, во всё полотно резными дубовыми листьями. На одной из створок двери висела деревянная табличка «УМ УМВД по Кёнигсбергской области⁵».

Дежурный милиционер за массивным письменным столом с другой стороны массивной двери, увидев Крюкова, встал, отдал честь. Над милиционером висел лозунг, написанный на большом красном полотне: «Я не знаю ни одной организации, которая соприкасалась бы с народом больше, чем органы милиции. Не забывайте, что вы соприкасаетесь с лучшими людьми, которые перенесли всю тяготу войны. Умейте любить и ценить этот народ». И подпись – «Иосиф Виссарионович Сталин».

Под транспарантом на стене за спиной дежурного висели два портрета: увеличенные фотографии, явно переснятые с личных дел двух сержантов. Правые углы фотографий были перечёркнуты чёрными прямоугольниками из крепа.

– Это со мной, новый сотрудник, – сказал дежурному Николай Андреевич, кивнув на Семейкина.

Для начала Николай Андреевич повёл Семейкина в столовую. На двух столах стояли две большие кастрюли, на третьем – стопка тарелок. На одной кастрюле коричневой краской от руки было написано «1 блюдо жидкое». На второй – «2 блюдо». Над столами висел лозунг: «Грязные руки грозят бедой! Чтоб хворь тебя не сломала – будь культурен: перед едой мой руки мылом! В. Маяковский». Под лозунгом на листе бумаги висело объявление: «Компот отпускается в посуду посетителей. Ложек нет»

Между столами с кастрюлями сидел на стуле лысый человек в белой поварской куртке на голое тело. Из-под куртки выглядывали синие штаны, заправленные в сапоги. В руках он держал половник. Увидев Николая Андреевича, человек в белой куртке встал: «Здравия желаю, товарищ...»

– Ну, что у нас сегодня? – Николай Андреевич приветливо махнул рукой, не дожидаясь, когда лысый закончит своё официальное приветствие.

Человек пожал плечами: «Так это... Что и вчера...»

– И позавчера, и позавчера, и завтра будет, – продолжил его мысль Николай Андреевич.

⁵ Управление милиции Управления Министерства внутренних дел по Кёнигсбергской области

– Так это, что со склада прислали, то и готовим... – начал оправдываться лысый. – Сегодня только второе осталось. И компот. Борщ весь съели...

– Ладно, – смиростивился Николай Андреевич, – давай нам с товарищем по второму. И компот.

– Так это... – лысый развёл руками. – Вам, товарищ капитан, – положено, а вот товарищу с вами без талона на питание не могу...

– И горчицы побольше. К хлебу, – Николай Андреевич словно не слышал слова лысого.

– Так это... – начал опять лысый, но Николай Андреевич посмотрел ему прямо в глаза и жёстко сказал: «И чашку какую товарищу. И ложку. Только с поезда товарищ...» Лысый осёкся, взял из стопки две тарелки, открыл крышку кастрюли: «Присаживайтесь, сейчас компот и хлеб вынесу... И горчицу...»

На второе была ячневая каша с селедкой. Ели молча. Николай Андреевич всё время смотрел на Семейкина. Из-за этого взгляда Семейкин поперхнулся селедочной костью, застрявшей в горле. Чтобы закончить пытку молчанием Семейкин решил есть побыстрее. Он уже скрёб оловянной ложкой, выданной лысым, по дну непривычно синей тарелки из толстого фаянса, когда вдруг отшатнулся от стола и сказал: «Ой!»

– Ну, – не глядя в тарелку Семейкина, сказал Николай Андреевич, – пренебрегают у нас ещё вкусовыми качествами питания, не всегда плавники отделяют. Да их там трое всего, поваров, на всех не наотделяешься...

– Плавники? – переспросил напуганный увиденным у себя в тарелке Семейкин.

– Не, тут вот это...

Он поскрёб ложкой по дну тарелки, разгребая остатки каши со дна: «Вот...»

Крюков заглянул в тарелку. На её дне был рисунок: зелёный фашистский орёл со свастикой в лапах. Николай Андреевич снисходительно откинулся на спинку своего стула: «Такие на складе трофейного управления армии дали. Нету других. Обещали заменить, но... Вообще, здесь этого говна – хоть пруд пруди. А что ты хотел? Германия всё-таки... Поел? Ну пойдём теперь ко мне в кабинет разговаривать серьёзно». При этих словах Николай Андреевич положил руку на пакет, облепленный сургучными печатями, лежащий перед ним на столе.

Они поднялись в просторный вестибюль.

– Запоминай дорогу, – сказал Николай Андреевич, – это здание главного суда Восточной Пруссии. Если заблудишься – спрашивай у людей, тебе в 43-й кабинет, там сегодня ночуешь.

Николай Андреевич подвёл Семейкина к огромному, от пола до высокого, метров пять, потолка, окну. За окном была площадь, окружённая руинами.

– Вот, площадь Трёх Маршалов. У немцев Гитлер-плац была. Самый центр, можно сказать... Ну, пошли...

И они пошли. Здание было какое-то... Острое, просторное, широкое, прямоугольное, непонятное, нелогичное, большое. Светлое там, где уже вставили окна, гулко тёмное там, где оконные проёмы заколотили досками.

В некоторых коридорах было много народа, иногда русских, иногда немцев, в некоторых людей не было вовсе. В одном из таких коридоров, пустых и гулких, им встретился растерянный паренёк лет девятнадцати, с матрасом в обнимку. Паренёк искал общежитие. Николай Андреевич объяснил, как туда пройти. Это было просто: вверх на этаж по широкой лестнице, потом направо, вдоль окон, пока не упрёшься, тогда – налево, там сбоку лестница, вниз, во двор. Во дворе – три двери, в среднюю заходишь, а там дальше такой коридор с колоннами, там людей много будет, спросишь – подскажут...

В одном коридоре мимо Семейкина и Николая Андреевича провели под конвоем задержанного, в другом – человек пять военнопленных немцев, перемазанных побелкой, что-то орали на своём, гоготали и белили потолок, стоя на высоких и шатких козлах. Николай Андреевич прошёл, не обратив на пленных никакого внимания. Впрочем, как и они на него.

В следующем коридоре перед дверью на стуле сидел грустный, завернувшийся в одеяло старик – немец. Рядом стояли двое мужчин, явно русский и явно немец, и курившая папиросу некрасивая женщина – старший лейтенант.

Седой немец в лоснящемся чёрном костюме что-то возмущённо протараторил на своём. Некрасивая женщина перевела русскому: «Мало того, что они отняли у господина Емница единственную его одежду, – при этом переводчица кивнула на старика, закутавшегося в одеяло, – так они ещё не выдают землекопам положенные четыреста граммов хлеба в день...»

Услышав, русский, толстый брюнет с большим носом, упёр руки в бока и ехидно спросил седого немца: «А что же господин пастор не попросит своего бога, чтобы он сбросил ему несколько булок с неба? Потому что он этого не сделает, сколько бы вы ему не молились?!»

Переводчица перевела. Старик в одеяле заплакал. У седого немца, пастора, заиграли желваки на обтянутом серой кожей лице, а толстый брюнет-русский, кивком головы поздоровавшись с проходящим Николаем Андреевичем, победоносно продолжил: «Я могу дать вам хлеб. Значит, для вас я – больше бог, чем ваш бог...»

Возле кабинета с номером 45, нарисованным от руки на фанерной дощечке, прибитой гвоздями к массивной двери, на стуле сидел человек. Пожилой, лет пятидесяти, одетый в серую пиджачную пару, под пиджаком вместо рубашки – выцветшая гимнастёрка, брюки заправлены в жёлтые ботинки с высокой шнуровкой, руки мнут чёрную шляпу.

Увидев приближающегося к кабинету Николая Андреевича, человек встал. Он был худ, высок, сутул.

– Чего тебе? – сказал Николай Андреевич, левой рукой ковыряясь в поисках ключей в кармане своих широких брюк, а правой пожимая высокому седому протянутую руку.

– Тофариш капитан, – сказал седой человек с немецким акцентом, – он опять пьёт.

– Пьёт или бьёт? – уточнил Николай Андреевич.

– Да, пьёт, – высокий кивнул головой и сам себя несильно ткнул кулаком в челюсть.

– Понятно, – сказал Николай Андреевич, – значит, бьёт...

– Да, пьёт, – сказал седой высокий. – Это не пригодно повлечёт хорошее настроение среди немецкого населения... Такие недостатки надо уталять...

– Ладно, Гельмут, разберёмся, – Николай Андреевич нашёл в кармане связку ключей, открыл дверь. – Через час приходи, нам сейчас с товарищем поговорить надо.

– Карашо, – сказал Гельмут. Прощаясь, протянул руку Николаю Андреевичу. Николай Андреевич пожал. И тогда Гельмут протянул руку Семейкину. Семейкин растерялся. Пожать руку немцу?! Это же немец!!!

– Ну давай быстрее, – Николай Андреевич распахнул дверь в свой кабинет. Семейкин неловко увернулся от протянутой руки немца и проскользнул в кабинет.

– Гельмут, переводчик, – сказал Николай Андреевич, когда они вошли в кабинет, – антифашист... Хотя они сейчас все антифашисты... Кто их там разберёт. Пока их всех проверишь, а работать сейчас надо. Вон в Фишхаузене назначили советским бургомистром некоего Бёме. Ну такой деловой товарищ, нарадоваться не могли... А он, сука, с 1933 года в «штурмовиках» ходил, обыски у бывших коммунистов проводил, одного на шесть месяцев в концлагерь отправил, а другого принародно избил, когда тот честь фашистскому флагу не отдал... Деньги для своего Гитлера собирал и говорил:

«Тот, кто деньгами не заплатит, будет платить концлагерями...» Мне Гельмут, он тоже из Фишхаузена, всё про него рассказал... Отправили мы этого «антифашистского» бургомистра куда надо...

В кабинете Николая Андреевича стоял стол с телефоном и керосиновой лампой, на одной стене висела карта Восточной Пруссии, на другой – исчерканный цветными карандашами план Кёнигсберга. За столом, в углу – коричневый прямоугольник сейфа, вдоль стены напротив

стола – ряд разнокалиберных стульев, ещё несколько стульев прижались к противоположной от окна стене.

– Садись, – сказал Николай Андреевич и, немного повозившись с металлическим шпингалетом металлической рамы, распахнул окно.

Семейкин сел на один из стульев в ряду, выстроившемся прямо напротив стола хозяина кабинета.

– Нет-нет, здесь у меня задержанные сидят, – Николай Андреевич снял плащ, повесил его на гвоздь, вбитый в стену, вынул из плаща наган, положил на стол.

Семейкин встал, завертел головой. Он не понимал, куда ему сесть. Николай Андреевич подошёл к стульям, прижавшимся к стене напротив окна, резко, словно стул мог от него убежать, схватил один из них за спинку и подтащил к своему столу. Резные ножки стула бессильно закрипели по паркету. Стул жалобно скрипнул, когда на него сел Семейкин.

Серьёзный вопрос

Николай Андреевич устроился за своим столом, перочинным ножом вскрыл конверт, усеянный сургучными печатями. Это было личное дело. С фотографией, приклеенной к первой странице. На фотографии – Семейкин, ещё с сержантскими погонами на плечах... Это было его личное дело. Перелистав первые две страницы, Николай Андреевич смерил Семейкина с головы до ног, вслух прочитал название документа: «Служебная характеристика».

Семейкин не знал, что в этой характеристике написал Белоусов. Но он знал, что после произошедшего ничего хорошего Белоусов написать не мог.

«...Из семьи рабочих, не женат, – читал Николай Андреевич. – В повседневной работе не допускает нарушений соцзаконности и революционного порядка...»

От голоса Николая Андреевича, читающего все эти «...В органах правопорядка с 1939 года...», «...за время службы проявил себя энергичным сотрудником...», желудок Семейкина закручивался в свиное ухо. Самое страшное во всём этом было ожидание. Вот сейчас, сейчас-сейчас посыплются несправедливые слова «Вместе с тем...», заверенные закорючкой с длинным росчерком и синей печатью с гербом РСФСР. Слова лживые, но опровергнуть их, доказать, что всё было не так, уже невозможно. Капля чернил на подпись, капля чернил на печать, и... неправда становится неоспоримой правдой.

Семейкин представил эти две вязкие чёрные капли, одна из них, та, которая на подпись, маслянисто свисала в его мозге с кончика пера, готовая упасть на бумагу и утопить в своей черноте старшего сержанта рабоче-крестьянской милиции Семейкина.

«... В 1944 за задержание с риском для жизни опасного преступника отмечен руководством ценным подарком...», – прочитал Николай Андреевич.

Семейкин посмотрел в окно, вспоминая Авиамоторный переулочек в Ярославле, весну и пацана с ножом в одной руке и окровавленными продуктовыми карточками в другой. Пацан размахивал ножом перед его лицом, а за спиной тогда ещё сержанта Семейкина плакала женщина в тяжёлом зелёном пальто, на которое из её разбитого носа капала кровь.

Пацан орал: «Не подходи, сука, я жрать хочу, убью!», а женщина с разбитым носом тихо причитала за спиной Семейкина: «Миленький, отдай, у меня детки дома, отдай...»

Всё началось у магазина «Хлеб». Когда Семейкин услышал крики и оглянулся, то увидел сбитую с ног женщину на грязном тротуаре. Пацан в шинели учащегося ФЗО скрюченными пальцами выдирает из её кулака продуктовые карточки. Женщина карточки не отдавала. Тогда мальчишка ударил её носком ботинка в лицо. Женщина охнула и прижала кулак с карточками к носу, из которого брызнула кровь. Пацан вырвал карточки, оставив в окровавленном кулаке их часть, бросился бежать.

Пистолет лежал у Семейкина во внутреннем кармане солдатской шинели, которую он носил вместо пальто. Семейкин и не думал доставать свой ТТ, пацан не показался ему настолько опасным. Это была ошибка. Когда Семейкин уже почти догнал его, тот неожиданно выбросил из рукава нож и ударил преследователя. Семейкин закрылся рукой. Нож воткнулся в тяжёлое сукно солдатской шинели, в бицепс правой руки. Доставать ТТ было поздно, если Семейкин порезанной рукой полез бы за пистолетом, то это дало бы существенное преимущество пацану. Семейкин почувствовал, как под рукавом шинели по руке потекла струйка крови.

«Миленький, отдай, у меня детки дома, отдай, миленький...» Сзади подбежала женщина с разбитым носом, скорее всего, сломанным. Она остановилась за спиной Семейкина и снова сказала: «Миленький, отдай, у меня детки дома, отдай, миленький...»

Семейкин не спускал глаз с размахивающего ножом мальчишки, мальчишка не спускал глаз с Семейкина. Поэтому оба не заметили, как причитающая женщина в зелёном, забрыз-

ганном кровью пальто и чёрных резиновых ботах, не прекращая своего «Миленький, отдай, у меня детки...» подняла с грязного тротуара половинку кирпича. Бог его знает, как он здесь оказался. Может, выпал из перевозивших стройматериалы на строительство резинкомбината грузовика или телеги. Женщина бросила кирпич так же тихо, как и причитала. Она бросила из-за спины Семейкина, сбоку, «из-под юбки», от живота. Так она бросала кирпичи на работе, в строительном тресте, где работала каменщиком. Или каменщицей, как было написано в её рабочем табеле.

Женщина промахнулась. Но той секунды, когда пацан вжал голову в плечи, Семейкину хватило. Он ударил пацана носком сапога в колено, в котором что-то хрустнуло, потом локтем левой руки в лицо. Парень упал спиной на грязный снег, выронив нож, но не выпустив перепачканные кровью продуктовые карточки. Теперь у Семейкина было время достать свой ТТ даже порезанной рукой. Пнув выпавший из руки пацана нож подальше, Семейкин полез за пистолетом.

В это время женщина в зелёном забрызганном кровью пальто подняла другую половинку кирпича, нагнулась над скулящим парнем и, не прекращая своего

«Миленький, отдай, у меня детки дома...», размахнулась, намереваясь ударить пацана по голове. Семейкин толкнул её ногой. Она отлетела, выронив кирпич, упала на бок, но тут же схватила руку пацана с зажатыми в ней окровавленными карточками, опять тихо прошептала своё «Отдай, миленький, отдай» и вцепилась зубами в его запястье. Пацан заорал и дёрнулся, но Семейкин наступил сапогом на его правую руку и ткнул пацана в нос стволом своего ТТ. Парень разжал кулак со смятыми хлебными карточками. Женщина схватила карточки, аккуратно распрямила их и положила куда-то далеко за пазуху своего зелёного пальто, запачканного грязью и кровью.

В отделении милиции, куда Семейкин приволок пацана и женщину в зелёном пальто, выяснилось, что грабителя в форме ученика ФЗО, нападавшего на одиноких женщин, уже неделю ищут по всему Ярославлю.

– Ну, – сказал тогда Семейкину Белоусов, радостно шурша потираемыми друг о друга ладонями, – медаль не обещаю, но на ценный подарок можешь рассчитывать...

– Ну и чем наградили? – Андрей Николаевич поверх читаемой бумаги посмотрел на Семейкина.

– Ботинками, – Семейкин высунул ноги вперёд и чуть-чуть подтянул штанины. – Вот этими...

Николай Андреевич привстал, заглянул за край столешницы, спросил: «Фабрика имени Берии?»

– Американские, – ответил Семейкин, задвигая ноги под стул, – ленд-лизовские...

– Хорошие, – резюмировал Николай Андреевич и вернулся к чтению вслух служебной характеристики Семейкина.

«...Комсомолец, политически подкован, регулярно посещает кружок по изучению высочайшего образца строго научного и глубоко партийного исторического исследования – Краткого курса истории ВКП(б)... В феврале месяце сего года занял третье место на соревнованиях сотрудников управления НКВД по Ярославской области по стрельбе...»

– Из чего стрелял? – прервал чтение Николай Андреевич

– Из ТТ, – ответил Семейкин.

– А я вот наган люблю, – Николай Андреевич положил руку на револьвер, лежащий на столе.

– ТТ лучше, – ответил Семейкин.

– Чем же?

– Патронов больше, перезаряжается быстрее, спуск не тугой, а значит – точность, – Семейкин удивлённо перечислил все «плюсы», и без того лежащие на поверхности.

– Но у «тэтэшки» защёлка магазина подлая... – не унимался Николай Андреевич. – Палец стрелка на ней лежит, чуть шевельнёшь – магазин выпадает...

– Это да, – миролюбиво согласился Семейкин, – защёлка там подлая, всё время помнить нужно...

Последнее слово осталось за Николаем Андреевичем, и он вернулся к чтению характеристики.

«...Активно участвует в общественной жизни районного управления уголовного розыска. На городском смотре художественной самодеятельности сотрудников милиции получил приз за исполненный номер художественного свиста... В быту скромен...»

– Что свистел-то? – Николай Андреевич снова посмотрел на Семейкина поверх бумажного листа.

– «Яблочко», – ответил Семейкин и сложил пальцы соответствующим образом. Он знал, что сейчас ему обязательно предложат посвистеть. Его всегда просили посвистеть, когда узнавали, с каким номером он выступал на городском конкурсе художественной самодеятельности работников ярославской милиции.

– «Яблочко»?! – переспросил Николай Андреевич. – А ну-ка, изобрази.

Первые такты «Яблочка» Семейкин высвистал с максимальной громкостью, с которой только мог. Такты заматались под побелённым потолком кабинета, отколошетили от стен и стёкол, посыпались прямо на Николая Андреевича.

– Хватит, хватит, – замахал он руками, – не свисти. Денег не будет!

Семейкин замолчал.

– Ух, – сказал Николай Андреевич. – Громко...

Николай Андреевич замолчал, посмотрел в окно, выходящее во внутренний дворик – колодец. В окне была стена. Стена была вся испещрена следами от пуль.

Николай Андреевич положил листок с характеристикой Семейкина на стол.

– Хорошая характеристика, – сказал он, разглядывая стену в окне, – просто отличная.

Николай Андреевич достал из кармана брюк пачку папирос «Звезда», закурил сам, жестом предложил закурить и Семейкину. Семейкин закурил, оглядел стол в поисках пепельницы.

Николай Андреевич с грохотом выдвинул ящик стола, достал оттуда фаянсовую чисто вымытую пепельницу. На пепельнице было написано «Blutgericht»⁶.

В одном из углов массивной пепельницы стояла фаянсовая девушка с круглым лицом и такими же мертвенно белыми щеками. Девушка локтем прижала к себе ручку метлы и, подогнув округлую ножку, вертела в полных руках башмачок, слетевший с её ноги. Фаянсовая толстушка на краю пепельницы напоминала Дарью Никифоровну. У неё были примерно такие же формы.

– Очень хорошая характеристика, – Николай Андреевич выпустил струю дыма в потолок. – Ну просто хоть сейчас – к медали. Или даже к ордену...

Семейкин сам был удивлён. Белоусов не отметил в его характеристике ни сбежавшего в 1943-м конвоируемого дезертира, ни потерянное уголовное дело на мелкого растратчика... Характеристика была сверхположительная.

Николай Андреевич выбрался из-за стола, медленно прошёлся с папироской в руках по испуганно взвизгнувшему под ним паркету, сел на подоконник, пристально посмотрел на Семейкина.

– Я тебе, товарищ Семейкин, – Николай Андреевич сделал паузу, долго выпуская из своего рта удивительно длинную струю папиросного дыма, – сейчас один вопрос задам... От того,

⁶ «Кровавый суд», нем. Название популярного кёнигсбергского ресторана

как ты на него ответишь, сильно зависит, как мы тут с тобой дальше работать будем... За что тебя сюда?

– В смысле? – не понял Семейкин.

– Подойди, – Николай Андреевич, спрыгнул с подоконника, распахнул окно.

Семейкин подошёл. Внизу, в тесном колодце двора, по одной из стен которого карабкался к солнцу зелёный плющ, стояла синяя «эмка». Возле неё вертелось несколько мужчин в милицмейской форме и в штатском.

– Видишь, – Николай Андреевич попытался выпустить дым папироски колечком, для этого жеманно сложил губы буквой «о». Колечки не получились, – там, внизу, твои боевые товарищи, сотрудники только что созданного Управления милиции по Кёнигсбергской области. Из разных городов нашего необъятного Советского Союза присланы сюда обеспечивать революционный правопорядок на новой, исконно славянской земле. И у всех – отличные служебные характеристики. Вон, видишь, лейтенант? Рябоконь его фамилия. Он из Вологды, из паспортного стола. Пойман на фактах выноса из здания Вологодского УВД электролампочек и графинов. Организовал спекуляцию в лице своей жены. Его вообще-то под трибунал надо, но тут разнарядка из Москвы пришла, «направить в Кёнигсбергскую область сотрудника...» Ну ему характеристику написали, хоть сейчас на Доску почёта вешай, и сюда...

Николай Андреевич ткнул подбородком вниз, в колодец двора.

– А вон тот, в тельняшке под рубашкой? Жигайло, сержант. Из Куйбышева. Служил в конвойной службе. Вёл арестованного в суд, а тот земляком оказался. Ну Жигайло и устроил с ним обед с выпивкой водки... Если бы не разнарядка...

Николай Андреевич подошёл к столу, затушил в пепельнице папироску, снова вернулся к окну, продолжил.

– Слева, на ступеньках сидит, курит. Смазливый такой, бабам нравится. Подолов из Томска. Коммунист. Начальник райотдела там был. Использовал жён милиционеров. На домашних работах. Они уход за его коровой производили, прополку его огорода делали, помогали в стирке белья и полы мыли. Самих же милиционеров он в служебное время использовал на заготовке сена для своей коровы. Раскаялся. Его простили, и сюда. А вот сейчас у него в кепке мужчина прикуривает. Это Ржавчин. Воевал здесь, демобилизовали, ехать некуда, в Белоруссии вся семья погибла в сорок первом ещё. Контуженый. Ты с ним поосторожней. Так... С водителем Семёновым ругается Аринберг, эксперт-криминалист. Про этого тебе вообще лучше не знать...

Николай Андреевич закурил ещё одну папироску.

– Я вначале думал, – вытянув от себя руку, он стал внимательно рассматривать огонёк на конце зажжённой папиросы, – что сюда в порядке отсева направляются худшие товарищи. Оно и понятно, людей после войны не хватает трагически, а работать надо. И разнарядки исполнять надо. Кто же хорошего работника от себя оторвёт... Но потом прислали Акулинушкова. Вон он, у стенки стоит, греется. Маленький такой. Чемпион Пензы по боксу в лёгком весе. В отделе по борьбе с беспризорностью служил. Комсомолец. Этого сюда за принципиальность сослали. К ним проверка приехала, полковник аж из самого главка. Во время встречи этого полковника с коллективом Акулинушковых и выступил. Задал полковнику вопрос по поводу помещения Поимского райотдела милиции. У них там здание в аварийном состоянии, окна фанерой заколочены, а перед приездом полковника деревянная лестница на второй этаж от нарушения сотрудниками правил противопожарной безопасности загорелась и рухнула. Сотрудники в свои кабинеты по верёвке залезали... Вот всё это он полковнику и сказал. При всех, на общем собрании коллектива. Через неделю после выступления сюда уехал... С очень хорошей характеристикой и грамотой от руководства... За принципиальную позицию...

Николай Андреевич тяжело вздохнул:

– А ещё Пантелеев и Зубин. Но я о них со вчерашнего дня плохо говорить не могу... Нельзя о них со вчерашнего дня плохо говорить...

Николай Андреевич задумался, потом встрепенулся, словно вспомнил о стоящем рядом, спросил: «Так за что тебя сюда, Семейкин?»

Семейкин вздохнул: «Драка со старшим по званию. В пьяном виде. Но там всё не так было...»

– Пьющий? – спросил Николай Андреевич

– Кто? – не понял Семейкин. – Старший по званию?

– Нет, – ответил Николай Андреевич, – ты...

– А! – дошло до Семейкина. – Нет, я практически не пьющий. Ну по праздникам...

– Смотри, – Николай Андреевич затушил папиросу в пепельнице с толстушкой

– Пьющих не люблю. Пьющий в нашем деле – враг и предатель. Я сам – ни капли в рот не беру, даже по праздникам.

Николай Андреевич повернулся к Семейкину спиной, лёг животом на мраморный подоконник и заорал в глубь двора: «Акулинушков! Ходь сюда!»

Потом снова сел на подоконник.

– Сегодня переночуешь у Акулинушкова в кабинете, это здесь, за стенкой. Завтра перебросим тебя в общежитие. У нас там вчера два места свободными стали. Сегодня в город не ходи. Темнеет. Завтра удостоверение и оружие получишь... Акулинушков тебе об обстановке расскажет, в курс дела введёт.

Николай Андреевич спрыгнул с подоконника, вернулся за стол.

В дверь постучали. Николай Андреевич подвёл черту под разговором: «Добро пожаловать в Кёнигсберг, на линию ББ...»

Оперативная обстановка

– А что о ней рассказывать? Дерьмо, а не обстановка.

Кабинет Акулинушкова был меньше, чем у Николая Андреевича. Вместо паркета – крашенный коричневой краской бетонный пол, и разнокалиберных стульев вдоль стены выстроилось поменьше. Зато здесь стояли резной деревянный шкаф и кожаный диван, застеленный солдатским одеялом. На нём и беседовали Акулинушков и Семейкин. При этом Акулинушков двумя руками прижал к своему животу подушку без наволочки, с большим пятном, расплзшимся по ткани в форме материка Австралия.

В кабинете они были не одни. Милиционер в форме, листая блокнот с каракулями, диктовал, второй, за столом, печатал на пишущей машинке, нажимая на клавиши двумя пальцами.

Уже стемнело. Лампочка без абажура под потолком время от времени мигала, и тогда диктующий милиционер замолкал и тревожно на неё смотрел. Это помогало, лампочка снова начинала светить.

– Настоящим доношу, – диктовал милиционер с блокнотом, – что выездом на место преступления установлено: по улице Регентштрассе, дом 40, в 2 часа ночи немец проник в квартиру полковника 11-й гвардейской армии, стал собирать вещи в узел и с вещами пытался через окно скрыться, где и был убит из пистолета полковником. При осмотре трупа документов не обнаружено, фамилия, имя, отчество убитого немца не установлены, возраст – 16-17 лет. Труп направлен в морг...

– Я думал, у нас в Пензе – хуже быть не может, – рассказывал Акулинушков. – Оказалось, ещё как может! Ты представь: население – немцы, неизвестно сколько, наши воинские части – неизвестно сколько, бывшие советские военнопленные и репатриированные, которых Гитлер к себе в Германию угнал, тоже неизвестно сколько. А ещё неизвестно, сколько из них власовцев недобитых. А сколько криминального элемента понаехало с целью наживы! А оружия в развалках – бери не хочу.

– Ликвидирована группа грабителей, – диктовал милиционер с блокнотом, – совершивших несколько вооружённых нападений на офицеров Красной армии, а также занимались убийством и ограблением русских и немецких граждан, работающих на предприятиях Кёнигсберга...

– Вот, – сказал Акулинушков и ткнул пальцем в милиционера с блокнотом. – Военными комендатурами плохо поставлена охрана общественного порядка. Бродят патрули неизвестно где в поисках трофеев. Когда надо – не докричишься... А часто и сами... Тут ведь дело такое... Воевали – держались, а сейчас всё, победили... Ну и выдохнули. Дисциплина в воинских частях – ниже городской канализации. Занимаются пьянством и немецкими женщинами... Вон, во втором карауле... Судили их вчера... Караульные задерживали проходящих немков и заводили в караульное помещение. Якобы для уборки... Пианино себе в караулку притащили... В городе и области немало случаев организованного бандитизма и грабежа, в которых принимали участие военнослужащие. А у нас людей не хватает. Я вчера в кадрах был. Разговор слышал. Некомплект у нас по всей области – 431 человек...

– По улице Александра Невского, №81, – продолжал диктовать милиционер с блокнотом, – обнаружен истощённый труп неустановленной женщины, по наружности – немки, без признаков насильственной смерти...

Лампочка мигнула и погасла. В кабинете стало темно.

– Вовремя, – сказала темнота голосом милиционера с блокнотом, – почти закончили. Число и подпись осталось...

Милиционер, сидевший за пишущей машинкой, зажёл керосиновую лампу, стоявшую рядом с ним на столе. Наклонившись над клавишами настучал несколько строчек и откинулся на стуле: «Всё, готово!»

Он с треском вынул отпечатанные листки, переложённые синей калькой, аккуратно вложил их в красную папку. Попрощавшись, милиционеры ушли, освещая себе путь трофейным фонариком, висевшим на пуговице мундира одного из них.

– Ладно, – сказал Акулинушков, – будем на ночь устраиваться. Я на диване тут живу, а тебе придётся в шкапу ночевать.

– Где? – не понял Семейкин.

– В шкапу. Мы его на пол положим, дно немецкими бумагами застелем. Подушка у меня вторая есть. Шинелью накроешься – и очень даже удобно. А завтра в общежитие переедешь. Облисполкомовское. Два места у нас там свободные.

Акулинушков задумался, вспоминая, потом сказал:

– Бандгруппу Малофеева вчера брали... Они вооружённое сопротивление оказали. Двух наших сотрудников и трёх солдат убили. Видел, когда в здание заходил, два портрета траурных висят? Зубина и Пантелеева? Вот на место одного из них завтра и переедешь...

Вдвоём, при мигающем свете керосинки, они быстро положили шкаф на спину. Добротный, из ясеня, украшенный резьбой, по краям двери шкафа сверху вниз спускались резные деревянные косички, в них через равные промежутки резчик вплёл деревянные же распустившиеся бутоны цветов. По самой верхней части бежала лоза, с которой свисали крупные деревянные гроздья винограда и виноградные листья. Семейкин заметил, что по углам шкафа из деревянных листьев выглядывали две неприятные резные рожи с рожками.

Акулинушков выстлал дно шкафа папками с бумажками на немецком языке, бросил туда подушку с пятном в виде Австралии, сделал приглашающий жест:

«Битте-дритте, прошу».

Семейкин, в трусах и майке залез в шкаф, укрылся шинелью. Шкаф пах вишней, картоном от немецких папок, крепким чаем и ещё чем-то приятным и Семейкину неизвестным. Семейкин лёг на спину, закрыл глаза. И тут же их открыл. Акулинушков всё стоял над шкафом с керосиновой лампой в руках. В неярком свете лицо у него было страшное, нечеловеческое

– Чего? – спросил его Семейкин.

– Ты хоть рукой пошевели... Как в гробу лежишь...

– Зато не дует... Спокойной ночи...

– Ну, это уж как повезёт...

Акулинушков погасил лампу. Стало темно. Семейкин быстро провалился в сон.

Тайна Курочки Рябы

Утром Семейкина растолкал в его гробообразном шкафу Акулинушков. У него было много дел. Как и у Семейкина. Для начала Семейкин с трудом нашёл криминалистическую фотолабораторию, где его сфотографировали на новое удостоверение.

Фотографироваться надо было в форме, в кителе с погонами старшего сержанта, а его у Семейкина не было. Китель долго искали, пока какой-то гигант, тоже старший сержант из хозчасти, не одолжил Семейкину свой, предварительно отколов с него орденскую колодку.

Чужой китель был Семейкину велик, рукава смешно свисали, левое плечо сползало, стоило Семейкину пошевелиться.

Фотограф-грузин, прицелившись в Семейкина объективом фотоаппарата и нырнув под чёрное покрывало, сказал оттуда: «Ничего, сильный получишься, широкоплечий. Только плечами пока не двигай. И вообще ничем не двигай. И не моргай...»

Потом Семейкин у того же гиганта старшего сержанта встал на продуктовое и вещевое довольствие, получил талоны на питание, направление на устройство в общежитие облисполкома и встал на комсомольский учёт. Семейкин пообедал в столовой управления (борщ из молодой свёклы к моменту появления в столовой Семейкина уже весь съели, ему пришлось довольствоваться ячневой кашей с селёдкой и компотом). Свастика на дне тарелок его всё ещё смущала, но другие товарищи обедающие, за которыми подсмотрел Семейкин, на неё не обращали никакого внимания.

Через час в строевой части ему торжественно вручили новое тёмно-малиновое удостоверение. На фотографии он действительно получился широкоплечий. Но никак не сильный. Шея торчала из большого горла кителя, на ней, на шее – неестественно маленькая голова. Потом Семейкина отправили на склад, получать оружие. Он с трудом нашёл среди развалин старый гараж, наскоро переоборудованный в склад хозчасти управления МВД. Там ему выдали пистолет ТТ, две запасные обоймы к нему.

С пистолетом и удостоверением сотрудника отдела по борьбе с бандитизмом Семейкин почувствовал себя лучше. Его уже не пугал этот странный город с его развалинами и немцами. Старшему сержанту советской милиции Андрею Семейкину было чем ответить Кёнигсбергу, если что. Властью и пистолетом, выданным этой властью.

Общежитие облисполкома располагалось на улице Прямой. Ориентир – главпочтамт. Это было хорошо, Семейкин должен был отправить телеграмму Дарье. Волнуется ведь... Что же она хотела сказать в тот день?

Над входом в главпочтамт висел кумачовый лозунг «Трамвай – народная стройка! Принять в ней участие – патриотический долг каждого!»

Взяв у окошка бланк телеграммы, Семейкин отошёл к высокой стойке с наклонной столешницей, макнул перо в чернила, написал: «Доехал хорошо тчк оглядываюсь тчк скучаю тчк»

Тут Семейкин задумался.

Надо ли писать «оглядываюсь»? А если написать «оглядываюсь», поймёт ли Дарья, что он оглядывается на предмет приезжать ей в Кёнигсберг или пока повременить? А если НЕ написать «оглядываюсь», не обидится ли Дарья? Мол, приехал, а о её переезде даже и не думает? Или вот «скучаю» надо писать? Может, в свете несостоявшегося серьёзного разговора, это «скучаю» уже неуместно?

Семейкин принял решение, макнул ручку в чернильницу, чтобы вычеркнуть ненужное слово.

– Товарищ, вам ручка ещё нужна?

Семейкин оглянулся. Длинные тонкие губы. Глаза, спрятавшиеся за толстыми линзами очков. Майорские погоны, пришитые к солдатской гимнастёрке. То ли улыбка, то ли нет. Олег

Ильич из команды не менее странного полковника Брюсова. Совершенно гражданский майор, знающий, почему дед и баба плакали, когда Курочка Ряба снесла им золотое яичко, но не знающий, какой рукой Устав Красной армии требует отдавать честь.

Они быстро отправили свои телеграммы, вместе вышли из здания почты, медленно пошли по разрушенной улице, болтая. О том, как сильно разрушен город, как тяжело его восстанавливать, как много немцев в нём живёт, о том, что их скоро будут выселять. И о том, что город очень красивый, даже разрушенный. Семейкин наконец-то решился и задал вопрос, плотно поселившийся в извилинах его мозга.

– С этой Курочкой Рябой, – Олег Ильич протёр стёкла своих очков носовым платком, – всё очень непросто... Понимаете, Андрей, до нас эта история дошла в сильно искажённом виде. Это вообще очень мощный мифологический текст...

Семейкин недоверчиво посмотрел на Олега Ильича: не разыгрывает ли его этот умник, не смеются ли над ним? Ну чё там мифологического?

Олег Ильич утверждающе кивнул головой: «Этот сюжет есть не только у восточных славян, но и у румын, литовцев и латышей. Там много загадок. Например, в оригинале сказки из-за того, что Курочка Ряба снесла золотое яйцо, много чего происходит... Не только бабка и дедка плакать начинают.

Деревья листья сбрасывают, поп косу себе отрезает, церковные книги рвёт и церковь поджигает. Видите ли, Андрей, там всё на символах построено, и если знать, что это всё означает, то...»

Олег Ильич закурил, в задумчивости выпустив дым в небо.

– Там символ на символе и символом погоняет, – продолжил Олег Ильич. – В смысле символичности – это очень «густой» текст.

Олег Ильич усмехнулся.

– Например, – он значительно пустил струю дыма в небо, – мышка в этой истории бежит не просто так. В славянской мифологии мышка живёт и в нашем, и в подземном мире. Она – посредник между живыми и нашими умершими предками. И не случайно именно она, махнув хвостиком, разбивает золотое яичко, которое дед и бабка не могли разбить, как они его ни били...

Олег Ильич снова достал портсигар, прикурил от догоравшей папиросы новую, неожиданно схватил Семейкина за руку: «Мышка бежит через порог. Понимаете? Через Порог! Это очень важно! Раньше славяне хоронили под порогом умерших предков, чтобы те охраняли дом от чужих. Знаете традицию на руках вносить в дом невесту? Мол, таким образом жених демонстрирует силу или что он свою жену на руках носить будет. Это уже новое придумали. Раньше он её через порог переносил, потому что предки, дом стерегущие, могли не разобраться и не пустить чужую на свою территорию... А помните, у Пушкина, «там царь Кощей над златом чахнет...» Или царство Аида, царство мёртвых у древних греков? Там всё из золота. У древних золото – это...»

Визг тормозов. Рядом с ними остановился, заехав на тротуар, «виллис». В машине – полковник Брюсов и лейтенант в фуражке с васильковым верхом..

– Олег Ильич, дорогой, – Брюсов заёрзал на заднем сиденье, подвигаясь. – А мы вас с товарищем Лопатко на почте ищем. Думаем, куда это вы запропалились. Хорошо, что товарищ Лопатко, – Брюсов кивнул головой на лейтенанта за рулём, – вас на тротуаре заметил. Садитесь скорее. Давайте, голубчик, потом с товарищем побеседуете. Солдата пьяного поймали, а у него в вещмешке икона... В золоте и штамп стоит: «Александру Третьему от купцов Первой гильдии». Такая же в Царскосельской церкви была...

– Ну, – с сожалением сказал Олег Ильич, протягивая Семейкину руку для рукопожатия, – в другой раз. Приходите, будет время, в политотдел 11-й армии, там нас любой покажет...

Олег Ильич нелепо, через борт, залез в «виллис», лейтенант госбезопасности Лопатко, сидевший за рулём, нажал на педаль газа. Они свернули в ближайший поворот.

Общежитие только что созданного Кёнигсбергского облисполкома располагалось в здании бывшей страховой компании «Штайн, Машпетр унд зёне». На входе в общежитие Семейкина встретила Антонина Фаддеевна, комендант общежития. Была она женщиной крупной, одетой в чёрное платье с белым бантом на груди. На плечах – солдатский ватник защитного цвета, на ногах – кирзовые сапоги, а на голове – самая настоящая дамская шляпка. Как на фото из журнала «Работница», только лучше. С вуалькой, в тулье украшенная искусственными красными розами.

Комендантша показала Семейкину его койко-место в комнате, где стояли три застеленные койки, три тумбочки, стол и стул. Она же вручила Семейкину ключ от двери, который надо было оставлять внизу, у неё, если уходишь. К ключу была приварена цепочка, с другой стороны цепочки – гильза от «сорокапятки», чтобы ключ не потеряли и не унесли.

Постельное бельё Антонина Фаддеевна обещала принести через час – другой, так как сдала его в «прожарку от вшей». Показав Семейкину туалет в конце коридора и предупредив, что в комнатах курить строго запрещено, Антонина Фаддеевна ушла по своим делам, опустив на шляпке вуаль.

Семейкин сел на койке, открыл дверцу тумбочки. Она была пуста. Только в самом углу лежал сложенный вчетверо листок бумаги. Это было письмо, оставленное прежним хозяином. Крупным детским почерком он писал:

«Привет из трижды проклятой Германии! Доброго дня моя жена Маруся и дочка Лидуся! Передавайте от меня привет всем сродственникам и знакомым. Маруся! Я вчера послал тебе посылку. В посылке послал следующее: полуботинки, пару подошв, платье чёрное, халат белый, брюки мужские, а в карманы к ним положил пару платочков...»

Сверху в недописанном письме стояла дата. Письмо начали писать три дня назад. Семейкин вспомнил два перечёркнутых в правых углах чёрными полосками фотопортрета на входе в управление милиции. Зубин и Пантелеев, убитые при ликвидации банды Малофеева два дня назад. Интересно, кто спал на этой, теперь его, старшего сержанта милиции Семейкина, койке? Зубин или Пантелеев? И надолго ли эта койка будет его?

В комнате была радиоточка. Семейкин воткнул в розетку вилку с переплетённым в косичку электрическим проводом. «Тарелка» на стене заговорила бодрым мужским голосом:

«...Настроение трудящихся города здоровое, патриотическое, показывающее своими трудовыми подвигами стремление выполнить Сталинский план хозяйственного и культурного строительства советского Кёнигсберга...» Дальше «тарелка» захрипела. Семейкин выключил «тарелку», завалился на койку... Неизвестно, сколько он спал. Его разбудили шаги и голоса в гулком коридоре. Двое мужчин разговаривали на ходу. Неожиданно один из них, уже возле самой двери комнаты Семейкина, запел: «Кто может сравниться с Матильдой моей! Сверкающей искрами чёрных очей, как на небе звезды осенних ночей!» Второй засмеялся и зааплодировал. Дверь распахнулась.

– О! Новый сосед!

Высокий, лет тридцати, в пиджачной паре, плечи пиджака подбиты ватой, обшлаг левого рукава обтёрхан и заштопан не совсем попадающими в тон суровыми зелёными нитками, под пиджаком – застиранная рубашка, отложной воротник которой по моде покрыл воротник пиджака. На горле вошедшего, под воротником его рубашки, полинявшим удавом свернулся шейный платок, раскрашенный красным и жёлтым. Импозантный мужчина прижимал к груди мятый комплект постельного белья, сильно пахнущий какой-то химией. Это был комплект белья и одеяло для Семейкина, «прожаренные от вшей». Его передала снизу комендантша

Антонина Фаддеевна. Импозантный бросил серый ком из двух простыней, наволочки и немецкого солдатского одеяла на койку Семейкина, протянул руку: «Михаил. Сташевский».

От мужчины сильно пахло огуречным лосьоном. Сташевский заметил, как Семейкин втянул носом воздух, и улыбнулся: «Это я грим снимал. После генеральной репетиции. Я – актёр театра Красной армии. Ты, товарищ, ещё Лёньку не нюхал!»

Сташевский засмеялся, повернулся к двери и сделал приглашающий жест стоявшему за ним человеку. Грязный, в пятнах, немецкий армейский комбинезон со споротой нашивкой в виде раскинувшего крылья орла, наглухо застёгнут, из воротника торчит тонкая шея, на ней – нереально большая лысая голова с оттопыренными ушами и виноватыми глазами. Молодой человек в комбинезоне перешагнул порог, и в комнате сразу запахло свежим асфальтом.

– Леонид, – сказал человек, протянул Семейкину руку и добавил, – Кёноблушосдор.

– Что? – не понял Семейкин. – Как, говоришь, фамилия?

Сташевский рассмеялся, Леонид со странной фамилией виновато пожал плечами: «Не... Фамилия у меня простая – Титов. Я мастером работаю в Кёнигсбергском областном управлении шоссейных дорог. Месяц назад создали. Кёноблушосдор сокращённо.... Вот асфальтом и пахну...»

Для начала Сташевский поинтересовался, куда делся их прежний сосед, с которым они толком и познакомиться не успели. Семейкин пожал плечами: он второй день в городе, только приехал, ничего не знает...

Титов ушёл умываться. Сташевский, развалившись на своей скрипящей кровати, заговорил о работе. Рассказал, что театр Красной армии, обслуживающий войска Кёнигсбергского особого военного округа, расположили в бывшем немецком офицерском казино на краю города. И что скоро труппа начнёт репетировать «Парня из нашего города» Константина Михайловича Симонова, а пока труппа ездит по воинским частям в качестве агитбригады.

Пришедший умытый Титов с удовольствием включился в разговор. Разумеется, он с вдохновением заговорил о своей работе. Он рассказал, что его очень волнует состояние дорог, многие дороги здесь разбиты, а многие – повышенного качества, как их строили немцы – непонятно, у нас совсем по-другому строят... И что на словах все понимают важность хороших дорог, а на деле... И что только вчера областное управление наконец-то выделило для варшиков битума 15 пар обуви на деревянной подошве, и что в дорожные рабочие из-за нехватки персонала берут кого ни попадя, в том числе и морально разложившихся, спекулянтов, расстратчиков, а также женщин из немецких публичных домов...

Семейкин рассказал, что он из Ярославля, работает в милиции... Сташевский, сев потурецки на своей истерично взвизгнувшей растянутыми пружинами койке, спросил Семейкина: «Слушай, а что там с этой девушкой... Ну, которая у Иисуса Христа? С маргаринового завода...»

Семейкин про девушку у Иисуса Христа ничего не знал. Тогда Сташевский и Титов полупотом рассказали ему то, о чём уже несколько дней говорил весь город.

Одна женщина возвращалась ночью с работы. То ли с катушечной фабрики, то ли с вагонзавода, то ли со струнно-бетонного, то ли с маргаринового. По дороге в Воздушный посёлок, где лётчики живут, на католическом кладбище, прямо возле памятника Христу, несущему свой крест, пристали к ней двое парней. Русские. Сумочку отняли и плащ с неё сняли. Идёт она, плачет. Вдруг видит двух мужчин. Солидные такие. Подбегает женщина к ним, так, мол, и так, помогите, парни эти вон туда побежали.

Мужчины спрашивают: «Опознать сможешь?» Она им отвечает: «Смогу». Тогда один из мужчин выхватил бритву и полоснул женщину по глазам!

– Она беременная была, – добавил пахнувший свежим асфальтом Титов. – Я сам слышал, бабы на работе говорили...

– Не-ет, – махнул на него рукой Сташевский. – У неё свадьба неделю назад была. Вышла замуж. За лётчика, Героя Советского Союза...

Семейкин ответил, что ничего про это не знает, потому что он в хозчасти фуражки-пистолеты считает, но если такое преступление и было, то обязательно найдут... На том товарищи совместно проживающие и легли спать.

В общем здоровое состояние

Утро началось с общего собрания начальственно-оперативного состава управления Кёнигсбергской рабоче-крестьянской милиции, который собрали

в одном из гулких залов управления. Собрание вёл седой майор из политотдела.

– Руководимые и направляемые верным словом Коммунистической партии, – при этих словах читающий по бумажке седой майор посмотрел на заднюю стенку зала, где проходило собрание. На ней висели портреты Берии и министра МВД Круглова, под портретами – кумачовый лозунг: «Советская милиция – слуга своего народа!», – вдохновляемые неустанной заботой великого Сталина, кёнигсбергские милиционеры в трудных условиях продолжают работу по очистке области от уголовно-преступного элемента...

– Представляешь, Семейкин, – сидевший рядом с Семейкиным Акулинушков прижался к нему плечом и, дыша какой-то невкусной едой в ухо, зашептал, – вчера взяли двоих рабочих «Кёнигсбергэнерго»... Они больше десяти раз совершали уход с предприятия в рабочее время и производили ограбление немецкого населения в смежных населённых пунктах. Ни разу за прогул к уголовной ответственности привлечены не были. Такой у них там учёт рабочего времени...

– Настроение и организационное состояние нашего коллектива – в общем здоровое. Вместе с тем, – переходя ко второй, критической части своего доклада, седой майор повысил голос, – в нашей самоотверженной работе имеются отдельные недостатки...

– Там всё просто, – продолжал Акулинушков. – Мы их по горячим следам взяли. Немка ограбленная до комендатуры добежала, крик подняла. Так и работаем. Если по горячим следам не взяли, пиши пропало. Может, на каком другом убийстве попадутся... А эти военные? С ними просто беда. Друг за друга – горой. Понятное дело, столько вместе нахлебались, пока мы, по их мнению, в тылу отсиживались... У тебя таких дел к концу недели штук пятнадцать будет. Но ты не суетись. За убитых немцев начальство особо не спрашивает. Нам бы с русскими убитыми разобраться...

– Милиционер Гаврилов, – седой майор сделал паузу, налил из графина на трибуне стакан воды, выпил, продолжил, – встал на путь морального разложения, пьянства и невыхода на работу. Седьмого числа напился, прибыл в расположение, учинил дебош и драку, оскорбил командира взвода всякими нецензурными словами, разбил стекло на письменном столе. За свои действия получил строгое взыскание, дело передано в инспекцию по личному составу...

– А ещё, – Акулинушков опять прижался плечом к плечу Семейкина, но договорить не успел.

– Ты мне, Акулинушков, нового сотрудника своими настроениями не заражай...

Крюков. Он вошёл в зал через заднюю дверь, неслышно сел позади Акулинушкова и Семейкина и подслушал их разговор.

– Сегодня – немцы, а завтра... – Крюков наклонился ближе к двум головам своих подчинённых. – Где немцы, там и русские... Вопрос времени...

Раздались аплодисменты. Седой майор закончил свой доклад: «Есть вопросы, товарищи?»

– Есть! – неожиданно и громко крикнул Акулинушков.

– Бля! – сказал в наступившей тишине Крюков, откинувшись на спинку своего стула. – Начинается... Договаривались ведь!

Но было уже поздно. Акулинушков встал, прокашлялся и начал: «Я вот по какому вопросу. Личный состав не получает долгое время табак, соль, спички, мыло и другие предметы первой необходимости...»

Наступила тишина. В ней было слышно, как седой майор напрягся и побагровел. Клацнув стеклянной пробкой от графина, он снова налил себе воды в стакан, поднёс к губам, но пить передумал, резко поставил стакан на полку трибуны. Вода из стакана возмущённой волной выпрыгнула на обшлаг майорского мундира. Отряхивая рукав, майор прошипел: «Вы, товарищ, из нашего политического мероприятия хозяйственный балаган не устраивайте. Вам Родина честь оказала, доверила советскую власть в новой советской области защищать, а вы что же? Как фамилия?!»

Акулинушков ответить не успел. Дверь в зал распахнулась. Милиционер с красной повязкой с надписью «дежурный» на руке, не обращая внимания на седого побагровевшего майора, громко объявил: «Товарищи! На «Пяти палатках» – взрыв, бомба. Люди погибли...»

Дежурный милиционер пошарил глазами в зале, столкнулся взглядом с Крюковым и утвердительно кивнул головой: «Николай Андреевич, похоже, по вашей части...»

В зале задвигали стульями, загудели голоса, люди потянулись к выходу. За их спинами Крюков схватил Акулинушкова за рукав, толкнул за собой к распахнутым двустворчатым дверям.

– Повезло тебе с этим взрывом, – сказал Акулинушкову мужик в пиджаке и кепке, всё собрание дремавший возле окна. Семейкин видел его вчера во дворе управления, ему этого мужика показал из окна своего кабинета Крюков. Семейкин вспомнил фамилию мужика – Ржавчин, тот, который контуженный...

Ржавчин хлопнул Акулинушкова по плечу: «А то политоделец сейчас разнёс бы тебя фугасным снарядом своего политотдельского слова!»

– Всё! Хватит! – Крюков не выпускал из рук рукав пиджака Акулинушкова. – Едем на место. Семейкин – с нами! Хватит уже обустриваться, работать пора!

Бомба

Эта была та самая синяя «эмка». В ней уже сидели криминалист Аринберг и водитель Семёнов. Ржавчин вальяжно развалился на переднем пассажирском сиденье с офицерским планшетом на коленях, Аринберг, вжался в угол на заднем, заранее освободив место для других пассажиров. На коленях у него стоял небольшой потёртый «докторский» чемоданчик.

– Принимайте нового товарища, – сказал Акулинушков, распахнув заднюю дверь «эмки» и легонько подтолкнув в неё Семейкина. Проелозив по сиденью, Семейкин неприятно прижался к тёплому бедру Аринберга, стараясь не обращать внимания на острый угол его чемоданчика, воткнувшийся прямо в бедро. Семейкин хотел немного отодвинуться от Аринберга, но не успел, с другой стороны на него навалился влезший в «эмку» Акулинушков.

– Андрей Семейкин, старший сержант, – представился Семейкин дружелюбно кивнувшему ему затылку Ржавчина и пожал руку Аринбергу. Водитель Семёнов просто помахал рукой, как старому знакомому, и включил зажигание.

– Ну-ка, подвигайся, товарищ Ржавчин, – Крюков подвинул Ржавчина, зажав его между водителем Семёновым и собой, и отдал приказ: «Трогай. Потом вернёшься за Гельмутом, Ойёёем и Эльзой...»

– А она поедет, Эльза? – спросил Семёнов переключая скорость. – Прошлый раз вон как просили, а она – ни в какую...

– Скажешь, я просил, – ответил Крюков. Семёнов пожал плечами и нажал на газ.

Они долго ехали в сосредоточенном молчании по разрушенным улицам. Первым не выдержал Ржавчин.

– Вот тоже, придумали! – сказал он ветровому стеклу. – Триста улиц переименовали, а народ – всё по-своему. Часть по-немецки, часть по-русски называет. Перемешались все... Да и новые названия какие-то дурацкие придумали...

– А мне, – с явным вызовом сказал, строго глядя прямо перед собой, в затылок водителя Семёнова, Аринберг, – нравятся новые названия: Геометрическая... Шахматная... Тюльпановая...

– Ага, – влился в дискуссию Акулинушков, перечисляя и загибая пальцы, – Патрульная, Семенная, Лесопильная, Контурная, Вечная... Кладбищенская! Смешнее не придумаешь.

– Ничего, – сказал Крюков, – скоро всё переименуют: города, посёлки, улицы... Реки, озёра... Надо будет, и море переименуем. В наше, советское. Или исконно славянское. Всё наше будет, русское!

«Пять палаток»

В районе «Пять палаток» сходилась в одной точке пять улиц. На каждой улице стояла «своя» пивная палатка. Две палатки из пяти практически упирались в друг друга хлипкими деревянными стенами, покрашенными одна зелёной, другая – синей краской. Именно здесь, на утоптанной площадке, вымощенной красным кирпичом, среди четырёхэтажных каменных руин, куда вели одни-единственные ворота с колоннами и лепниной по самому верху, возник стихийный рынок – «толкучка».

Купить или поменять здесь можно было всё: продовольствие, одежду, мебель, обувь, ювелирку, посуду, столовые приборы, ковры, патефоны, грампластинки и иглы к патефону, водку, брюквенный самогон, табак, немецкие и русские школьные учебники, а также огнестрельное и холодное оружие. Последнее – из-под полы, разумеется.

А ещё здесь продавали кошек и котов. Кошки и коты стоили дорого. Половину зарплаты строительного рабочего, например. Кошки и коты были средством от расплодившихся крыс и мышей. А ещё их ели. Котов и кошек в смысле. Впрочем, крыс тоже.

Именно на этой «толкучке» сегодня утром неизвестные злоумышленники взорвали бомбу. И убили людей, русских и немцев.

Когда «эмка», наспигованная оперативниками ОББ и экспертом Аринбергом, приехала на место, здесь уже собралось много народу: милиция, военные из районной комендатуры и районного гражданского управления, зеваки. Среди последних много мужчин, в военной форме и по гражданке, многие держали в руках кружки с пивом, активно обсуждая и строя версии. Военные медики из санчасти расположенной рядом инженерной бригады оказывали первую помощь пострадавшим. Как сказал старшина Гаврилюк, местный участковый, сразу узнавший «эмку» и подбегавший к ней, тяжело пострадавших уже увезли в больницу.

Девять погибших, русские и немцы, двое – накрытые старой простынёй и грязной шинелью, остальные – одним куском брезента в маслянистых пятнах, аккуратно лежали в ряд возле каменных ворот с лепниной по самому верху.

Возле этого ряда нерешительно топтались два санитар-немца из городского морга, за ними стоял грузовик с трёхконечной звездой на капоте и когда-то белой будкой с красными крестами на бортах. К аккуратному ряду погибших сразу устремился Аринберг. Он шёл перекошенный, согнувшийся после езды в набитой сотрудниками ОББ «эмке». Казалось, эксперт никак не может вылезти из неудобной позы, в которой он ехал в переполненной машине.

Как только группа выбралась из «эмки», машина тут же уехала обратно в управление, за длинным немцем-переводчиком Гельмутом и ещё какими-то нужными на месте происшествия людьми.

На окружённом руинами, вымощенном красным кирпичом дворе валялось много непарной мужской и женской, растоптанной, порванной и грязной, обуви. Среди неё Семейкин увидел оторванный рукав советской гимнастёрки, облезлый лисий хвост, бронзовый канделябр в виде лосиных рогов на восемь свечей с одним отломанным рогом, раздавленную банку из-под американской тушёнки с растёртым по кирпичам персиковым джемом, кучу перебитой посуды, почти чистую, но явно используемую тряпку, порванную картину – натюрморт с убитой уткой и фруктами в поломанной раме и с отпечатком армейского ботинка на полотне, распоротую подушку, перья из которой прилипли к джему на брусчатке, несколько разнокалиберных клумпов – деревянных башмаков, в которых ходили немцы, а также ещё много поломанных, разбитых, порванных, растоптанных, раздавленных и расплюснутых предметов.

И над всем этим из раструба радиоточки на столбе между пятью пивными палатками лился вальс «На сопках Манчжурии».

– Мы тут сразу оцепили всё, как только прибежали, – сказал Крюкову местный участковый старшина Гаврилюк, – не трогали ничего...

– Конечно, не трогали они, – ничуть не смущаясь, что старшина Гаврилюк его слышит, Ржавчин ткнул Семейкина в бок и кивнул головой в сторону милиционеров, стоявших возле раненых. – Распихали всё, что могли, по галифе, да в сапоги... Знаем, как это делается...

– Ну, старшина, – Крюков нахлобучил на голову шляпу, двумя руками поправил поля, словно говоря старшине по поводу слов Ржавчина «ну что от этого возьмёшь?», – показывай, где бомба взорвалась. Воронка большая?

Старшина Гаврилюк переминался с ноги на ногу: «Так это... Нету воронки... И бомбы никакой нет... Пойдёмте, сами сейчас всё увидите...»

Бомба, которой не было

Это была бочка. Чёрная железная бочка из-под нефтепродуктов. С левой стороны она сильно проржавела. Примерно на четверть бочка была набита обломками кирпичей, обильно присыпанных красной кирпичной же пылью, ошмётками искорёженной арматуры, кусками вырванного из стен бетона и всяким другим громяющим хламом.

– Вон тот что-то видел, – старшина Гаврилюк кивнул на молодого парнишку, сидящего на бревне и явно русского, на голове которого военврач и немолодой санитар в ватнике поверх серого халата мастерили из бинтов смешной чепчик с завязками бантиком под подбородком, – слесарь, на 820-м заводе работает, репатриированный, с Белоруссии угнали...

Пацан с перебинтованной головой испуганно прижимал к себе несколько пар брезентовых рукавиц. Когда Крюков со свитой подошёл к нему, он, безошибочно признав высокое начальство, втянул голову в чепчике в худые плечи и ещё сильнее прижал к груди рукавицы. Крюков сел перед ним на корточки, указательным пальцем сдвинул шляпу на затылок, посмотрел прямо в глаза. Парень уставился в землю, военврач и санитар, закончив работу, пошли к другим раненым, сидящим и стоящим возле противоположной стены.

– Как звать-то? – снисходительно спросил пацана Крюков и неожиданно взялся пятернёй за его подбородок, повернув его голову вначале налево, внимательно рассмотрев в профиль, а потом направо, так же внимательно рассмотрев лицо в анфас.

– Фёдором. Кравчук я, Фёдор. Ничего не видел, – сказал пацан, даже не пытаясь освободить свой подбородок из пальцев Крюкова.

– А на толкучке что делал? – Крюков повторил манипуляцию «профиль – анфас» с подбородком парня.

– Арбайтсхемдшуи, то есть рукавишки продавал, – парень покраснел, – или на хлеб хотел сменять....

– А где взял свои арб... рукавишки?

Пацан, голову которого цепкие пальцы Крюкова снова повернули в профиль, скосил глаза на Крюкова и сказал, понимая, что ему никто не поверит: «Нашёл...»

– Да ладно, – Крюков наконец-то отпустил подбородок парня, – нашёл... На родном заводе, небось подрезал?

Испугавшись ещё больше, вдруг затараторил: «Они бочку из окна развалки с четвёртого этажа вниз бросили. Вон из того, среднего. Громко так, пыль во все стороны... Я как раз вверх смотрел, на солнышко зажмурился... Сразу после этого кто-то закричал: «Бомба, спасайтесь!» Ну все к воротам и побежали. Давка началась. Прямо по людям и бежали... А в воротах уже стояли, сумки вырывали, товар отнимали, карманы рвали... Моего возраста примерно. Один – рыжий такой. Я их и не запомнил толком. Меня с ног сбили, я к стене откатился... А так бы затоптали...»

– Ой-ё-ёй... Из какого, говоришь, окна? – К группе, сгрудившейся вокруг испуганного паренька, подошёл приехавший вместе с переводчиком Гельмутом круглый подвижный человек с офицерской планшеткой в руках.

– Ойёй приехал, – прошептал Акулинушков Семейкину в ухо, – товарищ Предтеченский. Народный следователь из прокуратуры Кёнигсбергской области.

Паренёк ткнул рукой в окно: «Из среднего. Верхи которое».

– Ой-ё-ёй, – покачал головой следователь Предтеченский. У него был целый набор интонаций для своего «Ой-ё-ёй». Отдельная – для сломавшегося карандаша, которым он делал какие-то пометки у себя в блокноте, другая – для севшей в фонаре батарейки, третья – для ровного ряда задавленных жертв «взрыва», четвёртая – для начавшейся жары...

У него были «Ой-ё-ёй» грустные, весёлые, шуточные, философски мудрые, злые, недоверчивые, доверительные, ласковые, презрительные, разочарованные, угрожающие, искренне-трагические и притворно- трагические, непреклонные и сомневающиеся... Народный следователь Предтеченский мог разговаривать своими «Ой-ё-ёями», и его бы все понимали.

– А где Эльза? Приехала? – спросил следователя Крюков.

– Вон идёт, – махнул в сторону входа народный следователь.

Эльза, которую так ждали, оказалась огромной немецкой овчаркой. Эльза приехала не одна, а вместе со старшиной милиции Кувалдиным, своим проводником. В этом тандеме человека и собаки Кувалдин явно не был главным. Скорее, он был кем-то вроде переводчика с собачьего на человеческий, приставленного к Эльзе.

Акулинушков протянул руку, чтобы потрепать собаку за ушами. Эльза недовольно зарычала. Старшина Кувалдин успокаивающе похлопал овчарку по лопатке: «Вы нас сегодня не трогайте. Не в настроении мы. Только что работали. На Шпандинене три ограбления сразу»

– Ой-ё-ёй! – покачал головой Предтеченский.

– Да, – Кувалдин потрепал Эльзу между ушами. – Военнослужащие. Из бывших военнопленных. На телеге подъехали, поросёнка застрелили, четырёх кур забрали, оружием угрожали, личные вещи у немца забрали. Эльза вначале в развалки привела, там часть украденного нашла, а потом – прямиком в баню войсковой части. Облаяла солдата. На ём кальсоны, у немца украденные, обнаружили. Сознался под давлением доказательств...

Собака была на длинном поводке. Воспользовавшись этим, она подбежала к Семейкину, обнюхала и, дружелюбно вильнув хвостом, ткнулась большой и твёрдой головой в его ногу.

– Ну вот как там у неё в башке устроено? – Кувалдин уважительно потянул поводок на себя. – Как своего от чужого отличает? Даже «по гражданке» сотрудника унюхала! Видимо, мы, менты, какой-то свой особенный запах выделяем... Хоть по форме, хоть «по гражданке», но выделяем... А иначе как она определяет?

Оперативные сотрудники вместе с Эльзой пошли в развалину, из окна четвёртого этажа которой злоумышленники и выбросили «бомбу». На первом этаже развалки сильно пахло калом и мочой. Торгующие, меняющие и покупающие граждане использовали первый этаж руин в качестве отхожего места. Свою обильную лепту вносили и посетители пяти пивных палаток, расположенных неподалёку.

– Ух, ровно после свадьбы, – жизнерадостно отреагировал Ржавчин, перешагивающий через кучи.

На четвёртый этаж разрушенного дома вела широкая каменная лестница. Между вторым и третьим этажом в лестнице зияла дыра, пробитая танковым снарядом во время штурма города в апреле.

Наверху, возле окна, из которого выбросили бочку, Кувалдин ласково пожурил Эльзу за то, что на первом этаже она «каждую кучу говна обязательно понюхать должна, вот что за интерес?».

Собака почувствовала себя виноватой, сразу взяла след, потянула за собой Кувалдина вниз, но быстро вернулась. Потрепав собаку за ушами, Кувалдин развёл руками: «Не может вам Эльзочка сегодня помочь, дорогие товарищи, след теряет. Натоптано слишком...»

В это время в репродукторе на столбе возле пяти палаток влажно запели: «У меня есть сердце...»

Тут же, на четвёртом этаже, Крюков распределил задачи: Акулинушков вместе с длинным Гельмутом и Ржавчиным идут опрашивать потерпевших раненых, и немцев, и наших, а Семейкин и Аринберг – «изучать бочку».

Мясо хищных птиц

Взяв из своего потёртого, стоящего рядом чемоданчика фонарь, Аринберг встал на четвереньки и уже был готов залезть в бочку, когда его внимание привлекло что-то, придавленное ею во время падения. Это были фрикадельки, высыпавшиеся из небольшой эмалированной кастрюльки. Рядом с ними, раздавленными и даже в пыли аппетитными, лежала точно такая же кастрюлька, доверху наполненная холодцом, сверху покрытым белым сгустком жира. У Семейкина засосало в животе. Из-за утреннего собрания коллектива и последующего выезда на происшествие он не успел позавтракать в столовой УВД.

Семейкин сдвинул бочку, Аринберг отложил фонарь и вооружился пинцетом из своего чемоданчика. Пинцетом он взял одну из фрикаделек, поднёс к глазам, понюхал, повертел с разных сторон, аккуратно, словно фрикаделька могла взорваться, положил её на красный кирпич пола, предварительно сдув с него пыль и постелив какую-то вощённую немецкую бумажку с нарисованными вёдрами, тазами, пилами, граблями, топорами, ложками, тарелками и вилками.

Аринберг взял из кастрюльки другой шарик серого мяса, положил на кирпичный пол рядом с первым, аккуратно раздавил его пинцетом, внимательно осмотрел получившуюся мясную блямбу. После чего вернулся к фрикадельке на провощённой бумаге с нарисованными топорами, ложками и вилками, снова взял её пинцетом и снова поднёс её к глазам, чуть не ткнув фрикаделькой в стёкла своих очков. После чего, словно до этого у него были какие-то сомнения (или надежды), сказал неожиданно сирым голосом:

«Фрикаделька. С холодцом».

К ним уже спешил Акулинушков. Увидев фрикадельку в лапках пинцета, он матерно выругался. Аринберг печально кивнул головой на кастрюльку с холодцом, покрытым белым слоем жира. Акулинушков снова матерно выругался и позвал Крюкова, крикнув ему в спину: «Николай Андреевич, тут... Вот...» При этом Акулинушков виновато развёл руками, словно в появлении на рынке фрикаделек и кастрюльки с холодцом есть его прямая личная вина.

Крюков подошёл. Увидев фрикадельку в пинцете, побледнел, сжал губы, на скулах заходили желваки. Глядя Аринбергу прямо в глаза, Крюков спросил:

«Холодец?»

Аринберг печально кивнул на кастрюльку. Крюков матерно выругался. Потом ещё раз. Потом он плюнул на пол и сказал: «Вот только этого нам сейчас не хватало!» Аринберг старательно и осторожно, словно фрикаделька, зажата в его пинцете, могла взорваться, положил её в стеклянную банку из-под немецкой тушёнки. На банке была деревянная крышка с резиновой прокладкой, пристёгивающаяся специальными металлическими замками к горлу. Укладывая фрикадельку в банку, Аринберг сказал: «Покажу криминалисту из прокуратуры 11-й гвардейской армии. Может, скажет чего...»

– Так! – Желваки на скулах Крюкова снова заходили туда-сюда под побледневшей кожей. – Ржавчин и Акулинушков вместе с Гельмутом идут опрашивать раненных. Выверните мне их наизнанку. Кто продавал эти чёртовы фрикадельки, за сколько продавал, как часто продавал. Не мне вас учить. Всё, что можно, соберите. Приметы грабителей составьте. Всем всё понятно? Вопросы?»

Вопросов не было. Крюков удовлетворённо кивнул головой и приказал: «Выполнять!»

– А я? – спросил Семейкин.

– А ты, Семейкин, дуй на «Пять палаток», опроси продавщиц и посетителей.

Семейкин понял, что его, как новичка, отправили на наименее перспективный участок расследования, на то, с чем прекрасно справился бы и участковый. Но спорить Семейкин не стал.

Он поймал проходящего мимо Ржавчина за рукав: «Слушай, товарищ Ржавчин, а чего все так возбуждены из-за фрикаделек и холодца?»

Ржавчин оглянулся, не слышит ли их Николай Андреевич, и, кивнув на него, сказал: «Командира из-за фрикаделек к ордену представили. Зимой это было, в прошлом году. На толкучках тогда стало продаваться дешёвое мясо. И фрикадельки с холодцом, тоже дешёво. Продавцы, трое их было, двое наших репатриированных и немец, говорили, что дешёво свой товар продают, поскольку делают всё из мяса хищных птиц. А потом к нам немец-доктор пришёл. Из больницы святой Екатерины. Так, мол, и так: в больнице благодарный пациент-немец предложил очень дешёво фрикадельки, холодец и мясо хищных птиц, вполне пригодное для употребления в пищу. А зимой голодуха жуткая была и холод, для этих мест необычный. Немцы говорили, что русские с собой сибирские морозы привезли. Шутили они так, весёлая нация такая. Но в ту зиму немцы на улице замертво падали, не до шуток. Ну вот, этот доктор и купил задёшево эти фрикадельки, холодец и мясо. А поскольку доктор – в анатомии толк понимал. И сразу определил, что мясо на кости вовсе не птичье. Колено это было, человеческое. Ну тут уж мы и навалились.. Взяли за продажу мяса человеческих трупов сторожа на кладбище, он 1888 года рождения, и его поделника, кустаря-корзинщика... Они у трупов нижние конечности отрубали и на мясо продавали. Обыском на квартире у кустаря-корзинщика несколько бочек обнаружили, они в них товар свой хранили... Могилки вскрыли, 15 штук, все покойнички с отрубленными ногами лежали... Один гад сбежал. Не труп, конечно, с отрубленными ногами, а член банды. Повар. До сих пор в бегах... У Акулинушкова на стенке ориентировка на него висит, можешь сам посмотреть, а остальных судили трибуналом войск МВД. Я сам спецсообщение видел... Об этом самому товарищу Сталину министр внутренних дел спецсообщением доложил. А фрикадельки эти даже члены обкома партии покупали и кушали... А ты чего позеленел весь?»

Семейкин действительно позеленел. Он уже не хотел есть, несмотря на то что позавтракать сегодня не получилось. Он боялся смотреть в сторону бочки, под железным боком которой россыпью лежали на земле фрикадельки. Он понимал, что, если он туда посмотрит, его вывернет наизнанку.

— Семейкин! Ржавчин! Работать будет сегодня кто-нибудь?! – Николай Андреевич явно нервничал. – Хватит лясы точить!

— Вот с тех пор командир и нервничает, когда эти фрикадельки видит, – Ржавчин шепнул Семейкину, всем своим телом изобразив движение. – Думает, что сбежавший немец опять «производство» наладил. Он до войны в ресторане «Блютгерихт» работал. «Кровавый суд» переводится...

— Ржавчин! – Крюков был возмущён.

— Бегу, бегу, командир! – крикнул в ответ Ржавчин, и уже на ходу сказал Семейкину: «Вполне себе фашистское название!»

На букву «С»

На подходе к «Пяти палаткам» в голову Семейкина ввалилась мысль, судорожно забабанившая по стенкам головы. Мысль кричала внутри головы: «Смотри! Смотри! Смотри!». Семейкин посмотрел. Посетителей по поводу утра в палатках было мало. Перед четырьмя ларьками стояли ящики и бочки, приспособленные потребляющими пиво гражданами под столы, а возле пятой, самой близкой к «взорванной» «толкучке», – ни ящика, ни бочки не было. Ларёк был закрыт, но перед самой его «амбразурой», сейчас закрытой фанерной табличкой с надписью «закрыто», в утопанной ногами покупателей земле, перемешанной с обломками красного кирпича, отпечатался след от бочки.

Подойдя ещё ближе, Семейкин услышал, как в закрытом ларьке кто-то плачет. Семейкин постучал в закрытую «амбразуру». Резкий женский голос из нутра палатки прокричал, что, блянахёб, житья от вас, нахбляёб, выпивох проклятых, нет никакого, и что сегодня, ёбнахбля, торговли не будет, потому что ларёчница заболела, и если что-то, нах, кому-то, нах, не нравится, нах, то они могут идтить нах, нах!

Услышав «Открывайте, ОББ!», женщина на пару секунд замолчала, а потом вообще зашлась в голос. Семейкин постучал ещё раз. «Амбразура» открылась, женщина внутри просунула туда свою голову с заплаканными глазами на лице. Как ни странно, такой её Семейкин и представлял по голосу. Она была толстой, некрасивой, с глубокими, выдолбленными временем и плохим питанием порами в серой обвислой коже.

Семейкин показал удостоверение. Женщина открыла дверь. Разговаривали они на пороге, внутри ларька места для двоих явно не хватало.

Заикаясь, продавщица Нилова рассказала, что бочку к её ларьку три дня назад прикатили потребители взамен сгоревшего ящика. Взяли они её возле склада райжилкоммунхоза. Оттуда потом приходил ругаться по поводу бочки одноногий начальник. Бочка ему была нужна, чтобы в ней гудрон варить. По его словам, без этой бочки тормозилось важное государственное дело ремонта крыш в районе. Ларёчница успокоила его двумя кружками пива, и бочка осталась служить столом возле палатки. А сегодня утром, придя на работу, ларёчница бочку не обнаружила. Поругалась, поругалась и успокоилась. А потом – «взрыв» на «толкучке». Ларёчница побежала посмотреть и увидела «свою» бочку. И испугалась. Вдруг её привлекут за эту бочку как соучастницу... Привлекут? Нет, не привлекут? Разберётесь? Если понадобится? Всегда, когда надо, приду... Не беспокоиться? Продолжать работу?

Когда Семейкин уже собрался уходить, продавщица Нилова рассказала ему, перейдя на шёпот, что пару дней назад здесь вертелись какие-то пацаны, русские с какого-то завода. Очень наглые хулиганы. И что верховодил ими рыжий паренёк. И что звали рыжего... Как же его звали? К нему другие пацаны обращались, какая-то смешная кличка у него была, что-то на «С». Нилова толком не расслышала. И что лучше бы товарищу из ОББ спросить об этом товарища Каравайчика, директора райжилкоммунхоза. Может, он слышал? Он их шуганул от палатки, когда после работы здесь пиво пил... Здесь жилкоммунхоз рядом, через дорогу перейти.

Склад райжилкоммунхоза располагался в полуразрушенных автомастерских. В холодном даже летом закутке, где хранились мётлы и лопаты, сидел одноногий, левая нога ампутирована, начальник. Когда к нему пришёл Семейкин, он крыл матом двух рабочих-немцев: «Ну что там мерять? Чё вымерять?! Дырку пробили, трубу просунули, зацементировали и нормально! А вы чё устроили? Ходите, вымеряете...»

Немцы в ответ что-то возмущённо залопотали, один из них выхватил из-за уха карандаш, из кармана – старую пожелтевшую газету на немецком. Послунявив карандаш, немец быстро

затараторил на своём языке, начал что-то рисовать на полях газеты. Второй согласно кивал головой и приговаривал:

«Я. Я, я. Я. Штимт!»⁷

Увидев удостоверение Семейкина, начальник встал, опираясь на костыль, и со всей силы ударил кулаком по столу: «Ну-ка марш арбайтен!»

Немцы, возмущённо переговариваясь между собой, ушли.

– От немчура, – дружелюбно сказал начальник райжилкоммунхоза товарищ Каравайчик, усаживаясь на место и старательно вглядываясь в лицо Семейкину, – всё вымеряют, а потом делают. На века строят, а мне завтра квартиру сдавать... Чем могу, товарищ дорогой? Из милиции? По поводу бочки? Да я её завтра заберу. Хорошая бочка для производственных нужд, а её выпивохи к ларьку укатали. И если вам, уважаемый товарищ, кто-то на «Пяти палатках» скажет, что я государственную бочку на частное пиво сменял, так это всё происки... Нет? По другому вопросу? Это какому же?

Начальник райжилкоммунхоза товарищ Карвайчик сразу вспомнил молодых хулиганов, с которыми вошёл в конфликт на «Пяти палатках».

– Бандиты, – сказал он, – натуральные бандиты. Я ведь из-за чего на них ругаться начал? Они камнями в проезжающий автотранспорт кидались. Три машины проехало, так они каждую «обстреляли» ...

– Зачем? – не понял Семейкин.

– А вот! – оживился товарищ Каравайчик. – Развлечение у них такое, хулиганское. Я на них орать начал, меня другие мужики в этом деле поддержали, мы их даже поймать пытались, да какой там! Вёрткие, как ужи.

Они в развалках спрятались. Оттуда в меня кирпичом и запустили в качестве мести. Чудом в голову не попали!

Всего малолетних бандитов было пятеро. Да, главарь был рыжий. Невысокий такой, худой. Он ещё некоторым, особо много выпившим пива гражданам предлагал меч у него купить...

– Какой меч? – спросил Семейкин.

Товарищ Каравайчик хихикнул: «Говорил, что меч у него есть из чистого золота! Откуда у такой шмакодявки вредной меч из чистого золота? Что он в золоте вообще понимает!»

Да, рыжий явно верховодил в этой банде малолеток. Да, кличка у него была какая-то смешная, начальник райжилкоммунхоза помнит, что к рыжему обращались члены банды...

– На «эс» у него кличка, как свидетели утверждают, – попытался помочь начальнику Семейкин.

Товарищ Каравайчик задумался, перебирая в памяти уже полустёртые воспоминания об инциденте с бандой малолеток. Он думал бесконечно долго, около минуты.

– Нет, не помню... – товарищ Каравайчик в сердцах снова стукнул кулаком по столу. – Контузило под Алленштайном, по памяти ударило, до сих пор отойти не могу... Да и кто же знал, что этими шмакодявками милиция будет интересоваться... Нет, не помню.

Товарищ Каравайчик развёл руками: «Вы уж извините...»

Семейкин отошёл от райжилкоммунхоза метров на десять и посмотрел на палатку продавщицы Ниловой. Палатка работала. Трое мужчин пили пиво и обсуждали происшествие на толкучке.

Через недельку-другую Семейкин снова придёт к этому ларьку с напуганной продавщицей Ниловой. Глотнуть пивка. Ну и поболтать с ларёчницей. Ибо теперь она не просто продавец пива в пятой платке. Теперь она – важный негласный источник информации, секретный добровольный помощник. Она ещё не знает об этом, но теперь она будет регулярно рассказывать

⁷ «Да. Да, да. Да». Правильно! (нем).

Семейкину всё, о чём болтают накачавшиеся пивом языки в радиусе ста метров от её палатки. Всё в подробностях и деталях. А Семейкин будет её прикрывать от мелких неприятностей вроде недолива пива или проверки коллег из отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности. Таковы правила игры. Она теперь их. Солдат правопорядка. Ещё один узелок в агентурной сети, которая рано или поздно накроет весь этот город... Сила милиции – в связи с народом! Надо не забыть сказать ей эту красивую фразу, когда он будет оформлять вербовку и брать с неё расписку о готовности сотрудничать...

Смерть стахановки

Фрикадельки на толкучке продавала немка Ирма. Высокая, худая, в красном платке, завязанном спереди в узел. Так носили платки практически все немки. Некоторые русские женщины быстро переняли эту моду. Ирма продавала свои фрикадельки по три рубля за штуку. Эта информация обрадовала Крюкова. Злополучные фрикадельки из «мяса различных хищных птиц» продавались с большой скидкой, рубль за штуку. Но, кроме этого, хороших новостей больше не было.

Внешность малолетних бандитов никто не запомнил. Посетители рынка, не пострадавшие или пострадавшие во время «взрыва» не сильно, разбежались. Оставшиеся свидетели не помнили ничего. Или не хотели помнить. Улучшению их памяти не помогла и угроза Акулинушкова, напомнившего всем возможным свидетелям, что граждане по требованию милиции обязаны содействовать в поиске и задержанию преступников, в противном случае гражданам грозит ответственность по статье 75 Уголовного кодекса СССР.

Как ответил Акулинушкову один из пострадавших, инвалид войны без правой руки, певший на рынке за подавание и известный на «Пяти палатках» как «дяденька Коровин»: «Ага. Я те ща скажу, а потом меня бритвой по глазам, как ту бабу возле Иисуса с крестом! Да и не видел я ничего! Не до того было. Спасаться надо было. Я когда упал, по мне баба какая-то пробежалась, стерва. Больно...»

Слепота свидетелей – не единственная проблема, поджидавшая оперативную группу ОББ под руководством товарища Крюкова.

Прежде чем немцы-санитары в серых халатах увезли тела погибших в давке, старшина Акулинушков вместе со Ржавчиным обыскали трупы и собрали их документы. Документы вместе с нарочным отправили в местное отделение милиции. Там на основании этих паспортов, справок и удостоверений составили список погибших. Список приложили к спецсообщению о чрезвычайном происшествии. Спецсообщение отправили в управление милиции, оттуда в политотдел городского Управления по гражданским делам, а из городского – в областное. И тут выяснилось страшное.

Одна из задавленных – Анна Кузовлева, котельщица только что пущенного струнно-бетонного завода. Неделию назад по инициативе заводской партийной организации, поддержанной политуправлением областного Управления по гражданским делам, комсомолка Кузовлева стала застрельщицей инициативы – перевыполнить месячный план на 270%. И всё бы ничего, на промышленных предприятиях Кёнигсбергской области многие стахановцы по разным поводам принимали повышенные обязательства, но Кузовлева, с благословения самого товарища Гузия, начальника Упрпограждам области, торжественно написала о своём почине самому товарищу Сталину. А о том, что она взяла (обязательства) и написала (письмо Сталину) с подачи всё того же товарища Гузия, в свою очередь, написала аж сама «Правда» в заметке «Выполнить норму на 270% – мой ответ на происки империалистов».

Когда это выяснилось, на «Пять палаток» приехал сам Навалихин, начальник милиции. Потом – начальник политуправления Котов, потом начальник политотдела районного Управления по гражделам Барановский. Когда Семейкин пришёл на толкучку, последний доходчиво объяснял унылому Крюкову, что это – не простая, хоть и тяжкая уголовщина, что дело имеет «очевидный политический оттенок», что поимка этих подлецов – лучший ответ врагам Советского Союза, что область – особая и требует особой бдительности и чёткости в работе органов... Что убийство стахановки имеет общесоюзное значение, что подобные криминальные отклонения льют воду на мельницу некоторого количества неустойчивого элемента, осевшего в Кёнигсбергской области после войны, что враждебные элементы, используя затруднения, под-

нимают голову, что при расследовании надо проявить революционную решимость и мобилизовать все возможности, и дать правильный революционный результат...

Крюкову очень не нравилось присутствие в этом деле «явного политического оттенка». «Политический оттенок» в этом деле обещал серьёзные неприятности, если расследование не даст результатов в ближайшее время. А для результатов, тем более в ближайшее время, у Крюкова не было ничего. Версий, показаний, наводок, направлений поиска, времени, агентурной сети, оперативников, знающих город...

Единственное, что Крюков твёрдо знал, так это то, что когда-нибудь, где-нибудь, что-нибудь обязательно выплывет. Например, арбайтсхемдшуи, рабочие рукавицы, украденные репатриированным Фёдором Кравчуком на судостроительном заводе «Шихау». Или зелёное пальто с оторванным хлястиком. Вот он, оторванный хлястик, лежит на кирпичном полу... Или металлический портсигар с русалкой на крышке, резиновые галоши, бумага на самокрутки, пять подошв, кавалерийские сапоги с кисточками на голенищах, на пропажу коих пожаловался «герру полицисту» вон тот плачущий немец... Или кто-то из грабителей напьётся и обязательно похвастается в пивной, как лихо они с кентухами обтяпали дельце, и кто-то это обязательно услышит и сообщит куда надо. Или кто-то из грабителей попадётся на другом преступлении и тогда сдаст всех своих подельников, это уж вопрос техники. Или кто-то кому-нибудь в пьяном виде разmozжит голову бронзовым письменным прибором с раскинувшим крылья орлом, о котором оперативникам рассказал дяденька Коровин..

Где-нибудь, что-нибудь, когда-нибудь, кто-нибудь... А пока надо что-то делать. А именно – поставить этот город на уши, перетрясти всё городское дно.

Тётенька Беда и десять пленных немцев

Шпандинен, рабочий район на окраине трофейного советского Кёнигсберга, словно клещами обхватил судостроительные верфи «Шихау», переименованные советскими властями в завод № 820.

Во время боёв за город немцы должны были «Шихау» взорвать, для чего заложили тротил под всё, подо что только можно. Но взорвать не успели, а оставшийся главный инженер завода герр Гюльзен показал советским сапёрам, где лежит взрывчатка. Гюльзена потом нашли мёртвым в камышах на берегу реки Прегель, рядом с заводом. Его задушили неустановленные лица.

Завод № 820 Народного комиссариата судостроительной промышленности начали восстанавливать уже в середине мая 1945-го. Для этого сюда направили специалистов из Ленинграда и Николаева, потом привезли два эшелона завербованных в СССР рабочих с семьями и без, а на территории завода организовали лагерь для пятисот немецких военнопленных и обнесли колючей проволокой бараки, в которых жили советские граждане, угнанные Гитлером на работу на эти самые верфи «Шихау».

У русских название района быстро переродилось из Шпандинена в Шпандин. При этом новые приехавшие русские были уверены, что название рабочего района на городской окраине происходит от русского слова «шпана», а не от какого-нибудь там немецкого «Шпанд». Не то чтобы на Шпандине не было Советской власти. Она была. Но на Шпандине Советская власть существовала как-то параллельно, многие вопросы шпандиновцы, русские и немцы, решали сами, по своим представлениям о том, что хорошо, что плохо, что правильно, а что нет. Только-только созданная кёнигсбергская милиция в дела Шпандина до поры до времени вмешивалась только в самых крайних случаях, других дел хватало. Шпандин жил жизнью, в которой стандарты и нормы поведения советского человека тесно переплелись с быстро сформировавшимися шпандиновскими понятиями.

Именно на Шпандине, на улице Заслоновской, 31, ещё в декабре 1945-го появился «домик тётеньки Беды». Особнячок стоял на отшибе, с одной стороны – болотистый берег Прегеля, с другой – немецкое кладбище, поросшее кустами. «Домик тётеньки Беды», как мокрая половая тряпка, впитывал в себя всю городскую человеческую грязь. Здесь можно было сбыть краденое, выпить, закусить, отдохнуть с «девочками», переночевать... В дни получки сюда приводили подгулявших «клиентов», утром они тяжело просыпались на немецком кладбище в трусах и майке, а иногда и без них... Поговаривали, что были случаи, когда «клиенты» и не просыпались вовсе, иногда в камышах на берегу реки находили человеческие тела, явно появившиеся здесь недавно.

Самой большой загадкой в «доме тётеньки Беды» была она сама. Ходили слухи, что она – бывшая разведчица или подпольщица, тайно награждённая орденом Ленина. Также рассказывали, что Ольга Павловна, она же тётенька Беда, когда-то работала в буфете в самом Кремле, обслуживала Сталина, но из-за амурной истории с его сыном Василием впала в немилость, и её отправили сюда. А ещё рассказывали, что она...

В тот летний вечер, в десятом часу по брусчатке мостовой недалеко от домика тётеньки Беды медленно катилась крытая тентом полупторка. Метров за тридцать до домика водитель резко нажал на тормоза – из-за угла, прямо под колёса грузовика, вынырнула компания: семь мужчин и три молодые женщины. Все они были в разной степени алкогольного опьянения. В середине компании, поддерживаемый с двух сторон под руки девицами, шёл мужчина в белой рубашке с галстуком, в трусах, босиком и с гармошкой.

Увидев остановившуюся машину, мужчина вышел на середину проезжей части, широко расставив голые волосатые ноги, в лучах фар растянул гармонь. Тут же из толпы выскочила девица. Подбоченясь и высоко подбрасывая колени, она под гармошку спела визгливым голосом:

*Сидит Гитлер на берёзе, а берёза гнётся!
Посмотри, товарищ Сталин, как он еба...ся!*

Тут же к ней подскочила другая, она заплясала вместе с первой, не менее визгливым голосом прогорланила:

*На горе стоит репей, а я думала – Андрей.
Подошла и обняла, и Андреем назвала!*

Пока девицы пели и отплясывали, от толпы отделилась тень. Обойдя свет фар, тень прислонилась к кузову полуторки и, отогнув пальцем край тента, постаралась заглянуть внутрь.

Из кабины грузовика, со стороны водителя, прытко выскочил сержант-артиллерист с автоматом ППС в руках. Он вежливо спросил прилипшую к дырке в тенте тень: «Чем интересуешься, товарищ?»

Тень, застигнутая врасплох, отпрыгнула от машины и начала оправдываться мужским голосом: «Да не... Я так... Может, помощь нужна?»

Помощь была не нужна, тень влилась в толпу, девицы подхватили под руки человека с гармошкой в белой рубашке с галстуком и в семейных трусах, и компания отошла от грузовика метров на сто. Они остановились под негорящим уличным фонарём, мужчины что-то негромко бубнили, девицы же громко и призывно смеялись.

Водитель залез в кабину, попробовал дать газу, но двигатель заглох, фары погасли. Матерясь, водитель вылез из кабины, открыл крылья капота, полез в двигатель. Через две минуты к нему присоединился пассажир, худой очкарик. Очкарик посветил ковыряющемуся в двигателе водителю карманным немецким фонариком, продолжил начатый ещё в кабине разговор: «И что, вот прямо ложкой? Окоп? Столовой?»

– Ну, не в полный рост. Но окопался... Вот ею... – сержант вытер промасленный тряпкой руку, левую, на ней был сильный ожог, достал из кармана гимнастёрки ложку. Ложка была мельхиоровой, с украшенной резьбой ручкой.

– Ух ты! – сказал очкарик, аккуратно взял ложку, посветил фонарём на черенок, пытаясь рассмотреть вырезанный узор.

– Чертовщина какая-то, – сказал очкарик. – Вот явно старик, с факелом, верхом на волке сидит... А это что за существо? Как змея, только с лапами, вроде утиными... И голова у него человеческая, с бородой!

– Да чертовщина какая-то немецкая, сказки ихние. Вы, товарищ, мне хотя бы на руки посветите, а то наблюдатели, – сержант кивнул головой в сторону толпы с гармонистом в трусах в центре, – поймут, что мы не просто так здесь остановились...

– Любимый город может спать спа-а-койна-а-а! – прогорланил из темноты пьяный мужской голос.

Ковыряющийся в двигателе сержант, сопровождающий его очкарик, а также толпа с гармонистом в белой рубашке и трусах, – все посмотрели в темноту, откуда доносилась пьяная песня.

Они вышли со стороны немецкого кладбища. Песню про любимый город орал шатающийся гражданин в элегантном костюме и шляпе. Его, аккуратно поддерживая, вёл парень в пиджачной паре. Даже в сумерках было видно, что пиджачная пара на паренёке сильно поношена.

– Что у них сегодня, районный конкурс художественной самодеятельности? – спросил водитель, оглядываясь по сторонам.

– Это... – полушёпотом ответил ему очкарик и многозначительно замолчал.

– Да я понял уже, – усмехнулся водитель и продолжил что-то крутить в изношенном нутре полуторки.

Паренёк и элегантный в шляпе остановились под распахнутыми в ночную летнюю духоту окнами квартиры тётеньки Беды.

– Что, – спросил пошатывающийся элегантный в шляпе, – и девочки?

– И девочки! – радостно засуетился вокруг него паренёк. – Какие хошь!

– Ой, а кто это у нас тут такие песни хорошие поёт? – Из распахнутого окна высунулась голова девицы. Быстро просветив пошатывающегося мужика в шляпе и подмигивающего ей паренька, она поняла что к чему. Положив на подоконник грозившие укатиться из выреза блузы груди, она томным голосом пропела: «Так у нас тут как раз репетиция художественной самодеятельности... Поднимайтесь, утёсовы вы мои персиковые, вместе попоём!» В комнате засмеялись мужскими и женскими голосами, и кто-то там, внутри, звонко хлопнул высунувшуюся барышню по задку. Она взвизгнула.

– О! – сказал элегантный мужик в шляпе и по-профессорски поднял указательный палец вверх. – Куда надо пришли.

Мужик в шляпе и пацан зашли в подъезд особняка. Они поднялись на второй этаж, и явно заискивающий перед мужиком в шляпе пацан уже был готов постучать в дверь, когда она распахнулась. Вначале из неё вылетел мужчина в помятом парусиновом костюме, следом – пальто. Пальто швырнули мужчине в парусиновом костюме прямо в лицо. Это было женское пальто. Он поймал его двумя руками и стал аккуратно складывать.

Потом в дверном приёме показалась та самая девица, что свисала из окна. Она обматерила мужчину в парусиновом костюме, а элегантному в шляпе ласково сказала: «Ну заходите, гости дорогие».

Элегантный в шляпе шумно выдохнул и сел на ступеньки: «Сейчас, милая, сейчас, зайдём...»

Девица в дверном проёме пожала плечами: «Если поссать, то на двор идите, весь подъезд уже зассали...»

– Не, милая, всё в порядке, сейчас придём, – ответил элегантный в шляпе, вытирая лоб носовым платком. Девица ушла, оставив приоткрытой дверь.

– Хорошее какое пальто, – сказал неожиданно трезвым голосом мужик в шляпе.

– Вот и я им говорю, – обиженно сказал мужчина в парусиновом костюме, прижимая пальто к груди, – вначале купить хотели, а потом... Странные люди...

– Да не странные, – сказал элегантный в шляпе, достал пачку папирос, закурил сам, предложил мужчине в парусиновом костюме. Тот с благодарностью взял, мужик в шляпе продолжил: «Просто ты им, верно, не сказал, что хлястик у этого пальто оторван... Вот они и осерчали...»

– Вот ты, чёрт глазастый, даже в темноте углядел, – уважительно произнёс мужчина в парусиновом костюме и с надеждой спросил: «Так и чё, купите пальто?»

И тут продавец пальто вспомнил. Он вспомнил, где слышал этот голос. И где видел этого, в шляпе, сидящего в темноте лестничной клетки. Да и паренька, выскочившего к нему из подъездной темноты, он тоже узнал, хоть и не сразу. Вокзал, толпа, какой-то неумелый идиот – майор в очках, размахивающий своим чехоманчиком... Линейный отдел милиции, смешной профессор с полковничьими погонами, наручники... Прыжок в окно, потому что всё равно это не жизнь, удачное приземление, беготня по развалкам под пулями милиционеров... Наручники он снял, открыв замок куском проржавевшей проволоки. Наручники долго открываться не хотели, левая рука у него уже начала опухать, правая слушалась с трудом. И тогда, сидя в развалке, пристроившись возле подоконника с горшком, в котором торчал давно умерший без хозяев цветок, он заплакал. Он решил поставить точку во всей своей загубленной жизни. Он

вырвал согнутую особым образом проволоку из замочной скважины наручников и... в этот момент они открылись. И ему стало легче. Он решил не вешаться.

В принципе, в новом городе было хорошо. Людей на предприятиях не хватало, брали всех подряд, и документов никто особо не спрашивал... Пока тепло – ночевать можно было в развалках, а там, глядишь, и комнатку можно будет снять... И вот – это пальто и два мента рядом. Что не так с этим, мать его,

«пальтом»? Чё они к нему прицепились?!

– Не твой сегодня день, – ответил мужик в шляпе, и ласково похлопал по ступеньке рядом с собой, приглашая парусиновый костюм сесть рядом, начал рассказывать: «Мы с приятелем уже третью весёлую квартиру посещаем. За вечер. В первой, когда приехали, веселье ещё не началось. Так, поговорили о том, о сём... А вот на второй весело было. Там пьяный морячок в развалки побежал, отстреливаться начал, ранили морячка, в больничку повезли, врач говорит, не выживет... А толку – никакого. И всё, понимаешь, из-за пальта этого. И сапогов кавалерийских, с кисточками и отворотами, и... там целый список, короче... И тут вот ты нам выносишь. То самое. Без хлястика. Был бы хлястик – одна история. Лет на пять, семь, учитывая твою биографию. И выбитое, сука, окно, только день назад застеклённое, в линейном отделе милиции на станции «Кёнигсберг – Пассажирский»... Но ты вынес нам пальто без хлястика. Крови много на этом пальтишке, очень много. Лоб зелёной намажут⁸ без вопросов...

Пацанёнок забрал пальто, достал из кармана наручники, защёлкнул их на мужчине в парусиновом костюме спереди. Потом подумал секунду, снял и защёлкнул их сзади.

В этот момент в квартире завели патефон. Пластинка была трофейная. Какая-то дива пела что-то на иностранном языке, часто повторяя слово «Аморе».

Опять распахнулась дверь. Та же девка выскочила в коридор: «Ну, ухажёры дорогие, долго вас жда...» Она увидела наручники на мужчине в парусиновом костюме. И завизжала. Девка визжала нереально громко. Из квартиры побежали мужчины, женщины. Выбегая, они наткнулись на сидящего мужика в шляпе, падали, придавливая его и топча его шляпу. Они сбили с ног помятого гражданина со скованными сзади руками. Он покатился по ступенькам вниз, за ним по ступенькам полетел сбитый с ног парнишка. Когда они перестали катиться и по ним пробежало несколько человек, парнёк прыгнул и схватил гражданина в помятом костюме за ногу. Тот брыкнулся, чуть не попав каблуком парнишке в глаз. Парнишка на стал давать помятому гражданину второй шанс и так закрутил гражданинову ногу, что тот запричитал: «Ой, сдаюсь, сдаюсь, сдаюсь!»

На улице тоже слышали визг девицы и топот ног. Компания, стоявшая возле гармониста в трусах, моментально разбежалась, оставив его, обескураженного, стоять возле негорящего фонаря.

Сержант-водитель и его сопровождающий кинулись к подъезду, кто-то в кузове грузовика отбросил полог тента, оттуда посыпались Ржавчин, Акулинушков и шестеро автоматчиков из дежурного взвода при районной комендатуре. Автоматчики ловили всех, выбегающих из подъезда, какой-то пацан в белой рубашке поверх тельняшки замахнулся на солдата. Ему врезали прикладом, он отлетел к стенке. Мужчина в военной форме без погон выпрыгнул из окна прямо на Ржавчина. Ржавчин в последний момент с матом увернулся и тут же ударил приземлившегося ногой. Тот потерял равновесие, растянулся на брусчатке перед домом, из рукава его кителя на мостовую с тонким звуком упала «финка». «Прыгуна» тут же успокоил автоматчик, ткнув стволом ППС в живот.

Дамы царапались, кусались, визжали и матерились. Ржавчин отвесил одной из них пощёчину и покрыл её матом. Все поняли: эти «ухажёры» миндальничать не будут.

⁸ Приговорят к высшей мере наказания – жарг.

Когда выбежавших из дома тётенки Беды поймали и выстроили возле стены, из подъезда вышли Крюков и Семейкин. Они вели хромающего задержанного в сильно помятом парусиновом костюме. Крюков тожественно поднял вверх зелёное женское пальто с вырванным хлястиком. Акулинушков, Ржавчин и очкарик Аринберг заулыбались. Семейкин, схватив гражданина в помятом парусиновом костюме за грудки, резко припечатал его к стене дома. Гражданин от неожиданности икнул.

У гражданина в подкладке парусинового пиджака, старательно прощупанного Семейкиным, было два документа. Первый – паспорт на имя Гундарева Константина Петровича, проживающего в Армавире, по улице Котовского, 5. Константин Петрович Гундарев на фотографии в паспорте был похож на гражданина в мятом парусиновом костюме, но только чуть-чуть.

Ещё у гражданина была справка об освобождении из мест лишения свободы на имя Поддубного Семёна Федосеевича, уроженца станции Инкубаторская Чернышковского района Сталинградской области, осужденного нарсудом Киржачного района Владимирской области по статьям 162 (пункты «г» и «д» – хищение государственной собственности) и 169 (часть вторая – мошенничество) Уголовного кодекса СССР. В справке говорилось, что Поддубный Семён Федосеевич отбыл наказание и следует по железной дороге к постоянному месту жительства, а именно в посёлок Заостровье Нерженского сельского поселения Кировской области.

На таких справках фотографии предусмотрены не были. Вместо неё в квадрате внизу бланка справки стоял отпечаток указательного пальца правой руки освободившегося из мест отбытия наказания гражданина.

Крюков подошёл к прижатому к стене Поддубному: «Ну... Рассказывай, Семён Федосеевич...»

Тот не понял: «Что рассказывать-то, гражданин начальник?»

Даже в сумерках летней прусской ночи было видно, как Крюков побледнел. Он резко, плечом, отодвинул Семейкина и громко припечатал свои ладони к стене, в паре сантиметров от ушей задержанного. Задержанный плотнее прижался спиной к стене, скованные сзади наручниками руки заставили его выпятить живот вперёд, но выпятить так, чтобы не дай бог не задеть нависшего над гражданином явно начальника.

Крюков приблизил своё лицо максимально близко к лицу Семёна Поддубного. Со стороны казалось, что Крюков хочет или поцеловать прижавшегося к стене гражданина, или откусить ему нос. В любом случае, если смотреть со стороны, в двух мужчинах, прижавшихся один к стенке, а второй – к прижавшемуся к стенке, было что-то неприлично-интимное. Крюков молчал. Он смотрел в глаза прижатого к стенке гражданина, в самые его глазные яблоки, словно пытался рассмотреть, что у них там на дне.

– Всё рассказывать, всё, – сказал Крюков.

– Ладно, ладно, гражданин начальник, – затараторил гражданин Поддубный, – я, Поддубный Семён Федосеевич, 1916 года рождения, судим по статьям Уголовного кодекса...

Кулак Крюкова воткнулся в стену в нескольких миллиметрах от головы Поддубного: «Ты мне свою биографию, гражданин Поддубный, ещё успеешь рассказать... Про пальто рассказывай!»

– Так это... – гражданин Поддубный не понимал, почему из-за поношенного женского пальто без хлястика проводится целая операция с привлечением дежурного при комендатуре воинского подразделения, но весь этот кипеш ему не нравился. – ... Я его в карты выиграл. Три часа назад...

Поддубный замолчал.

– Ну! – Крюков крикнул это своё «ну» так, что где-то через два дома залаяла напуганная собака.

– Ну... – Поддубный явно выбирал в уме стратегию. На это у него ушла пара секунд, напуганный мозг в панике выдал ему единственно верное решение – говорить правду. – У

Ивана, весовщика на железной дороге. Серёга меня с ним познакомил. Серёга Ушлый. Его так все и зовут. Мы с ним вместе, ну, на шахте работали, на зоне. Он в ресторане «Гудок» грузчиком работает, его там все знают... Иван этот, весовщик который, слаб на карты... Посидели на полянке, выпили по пятьдесят и пошли к Ивану домой, перекинуться в буру или очко... Играть на интерес. Вначале Иван выигрывал всё время. Ну и сам предложил по 10 копеечек поставить...

Поддубный замолчал, словно вспоминая что-то важное или решая, говорить что-то важное или не говорить.

– Ну! – кулак Крюкова опять воткнулся в стенку в нескольких миллиметрах от головы гражданина Поддубного, через два дома опять залаяла-завыла напуганная собака.

– Ну, – затараторил Поддубный, – и проиграл... Пальтукан этот. Говорит, купил пальтукан для бабы своей, они не расписанные живут. И проиграл. Она нас, баба евоная, и выгнала, когда с работы пришла. Мне ещё Ваня-весовщик успел шепнуть, чтобы я про пальтукан ничего ей не говорил... Мол, мой пальтукан, а не его, не Вани-весовщика, и всё тут... Он отыграться хотел. Просил завтра прийти, после работы. С пальтом вместе...

– Поехали... – сказал Крюков и обратился к своим боевым товарищам. – Сворачивайтесь, загружайте этого... – Крюков смерил Поддубного глазами, подумал, потрогал внутри рта языком щёку в поисках нужного слова, нашёл,

–... гражданина. Покажет нам, где Ваня-весовщик живёт...

– А эти? – удивлённо спросил Акулинушков, кивнув на ряд выстроившихся у стенки задержанных граждан и гражданок...

– В следующий раз! Поехали!

Прежде чем запрыгнуть в кузов, Семейкин посмотрел в распахнутое окно на втором этаже дома тёточки Беды. На подоконнике сидела женщина в шёлковом платье. Волосы были собраны на затылке в тугий узел. Женщина смотрела прямо в глаза Семейкину и курила папиросу, вставленную в толстый мужской янтарный мундштук. Ольга Павловна Рюмина. Она же – легендарная тёточка Беда...

– Чё хотели-то? – спросила вслед уехавшему грузовику одна из девиц.

Гармонист в трусах, о котором все забыли, до сих пор стоял, прислонившись к фонарному столбу. Неожиданно он растянул меха инструмента и запел, приплясывая на кривых, волосатых ногах, нелепо торчащих из семейных трусов:

Самолёт летит, Мотор работает,

А в нём поп сидит, Картошку лопает.

Самолёт летит разрисованный,

А в нём поп сидит, арестованный...

– Ой, Сань, – обратилась к гармонисту та самая, с выпирающими из разреза блузки грудями, девица, – опять в запое?! Иди домой. А то Верка со смены придёт, а ты такой красивый...

Гармонист кивнул головой, ушлёпал босыми ногами в темноту. Через минуту из темноты тоскливо залаяла на пьяного Саню-гармониста собака. Саня послал собаку по матери. Собака в ответ завыла на висевшую в небе луну.

Приключения одного пальто

Ваня-весовщик пил в своей сторожке бледный чай с картошкой в мундире, когда в дверь вежливо негромко постучали. На вопрос «Кто там?» молодой мужской голос поинтересовался, дома ли Ваня-весовщик, к которому у молодого мужского голоса было неотложное дело. Тогда в разговор вступила Нюрка, штукатурица из ОРСа железной дороги, с которой Ваня-весовщик жил. Она обрушила на стучавшего кучу самых разных слов: уже ночь, а завтра на работу, здесь не проходной двор, ишь, моду взяли, как к себе домой, оставьте человека в покое, ходят и ходят, топай своей дорогой, потому что «паразитический элемент» и тунеядец наверняка, шпана шпандинная, а они с хозяином – люди на производстве уважаемые, не ровня понаехавшим за поживой, и что водки здесь нет, и Ваня водки в рот не берёт, только-только жить начали по-человечески, а дружки со всего города прутся и прутся...

Молодой мужской голос за стеной прокашлялся, произнёс что-то типа «я дико извиняюсь» и добавил, что к Ване-весовщику он пришёл по поводу женского «пальта», потому что ребята-сцепщики вагонов говорили, что Ваня женскими «польтами» интересуется, и вот как раз есть одно, на рынке купленное, немецкое, не подошедшее...

Нюрка, набросив халат с китайскими драконами, обвивающими по шёлку халата её тело, отодвинула щеколду и приоткрыла дверь, выглянула в темноту.

Ваня-весовщик успел схватить на всякий случай стоявший в углу топор. В щель между дверью, открывавшейся наружу, и темнотой кто-то всунул приклад ППШ, а ещё несколько других «кто-то» в темноте дёрнули дверь на себя. Нюрка с визгом вылетела на улицу, потеряла равновесие, упала на колени. Через неё, перепрыгнув, в сторожку ввалилось несколько штатских, среди которых стоящая на коленях Нюра заметила явно уголовной наружности шкета. Именно его, оказавшегося ближе остальных, и попытался с кряканьем ударить по голове топором Ваня-весовщик. Второй «кто-то» в застиранной перепоясанной ремнём гимнастёрке и широких брюках-клёш, ввалившийся за шкетом, сухой и широкоплечий, успел дёрнуть своего друга в сторону. Топор Ивана с хрустом вошёл в деревянный пол. И тогда сухой, тонкий и широкоплечий, быстро подскочил к Ивану и хлётко ударил его кулачком, что твоя горошина, в челюсть. Внешне удар не производил впечатления сильного. Так, быстрый и хлёткий. Иван по инерции выпрямился, оставив топор торчать в полу, нанёс воздуху вокруг себя несколько неточных ударов кулаками и упал.

Когда Ваня пришёл в себя, то обнаружил, что в его сторожке стоят, сидят и перемещаются как у себя дома несколько гражданских, а возле двери стоят два солдата с автоматами, а над ним склонился тот самый, сухой, плоский и широкоплечий, в гимнастёрке и клёшах. Он набирал себе в рот воду из его, Ваниной, эмалированной кружки и прыскал прямо Ивану в лицо. На заднем колышущемся и расплывающемся плане, кто-то копался в выдвинутых из шкафа ящиках, где-то в углу икала и плакала Нюрка. Сквозь её шмыганье и всхлипы кто-то спросил кого-то тоном главного здесь человека:

«Акулинушков, ну что он там?»

Широкоплечий в гимнастёрке и клёшах откликнулся: «Всё в порядке, соображает...» А Ивану широкоплечий и сухой сказал: «Здравствуйте, товарищ. Мы из милиции, ОББ... Вот по этому поводу...» и показал зелёное женское пальто. Без хлястика.

Ваня-весовщик рассказал всё. Что купил пальто для Нюры, но проиграл его в карты какому-то Семёну, приятелю Серёги Ушлого, ресторанного грузчика.

Услышав это «купил для Нюры, но проиграл в карты», Нюра зашипела и пообещала выцарапать Ване глаза, когда все уйдут. Услышав это «я те, гад, устрою, когда все уйдут!», Акулинушков вежливо прокашлялся, словно призывая Нюру реально смотреть на вещи. Нюра

поняла, что с этим пальто без хлястика что-то явно не так, иначе с чего бы простым пальто, да ещё без хлястика, занялся целый ОББ. А ещё Нюра поняла, что когда все уйдут, то они, скорее всего, заберут Ивана с собой. Поэтому перестала на него шипеть и начала тихо плакать.

Ивана опергруппа действительно забрала с собой. Когда его посадили в кузов грузовика рядом с прикованной к борту левой рукой Семёна Поддубного, Иван метко плюнул на его парусиновые туфли и рассказал, что пальто купил у землячки Наташи, подавальщицы в чайной № 1 Кёнигсбергкоопа.

Ваня-весовщик не знал, где живёт Натаха-подавальщица, а время было позднее, чайная уже была закрыта. Зато это знал директор Кёнигсбергского отделения Роскооперации. Ему среди ночи позвонил сам Крюков. Директор жил в своём кабинете, и дойти до сейфа с личными делами сотрудников в соседней комнате, где располагался отдел кадров вверенного ему предприятия, директору было несложно.

Натаху-подавальщицу вынули из постели. Она испугалась, начала что-то говорить, что её заставило начальство пиво разбавлять, этого она не хотела. Но самый главный из ввалившихся в её комнату в коммунальной квартире на Пролетарской, бывшей немецкой... хрен её знает, какой-то штрассе, устало махнул руками и показал ей женское зелёное пальто. Без хлястика.

Обескураженная Натаха рассказала, что пальто сменяла на водку у матроса с рыболовецкого мотобота № 47 Балтгосрыбтреста. Пальто не подошло, и она продала его земляку, Ивану-весовщику со станции «Кёнигсберг – Товарный».

Бот № 47 стоял у стенки причала возле железнодорожного моста в ожидании ремонта двигателя. Натаха знала это точно, потому что матрос приглашал её в гости и записал синим химическим карандашом на обороте конфетной обёртки адрес: Пятый причал, четвёртая стоянка. № 47.

Опергруппа поехала в порт. Команда сорок седьмого бота, капитан, моторист и матрос-рулевой, спала. Матросу сунули под нос зелёное женское пальто без хлястика. Матрос Киршин, приехавший в Кёнигсберг по вербовке из Астрахани, испугался и рассказал, что пальто сменял ему на пол-ящика судака старый знакомец, конюх облисполкома Куликов, прямо у него на конюшне, где Куликов и проживает. А матрос поменял пальто на водку подавальщице из чайной № 1...

Поехали в конюшни, но арестованный гражданин Поддубный запросился по большой нужде. Его привезли в управление. Аринберг остался оформлять его и Ваню-весовщика. Опергруппа отпустила комендатуровский грузовик с солдатами, за рулём которого сидел сержант с резной ложкой-талисманом в кармане. Среди ночи подняли Семёнова, и он, заспанный, выкатил синюю «эмку» из гаража. На ней и поехали в облисполкомовские конюшни. Это были старые немецкие конюшни на пересечении Кавалерийской и Вегеманштрассе. Конюх вначале попробовал показать характер, всё-таки хоть и конюх, но облисполкомовский работник. Ржавчин так ткнул его в нос удостоверением сотрудника ОББ, что конюх отбросил амбиции и стал отвечать на вопросы. Пальто он сменял на несколько банок консервов у майора Котектина, агронома 74-го военного совхоза.

Военный совхоз № 74 располагался в посёлке в пригороде Кёнигсберга. Майору-агроному неприятности с ОББ были не нужны. Всего три дня назад начальство объявило ему выговор в приказе. За неправильное отношение к сбережению конского состава, грубые нарушения правил эксплуатации и ухода за конским поголовьем, повлёкшие за собой истощение и понижение его работоспособности, а именно за отсутствие должного внимания к состоянию сбруи и упряжи, повлёкшему за собой натёртости шеи у шести лошадей...

И вот теперь ещё это дурацкое пальто без хлястика... Майор Котектин рассказал, что пальто ему уступил за мешок картошки писарь местного лагеря военнопленных сержант Зинченко.

Опергруппа поехала в лагерь. Сержант Зинченко, писарь строевой части, дал чистосердечные показания, что женское зелёное пальто без хлястика ему сменял врач военного санатория в Раушене на десять немецких военнопленных для использования их на ремонте пятого санаторного корпуса. Врач приехал в Кёнигсберг по делам и остановился в гостинице №1.

Опергруппа поехала в гостиницу №1. Кроме врача, в 14-м номере спали ещё шесть командированных. Разбудили всех. Заспанный врач, моргая и потирая кулаками глаза, сидя в койке, рассказал, что зелёное женское пальто без хлястика ему продал парикмахер Манфред, немец из «фризир-салона», что возле кинотеатра «Победа», куда врач зашёл подстричься под «полубокс».

Парикмахер Манфред был зарегистрирован и в комендатуре района, и у советского немецкого бургомистра района. Манфреда нашли быстро. Он спал у себя во «фризир-салоне», в подсобке. За пальто он отдал вахтёру Войцеховскому с целлюлозно-бумажной фабрики несколько упаковок иголок для патефона и почти новые подошвы от мужских туфель.

Настало утро. На кёнигсбергских заводах и предприятиях, действующих и ещё не действующих, прогудели гудки, созывая своих рабочих и служащих на новую трудовую вахту. Вместе с рабочими и служащими шёл на свою трудовую вахту и вахтёр Войцеховский. На трудовой вахте, на проходной целлюлозно-бумажной фабрики, его уже ждали. Вахтёра уговаривать не пришлось. Увидев удостоверение, он перешёл на шёпот. Пальто он выменял вчера у прораба Глухова на набор фаянсовых тарелок восточно-прусской мануфактуры «Кадинен». Но пальто вахтёру не понравилось. Потому что не только без хлястика, но и подкладка под мышками сильно потёрта. Поэтому, когда он пошёл во «фризир-салон» подстригаться, то показал пальто немцу- парикмахеру Манфреду. И согласился, когда немец-парикмахер Манфред предложил пальто сменить. Войцеховский обменял пальто на четыре упаковки иголок для патефона и на пару почти новых подошв от мужских туфель.

Вахтёр Войцеховский подобострастно показал товарищам из ОББ, как найти прораба Глухова: «Он у нас сегодня в клубе выступает. Как никак, а лучший «беседчик» на предприятии... Очень товарищ Глухов политически грамотный...»

Глухов

На одной стене клуба было написано большими буквами: «Кёнигсберг немецкий – оплот разбоя». На другой стене, поверх окон, такими же буквами было написано: «Кёнигсберг советский – оплот мира и труда». На третьей стене другими буквами было написано: «Achtung! Rauchen verboten!»

Была ещё четвёртая стена. На ней висел портрет улыбающегося и смотрящего куда-то в сторону Сталина. Через всю стену под портретом тянулась лента красной материи, на которой белыми буквами было написано: «Под знаменем великого Сталина – вперёд, к Победе Социализма!»

Возле этой стены было устроено что-то вроде сцены. На ней стояла деревянная трибуна. Рядом – стол, накрытый красной скатертью. За столом сидели несколько серьёзных мужчин в рабочих спецовках, армейских кителях и гимнастёрках без погон. На трибуне выступал лысый человек. Он был невысокого роста, и если смотреть снизу, из зрительного зала, то казалось, что выступающего как человека нет, а есть только его голова, поставленная на трибуну между пузатым графином и гранёным стаканом. Или что человеческая голова выросла прямо из трибуны.

Перед говорящей головой на трибуне, на длинных, грубо сколоченных скамьях, сидело много рабочих и работниц. Они курили, выпуская струйки дыма в потолок, под которым уже плавало сизое облако.

Ржавчин среди спин в спецовках и промасленных ватниках углядел несколько свободных мест. Расселись. Семейкину досталось место на краю скамьи, между пожилым, лет сорока, рабочим и стариком явно немецкой наружности, в чистенькой спецовке. Безошибочно определив в Семейкине русского, старик явно немецкой наружности уступил ему место, став возле стены.

– Товарищ, – осторожно поинтересовался Семейкин у сидящего рядом с ним второго рабочего, – это товарищ Глухов выступает?

Пожилый рабочий не ответил. Не отреагировал вообще никак. Даже глазом не моргнул.

– Мы мало разоблачаем агрессивность империалистов, поджигателей новой войны... – говорила голова на трибуне.

Неожиданно рабочий, сидящий рядом с Семейкиным, медленно склонил свою голову прямо на его плечо.

– Дяденька, вы чего?! – Семейкин дёрнул плечом, пожилой рабочий убрал голову, протёр глаза, пробасил в ответ: «Извини, заснул чего-то... А что Глухов, про столовку сказал что-нибудь?» При этом рабочий кивнул в сторону трибуны, таким образом ответив на вопрос Семейкина.

– А что про столовку? – переспросил Семейкин.

– Что-что? – пожилой рабочий наконец-то посмотрел на Семейкина. – Новенький, что ли? Трудоустраиваться решил? Так ты нашу столовку вначале посмотри! Помещение закопчённое, столы грязные, ничем не покрытые. Посуду моют в тазу, прямо при посетителях. Мух – миллион! Ложек нет. А готовят так, что...

– Мы живём в значительном окружении населения нашего врага, – говорила голова на трибуне, – а также многочисленной агентуры иностранных разведок, которые интересуются нашим советским Кёнигсбергом как никаким другим городом Советского Союза... Поэтому, – лысая голова на трибуне сделала паузу и обвела зал глазами, – нам надо всегда быть истинно русскими людьми, у которых бдительность – одно из острейших чувств!

В зале раздались аплодисменты. Когда они закончились, из-за стола, покрытого красной скатертью, встал один из мужчин и, указав вытянутой рукой на дверь, сказал: «Наше собрание окончено. За работу, товарищи!»

Гул сдвигаемых скамеек, разговоры на немецком, русском и на странной смеси этих двух языков, шарканье рабочей обуви по бетонному полу. Семейкин, переполненный азартом охотничьего пса, идущего по следу, не сговариваясь с остальными членами стаи, действовал автоматически, понимая, что и как. Продираясь сквозь толпу, Крюков, Ржавчин и Семейкин с трёх сторон двинулись к сцене. На ней вышедший из-за трибуны Глухов что-то рассказывал мужчине за столом президиума. Невысокий Акулинушков залез с ногами на скамейку недалеко от единственной двери, перекрыв таким образом выход.

Рабочие вышли. Двое мужчин на сцене, один маленький и лысый, другой высокий, в гимнастёрке без погон, но со знаком «Гвардия» на груди, удивлённо посмотрели на приблизившихся к ним с трёх сторон чужаков, явно не с завода.

– В чём дело, товарищи? – грозно спросил высокий в гимнастёрке с «Гвардией» на груди. – Я парторг завода Волохов, вы кто такие?

Заметив всё ещё стоявшего «с ногами» на лавке Акулинушкова, парторг грозно сказал ему: «Вы, товарищ, с лавки-то сойдите, на ней люди сидят...»

Слезая с хлипкой скамейки, Акулинушков потерял равновесие. Он приземлился на колено, с грохотом опрокинув стоящую перед ним скамью. Это вызвало цепную реакцию, одна скамейка падала, опрокидывая стоящую перед ней, та – следующую, а следующая – ту, которая перед ней. Это скамеечное домино с грохотом докатилось до разговаривающих на сцене мужчин. Парторг Волохов задохнулся от возмущения, открыл рот, но его перебил Крюков.

– Мы, – сказал Крюков, доставая удостоверение, – оперативная группа отдела по борьбе с бандитизмом. У нас вопрос к товарищу Глухову...

Глухов покраснел, завертел головой. Он вопросительно смотрел то на парторга, то на членов опергруппы. Наконец Глухов прокашлялся и выдал из себя: «А в чём, собственно, дело, товарищи? Я ничего такого...»

– Ну это вы так думаете, – философски пожав плечами заметил Ржавчин, – а что там на самом деле...

Теперь покраснел Волохов. Он вжал плечи в голову и сказал: «Конечно, конечно, товарищи. Побеседуйте. Если я вам буду нужен, то я у себя в кабинете...» Не оглядываясь на Глухова, парторг со вжатой в плечи головой вышел из зала клуба...

– Пальто, – сказал Крюков, – зелёное женское пальто. С оторванным хлястиком. Кто, когда, за сколько, где, кому...

Глухов рассказывал очень подробно. От натуги и желания не упустить ничего его лысая голова несколько раз покрывалась капельками пота. Он вытирал их огромным мятым клетчатым носовым платком с какими-то немецкими монограммами на углах. За время рассказа Глухова Акулинушков успел поставить обрушенные им скамейки, Крюков и Ржавчин сели за стол президиума, а Семейкин облокотился на трибуну.

Вчера у Глухова был выходной. С утра ему надо было зайти в Дом политпросвещения, забрать журнал «Блокнот Агитатора» и брошюру «Жить – Родине служить». Брошюры эти – очень важные в деле политпросвещения рабочих. Как на войне патроны и снаряды. Кстати, сам Глухов в армии – с 1941 года. Служил на Дальнем Востоке. На самой границе с оккупированным Японией государством Маньчжоу-го, в строительном батальоне. В сорок пятом принимал участие в боевых действиях против Квантунской армии японцев. А потом его по партийной путёвке направили на другой край страны, в Кёнигсбергский особый округ.

Так вот. Пальто. Вчера Глухов возвращался из Дома политпроса, когда на пересечении Вагнерштрассе и Барнаульской, возле первой комендатуры, он увидел двух пацанов. Они стояли возле деревянного забора вокруг разрушенной клиники медицинского факультета

кёнигсбергского университета «Альбертина». Там сейчас больницу водников начнут строить, в Доме политпроса об этом сказали, на учебе «беседчиков».

Так вот. Пальто. На деревянном заборе том, как-то так сложилось, изначально немцы объявления вывешивали. Ну там... «...Марта Цёпприц ищет сестру Марион. Если вы что-то знаете, сообщите сапожнику Момберу. Ганза-ринг, пятый дом от начала, подвал, со двора». Здесь же вывешивали приказы советского коменданта города, который доводил свои распоряжения до немецкого населения путём расклейки приказов и распоряжений на заборах. Ну там, о том, чтобы для немцев, привлекаемых на работы, установить рабочий день длительностью десять часов и выходных для них не делать, что, конечно же, очень правильно...

Да. Так вот. Пальто. Понятно, что у забора немцы, да и наши, русские, собирались не только для того, чтобы почитать объявления и приказы коменданта на немецком языке. Конечно, тут быстро оформилась одна из городских толкучек. Покупали, меняли, продавали. За советские рубли, немецкие рейхсмарки, польские злотые. А ещё здесь можно было нанять немцев на всякого рода работы по хозяйству. За еду. Или за деньги. Комендатура устраивала облавы, но через некоторое время после них толкучка оживала вновь...

Да. Так вот. Пальто. Их было двое, пацанов. Они и торговали пальто. Глухову женское пальто примерно такого размера было очень нужно. Зачем и почему очень? Глухов замолчал. Потом со вздохом продолжил.

Немка. Марта. Фамилия – Цёпприц. Бес попутал. Он её первый раз на танцах в зоосаде встретил два месяца назад. Но тогда что-то у них не сложилось. А через месяц увидел её возле забора вокруг клиники «Альбертины» этой. Ну и привёл её к себе. В комнате убраться, обед приготовить, воды натаскать, дров наколоть... так многие русские подданные делают. Там, на «большой советской земле», они и думать об этом не могли, а здесь, в Восточной Пруссии, многие обзавелись немецкой прислугой, немецкими женщинами. За детьми присмотреть, в доме прибраться. Постирать, зашить...

Так вот. Марта. Тут у них и началось. Конечно, аморальность это, недостойная большевистской морали. Но Глухов ничего с собой поделывать не смог... Природа своё взяла...

Да. Так вот. Пальто. Пацаны продавали его дёшево. Согласились отдать за рейхсмарки. Он и взял. Но в общежитии его увидел вахтёр Войцеховский. Он из Белоруссии. Был под немцами, а когда наши пришли – его в армию записали. Так он здесь и оказался. Тут, на фабрике, много таких.

Да. Пальто. Очень оно Войцеховскому понравилось. Он предложил за него набор тарелок. Фаянсовых. Это было лучше подарить, чем пальто.

Про пацанов? Что за пацаны? Как выглядели? Пацаны как пацаны. Один рыжий, другой босиком... Лет четырнадцать-шестнадцать, кто их сейчас поймёт. Лысые. Подстрижены под машинку. Одеты одинаково. Серые рубашки и штаны чёрные. Нет, точно русские, наши. Матом крыли, будь здоров. Немцы так не могут... Ну купил у них пальто, немного рейхсмарок было с собой. И пошёл себе. Больше их не видел... Всё... Рыжий явно верховодил. Кличка у него смешная такая была. На «ш» что-то... Точно он не помнит.

Глухов сторговал пальто у пацанов примерно через час после «взрыва» на «Пяти палатках». Его спросили, слышал ли он что-то о происшествии на «Пяти палатках», и слова снова посыпались из испуганного прораба.

Говорят, много народу погибло. Да много чего про это говорят... Народец у нас, сами знаете, языками молотъ любит. Об этом, кстати, в брошюрке «Жить – Родине служить!» есть смешная картинка. Мужик, толстый и лысый, пасть открыл, а из неё – язык. Такой длинный, на конце в трубочку заворачивается, а на языке написано «Совершенно секретно», а под картинкой – подпись...

– Как же так, товарищ Глухов, – ласково перебил Глухова Акулинушков. – Вот вы тут рабочим про бдительность как острейшее чувство русского человека рассказываете, брошюрки правильные читаете, а сами?

– Ну, начинается, – не выдержал Крюков. Акулинушков всё понял, хлопнул себя ладошкой по рту, замолчал.

Глухов вспоминал кличку рыжего. Что-то смешное. При Глухове второй пацан только один раз к рыжему обратился... При этом второй пацан сильно шепелявил... Какой-то «пед»...

– Чего? – Не понял Крюков. – Какой такой «пед»?

– Ну, кличка у бандита этого мелкого, – Глухов сморщил лоб, – типа Сипопед или Шипопед... Как-то так...

Крюков принял решение. Глухов поедет с ними к руинам университетской клиники, обнесённой деревянным забором, на толкучку. Там, под «чутким присмотром» Ржавчина и Акулинушкова, они и будут «гулять». И высматривать вчерашних пацанов. Подстриженных под машинку, один рыжий, другой – босой, в одинаковых серых рубашках и чёрных штанах.

Глухов пытался протестовать. У него работа, рабочие, кирпич подвезли, трубы. Ему ударный объект надо заканчивать... На его возражения опера просто не обратили внимания. Словно он и не говорил ничего. Или словно Глухова здесь и не было. Или словно Глухова не было нигде в мире и он просто не существовал. На глазах у рабочих и служащих фабрики Глухова практически под конвоем провели к проходной, к синей «эмке». Вахтёр Войцеховский сам открыл им двери, стараясь не смотреть Глухову в глаза. Он был бледен. Глухов – тоже.

Перед «эмкой» остановились покурить, и Ржавчин неожиданно сказал: «Бабы виноваты!» Все удивлённо посмотрели на него. Ржавчин выпустил струю вонючего дыма от дешёвой папироски в чистое синее небо у себя над головой и сказал: «Главная беда с этими бабами – непредсказуемость. Если попал в историю, где они фигурируют, никогда не знаешь, как это всё тебе вывернется и каким концом по какому месту ударит...»

Струйка дыма снова отправилась в небо, Ржавчин продолжил: «Вот взять хотя бы меня. В июле 1944-го в Алитусе мы с командиром танкового взвода, другом моим боевым, от литовок возвращались... Вдруг видим, лейтенант инженерной службы идёт. С вещмешком. Понятное дело, к ним и идёт, к нашим литовкам. Ну мы ему: «Ты куда, мил человек, такой нарядный собрался?» А он – бежать. Мы за ним. Я кол из забора вытащил и ему по ногам. Начали мы ему объяснять, вежливо так, что нечего инженерной службе у наших литовок делать. Тут нас патруль и зажёб. Привели в штаб дивизии. Под трибунал, говорят, пойдёте, за нападение... Мы молчим. А херли здесь скажешь? А инженера этого начали проверять. Выяснили, что нет такого. Ну, то есть был, но пару недель назад пропал без вести. «Смершевцы» на нашего «инженера» надавили. Власовцем, сука, оказался. Шпионом. В «сидоре» у него рация была. Трофейная, наш «северок». Мне за эту гниду власовца вместо трибунала медальку дали... Вот она какая непредсказуемость. Потому что изначально бабы замешаны... Потому и неизвестно, чем всё кончится...»

Ржавчин щелчком отправил в развалки окурок папиросы, оглядел слушателей, спросил: «Ну что, поехали?» Ржавчин взял прораба под руку: «Прошу!»

Опергруппа вместе со своим добровольным помощником прорабом Глуховым набилась в «эмку». Глухова посадили между Акулинушковым и Ржавчиным на заднее сиденье, на переднем пассажирском вдвоём сели Крюков и Семейкин. Из уважения к начальнику Семейкин уступил ему большую часть сиденья, упёршись бедром в рычаг переключения скоростей.

Водитель Семёнов завёл мотор, вопросительно посмотрел на Крюкова. Тот обернулся назад и спросил Ржавчина: «Матвей Николаевич, а ты сейчас речугу про женскую тему в честь чего задвинул?» Ржавчин удивился. По его мнению, ответ на вопрос Крюкова лежал на поверхности и был всем понятен: «Ну как же! Пальто у нас какое? Женское? Женское! Этот (Ржавчин кивнул на прораба Глухова, зажатого между ним и Акулинушковым) тоже через бабу, да ещё

и немку, по партийной части спалился... А Ваня-весовщик? Тоже через бабу к нам в камеру заехал... Потом, стахановка эта раздавленная, из-за которой весь сыр-бор... Не-ет, слишком много женского присутствия в этом деле об убийстве двух и более граждан... Вот поэтому у нас вначале всё как по маслу шло, а сейчас ниточка не то чтобы оборвалась, но висит на ниточке наша ниточка... Вся надежда на этого...»

Ржавчин кивнул на побледневшего, с испуганно открытым ртом Глухова. Заметив состояние прораба, он весело хлопнул Глухова по плечу: «Ты, прораб, не ссы. Нам твой моральный облик вторичен. Мы аморальщиков и поглубже тебя каждый день видим. Ты нам помоги этих пацанов взять. Глядишь, и не будет партийного следствия по твоему аморальному делу...»

Глухов закивал головой, сказал, что сделает всё, чтобы помочь органам. Семёнов вежливо кашлянул, напоминая о себе и о вечно раздражающей водителей ситуации: мотор работает, бензин сжигается, а куда ехать – начальство не говорит. Крюков на его покашливание никак не отреагировал.

Договорились так: Ржавчин, Акулинушков и Глухов выставляют «тайный пост» на толкучке возле развалок университетской клиники, а Крюков и Семейкин едут в детскую комнату милиции. Связь договорились держать через расположенную недалеко от толкучки возле разрушенной университетской клиники Первую комендатуру. Кто-то из немногочисленного состава «тайного поста» на толкучке должен был каждый час докладывать о результатах наблюдения по телефону дежурному по комендатуре. Таким же образом, через дежурного, «тайный пост» получал бы инструкции и распоряжения Крюкова. Сам Крюков вместе с Семейкиным отправляется в детскую комнату милиции, искать следы там...

На «с». Или на «ш»...

С неба звездочка упала, прямо Гитлеру в штаны. Что там было – всё отбила, хуже атомной войны!

Слова частушки, громко спетой в коридоре тонким голосом ребёнка, пролезли в щель под дверью кабинета начальника приёмника-распределителя для детей и подростков.

– Анька Волковская, – спокойно сказала удивлённым Крюкову и Семейкину толстая, рыжая в веснушках начальница приёмника-распределителя, – она же – «Анька-артистка». Лет тринадцать ей. То ли русская, то ли полька, то ли литовка, то ли белоруска... Она сама не знает. Собак любит! Поёт на рынках, подворовывает... Проститутка малолетняя. Мы её во время каждой облавы берём. Отправляем в детский дом, она оттуда сбегает. Мы её снова берём, она снова сбегает.

– Хайль Гитлер! – другой детский голос донёсся из коридора так неожиданно, что Семейкин вздрогнул.

– Немчурёнок, – спокойно прокомментировала начальница, – всё воюет, ушлёпок, за своего малахольного...

В «предбаннике»-коридоре дети, русские и немцы, пойманные во время очередной милицейской облавы, начали ругаться между собой на русском и немецком.

Начальница вылезла из-за своего стола, распахнула дверь в коридор и рывкнула в крики детских голосов так, что вздрогнул и Семейкин, и Крюков:

«Генук, вашу мать! Ну-ка, зитцен все!»

Немецко-русская ругань прекратилась. Начальница снова «взяла верхнюю ноту» и обрушилась на растерянного молодого милиционера в коридоре: «А ты что смотришь?! Ты не смотри, что дети! Ты смотри в суть! Вон прошлый раз Малахов девочку пожалел, по головке погладил, а она у него служебный наган украла. Ты не смотри, что дети, тут некоторые хуже фашистов. А немчурята – так фашисты и есть. Так что, если что, хватай за рукав и на место!»

– Да страшно мне их хватать, – начал оправдываться молоденький милиционер, – с них вши сыпятся, как снег с ёлок в Сибири...

– Тогда не хрен на службу в милицию было идти, – поставила милиционера на место начальница, – Если чистоту любишь, в хирурги надо было идти, там чистота стерильная. Что, в хирурги не берут? Тогда делай свою работу, как положено!

И она громко захлопнула дверь.

– Сволочи, а не дети! – начальница водрузила своё грузное тело обратно за стол. – Приводят пацана, немца, лет 12. Грязный весь, завшивленный. Камнями в пьяного солдата кидался. А на курточке у немца – нашивка за уничтоженный танк. Спрашиваю: твоё? Моё, с гордостью говорит, руку тянет и орёт «Хайль Гитлер!». У меня отец под Белгородом в танке сгорел, а я этого говнюка должна отмыть, в школу отвести и в детдом пристроить, чтоб ему хорошо было. А тут ещё наши поехали. Европейский город посмотреть, да немцев пограбить – поворовать. Вон, полный предбанник забит. Под вагонами едут. Или закапываются в железные гайки с болтами, их для ремонта «железки» в Кёнигсберг платформами везут. А неделю назад приехали на картонно-бумажную фабрику 40 воспитанников детдомов, учащиеся фабрично-заводского обучения со всего Советского Союза, а их руководство встретить забыло. Так они прямо с вокзала разбежались. Собираем по всей области....

Семейкин спросил, не слышала ли начальница чего-нибудь про некоего пацана с кличкой Сипопед. Ну или как-то так.

– Про Сипопеда ничего не слышала, – начальница порылась в своих бумагах. Семейкин разочарованно почесал затылок. Начальница сочувственно пожала плечами. А потом оживилась.

– А вот со шнырём по кличке Лисапед очень даже хорошо лично знакома, – сказала начальница. – Он, кстати, из этой партии разбежавшихся был. Невысокий такой, кряжистый. Рыжий. Голиков его фамилия. Он из Горького. Хитрый чёрт, наглый. Читать любит, романтик хренов... Он в фабричном общежитии, куда мы отловленных несовершеннолетних определили, сразу отметился – вынес и продал инструменты струнного оркестра. На чём мы с ним и познакомились. Комендантом в этом общежитии майор Сковородин. Товарищ надёжный, фронтовик.

– Работает? – Крюков кивнул на телефон на столе начальницы...

Поколение, преданное...

Майора Сковородина демобилизовали из армии по ранению. Он потерял кисть правой руки во время боёв за Пиллау в конце апреля 1945-го. Возвращаться ему было некуда. Семья погибла в Сталинграде, во время летней бомбёжки 1941 года, от дома ничего не осталось. Он остался в Кёнигсберге. Как партийного, политотдел 11-й гвардейской армии бросил его на руководство молодёжным общежитием.

Жил Сковородин в своём кабинете. Здесь кроме причудливого круглого столика, трёх «разнокалиберных» стульев и одной табуретки с металлическими ножками стояла железная солдатская койка, аккуратно застеленная. На стене висел портрет Сталина. Под ним – плакат.

На плакате старый мастер в спецовке и кепке, в очках, с удовлетворённой улыбкой замечал штангенциркулем только что выточенную на станке молодым фэззошником деталь. Фэззошник стоял рядом и с волнением смотрел на мастера. Подпись под плакатом гласила: «Будешь мастером!»

Другой плакат висел прямо над койкой майора Сковородина. На нём широкоплечий седой мужчина с русыми усами, с орденской колонкой на коричневом пиджаке, сдвинув брови, серьёзно смотрел вдаль, обняв за плечи такого же серьёзного пионера в красном галстуке и комсомолку с комсомольским значком на платье с выпирающими острыми грудями. На красном фоне над мужиком с пионером и комсомолкой большими жёлтыми буквами было написано «ВКП(б)», а на белом фоне под плакатом чёрным шрифтом шёл лозунг: «Воспитаем поколение, беззаветно преданное делу коммунизма!»

– Вот я так и знал, что с этим Лисапедом добром не кончится, – майор Сковородин рубанул воздух перед собой чёрной ладонью протеза, торчащего из рукава кителя. – Сволочь он редкостная...

– Где он сейчас? – строго спросил майора Сковородина Крюков.

– Хотел бы я знать, – пожал плечами майор Сковородин. – Он уже несколько дней в бегах. Ни в школу не ходит, ни на завод, на слесаря обучаться. В общежитии его давно никто не видел. Сам сбегал с трудового фронта, так ещё и пятерых пацанов с собой подбил, несовершеннолетних...

– Расскажите нам о нём, – попросил майора Сковородина Крюков.

– Сволочь редкостная, – начал свой рассказ майор Сковородин, – даже для моих подопечных. А они те ещё черти. На работу и с работы строем ходят. Так могут выскочить из строя, сорвать шапку или сумку с прохожего, и опять в строй. Попробуй сунься! Или камнями в проезжающий автотранспорт кидаются по команде. Развлечение такое... С работы уйти могут, когда вздумается. Где шляются, чем занимаются – неизвестно...

– На фронте проще было, – продолжил Сковородин, удивительно быстро свернул одной левой самокрутку, закурил, многозначительно выпустил в потолок струю дыма, – понятней. Тут свои, а там, – майор кивнул в окно, – чужие, враги. А здесь? Вроде свои, а я к ним спиной поворачиваться боюсь... Дикие они, как звери. У меня из сорока девяти воспитанников в следующие классы переведены лишь двадцать семь человек... Остальные – второгодники. 21 человек – ослабленные, с остаточным рахитом, а нас снабжают по пятой категории. То этого нет, то другого. Знаете, куда прежний комендант делся? Я у него даже дела не принимал. Ему во время урока гранату в класс кинули. Он упал, своим телом гранату накрыл. Чтобы пацанов осколками не посеколо.

А они ржут! Граната учебной оказалась. Директора в госпиталь увезли. С сердцем. Он потом сюда возвращаться отказался. Когда меня прислали, я сразу порядок стал наводить. Карцер организовал, особо активных нарушителей без ужина стал оставлять. Ну отвесил кое-кому

пару затрещин... Так мне сверху указали на антипедагогические методы и выговор по партийной линии вклеили. А как с ними по-другому? Ну вот как? Нельзя с ними по-другому! Я им здесь струнный оркестр решил организовать. Ну чтобы не скучали. Как я эти балалайки доставал – отдельная история. Так они после первой репетиции весь инструмент растащили и продали. Под руководством Лисапеда. На продаже государственных инструментов его и поймали. На рынке во время облавы... Не доказали ничего. И опять к нам...

Майор пристально посмотрел в глаза Крюкова, в сердцах махнул своей ненастоящей чёрной ладонью: «...Вы ведь по поводу портрета интересуетесь? Мне завхозиха наша говорила, что молчать не будет, всё равно сообщит, куда следует... Сообщила, видать... Так я его сохранил... Как вещественное доказательство, разумеется... Уверен, что Лисапед это сделал, больше некому. Я Лисапеда несколько раз в карцер сажал. Ну он мне и отыграл... Хорошо, что перед самой комиссией в мальчиковую спальню зашёл, под койку воспитанника Татарина заглянул, а там... Сейчас я вам покажу...»

Майор Сковородин вылез из-за своего круглого стола, попросил Семейкина подвинуться, подошёл к своей солдатской койке, застеленной солдатским же одеялом, полез под матрас, достал оттуда прямоугольный свёрток. Что-то плоское было завернуто в полотенце, полотенце несколько раз перевязано бечёвкой. Узел бечевки был заклеен квадратиком бумажки, на бумажке стояла печать «Общежитие для молодёжи Целлюлозно-бумажной фабрики № 1».

Перерезав бечевку перочинным ножиком с перламутровой ручкой, Крюков сорвал печать, развернул полотенце...

– Ох! – сказал Крюков.

– Вот-вот, – сказал майор Сковородин.

Портрет вождя

Это был портрет Сталина. На портрете кто-то пририсовал вождю синим химическим карандашом рога, под левым глазом – фингал, а также нарисовал пар, идущий у вождя из ушей.

– Портрет безнадёжно испорчен по политическим мотивам, – сказал майор Сковородин, почесав плохо выбритую правую щёку своей чёрной рукой, – а он у меня на балансе числится... Пришлось акт составлять. А при составлении акта надо трёх ответственных... Завхозиха даже в обморок упала, когда увидела... Подписывать не хотела... Оно и понятно – такое дело...

– Думаете, он? – переспросил Крюков, забирая у Семейкина безнадёжно испорченный по политическим мотивам портрет.

– А кто же ещё? – ответил Сковородин. – У меня информация точная. Всё рассчитал, гондон. Придёт комиссия из Управления по гражданским делам, а тут такое дело... Я политически зверски испорченный портрет случайно обнаружил. Папку уронил, под койку воспитанника нагнулся, а там... Лисапед бы его потом комиссии подбросил. Или бы на стенку вернул. Заходит комиссия, а там...

Майор Сковородин откинулся на стуле, посмотрел в окно, на шпиль кирпичи, торчащий из руин, и сказал: «Когда Лисапеду его бандиты сообщили, что портрет мною найден и изъят, он в беге и кинулся. Вместе с ними, разумеется, с бандитами. Даже обеда не дождались... А у нас макароны по-флотски были... Хотя, какие там, «по-флотски»... Там от «по-флотски» только макароны остались...»

Майор Сковородин свернул ещё одну самокрутку, так же ловко, одной левой, закурил, щёлкнув самодельной зажигалкой, стоящей на столе, сделанной из гильзы, тоскливо посмотрел в окно.

Крюков со вздохом встал, за ним встал со своего стула Семейкин. Крюков по привычке протянул майору Сковородину руку для прощального рукопожатия. Сковородин удивлённо и зло посмотрел на Крюкова, в ответ протянул свою, искусственную. Крюков, не изменившийся в лице, несколько раз потряс чёрную руку майора.

Когда Крюков и Семейкин уже были в дверях, Крюков спросил: «А откуда у вас точная информация, что это Лисапед портрет Сталина испортил?»

Несколько секунд Сковородин и Крюков смотрели друг другу в глаза. Наконец Сковородин сказал то, о чём Крюков и Семейкин уже догадались: «А я к ним в банду осведомителя заслал... Циркуля. Этот мне врать не будет...»

– Какого Циркуля? – спросил майора Крюков.

– Штангена, – с усмешкой ответил майор Сковородин, – воспитанника Завьялова Валентина. Очень, кстати, умный мальчишка. Правильный. Неиспорченный. В комсомол его принимать хотели. Литературу очень любит. Мы его сочинение на тему «Великий русский поэт Пушкин» на общегородской конкурс отправить хотели, вот... Тетрадошка его. Он её сам изготовил. Нет у нас тетрадей, детишки на уроках на полях немецких газет пишут... А этот постарался...

Майор Сковородин порывлся под столешницей своего круглого стола, достал тетрадку, протянул её Семейкину, который стоял ближе к столу. Самодельная тетрадка была изготовлена из немецких листовок. Воспитанник Завьялов по прозвищу Циркуль аккуратно разрезал их и скрепил самодельными скрепками, сделанными из ржавой проволоки. Завьялов-Циркуль писал на обратной стороне листовок.

Семейкин перевернул страницу. На ней пёс с оскаленной пастью, высунутым красным языком, с которого капала слюна, и на котором было написано готическими буквами «Der Bolschewismus», стоял над окровавленным человеческим черепом. На обратной стороне листа, исписанного круглым детским почерком, Семейкин прочитал первый попавшийся абзац: «... Широту творчества Пушкина тов. Сталин противопоставил гитлеровской культуре с её расист-

ской теорией, которая основной задачей ставила завоевание мирового господства и уничтожение всех культур и наций. Товарищ Сталин говорил в 1941 году: "И эти люди, лишённые чести и совести, люди с моралью животных, имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина..." Нас, будущих строителей коммунизма, борцов за Свет и Счастье народа, воодушевляет Пушкин, вместе с Пушкиным мы повторяем: "Да здравствует солнце, да скроется тьма!"»

– А можно с этим вашим Циркулем побеседовать? – спросил Семейкин.

– Нет, – ответил Сковородин. – Он вместе с бандой сбежал. От этих пацанов всего можно ожидать, не соображают ни хрена! Короче, сбежал... Вот дурак. Он не от нас сбежал. От счастья своего сбежал, от светлой жизни своей...

Майор Сковородин посмотрел в окно, вздохнул и печально сказал: «Короче, плохо всё... Не знаю я, что делать...»

– Работает? – Крюков кивнул на телефон на столе коменданта...

Крюков позвонил в Первую комендатуру, попросил передать товарищу Акулинушкову из ОББ, что...

Дежурный комендатуры Крюкова слушать не стал. Он сообщил, что товарищ Акулинушков только что подошёл и может принять сообщение сам.

– Ну, тут это, дело такое... – Акулинушков явно не знал, как лучше сообщить плохую новость начальству. – Ну... Увидел прораб наших пацанов и начал орать: вот они, мелочь пузатая, держи их! Ну, они – бежать. В развалки. Я – за одним. Он шустрый такой, нырнул в трубу какую-то в развалках, я туда не пролез... Ушёл пацан... А второй... Его товарищ Ржавчин за плечо схватил... Ну...

– Ну? – Крюков не выдержал возникшей паузы.

– Ну его этот рыжий за палец и укусил. Прямо до кости, всё ржавчинское мясо содрал. Матвей Николаевич в амбулаторию поехал, зашиваться... Крови много потекло у него из пальца, пацан этот, рыжий, у него Лишапед погремуха, вену на пальце Ржавчину прокусил...

– Откуда знаешь, что Лишапед?

– А когда прораб орать начал, второй, который не рыжий, крикнул: «Лишапед, менты, тикаем!»

Ниточка, висевшая на ниточке, оборвалась...

Что делать?

Остаток дня группа Крюкова просидела в управлении, разрабатывая дальнейший план оперативных мероприятий. Это «разрабатывая план дальнейших оперативных мероприятий» звучит очень серьёзно и солидно, но вся «разработка» сводилась к судорожному поиску ответа на один вопрос – что делать?

Всё, что можно, опергруппа уже сделала: разослала ориентировки во все комендатуры и отделения милиции, договорилась о совместных облавах с детской комнатой милиции, и так «под завязку» набитой пойманными рыжими пацанами, русскими и немцами; поговорили с коллегами из ОБХСС, чтобы они тряханули известных и неизвестных, только что пойманных на «толкучках» перекупщиков-спекулянтов...

Люди, составляющие кособокую и тяжёлую машину под названием «охрана социалистического правопорядка» в советском Кёнигсберге, перегруженные своими неотложными делами, трясли, задерживали, рыли, жали, накрывали. И всё безуспешно. Более того, немало участников поисков понимало, что многие из проводимых мероприятий изначально не имеют смысла и проводятся только для «массовости» и последующего отчёта начальству. Например, облавы в развалках. Прочесать их как положено было невозможно физически, знающему развалки человеку уйти от облавы в них, как сказал Ржавчин, «как два пальца об асфальт». Солдаты комендантских взводов в развалки лезли неохотно, там можно было легко нарваться на ржавые и не очень мины, снаряды, гранаты, провалиться в подвалы, заблудиться...

В полпервого ночи, не придумав ничего, решили лечь спать, чтобы утром всё обдумать на свежую голову. Акулинушков предложил Семейкину переночевать у него в шкафу в кабинете. Семейкин с радостью согласился.

В кабинете они снова положили шкаф с резными чертовыми головами на пол, застелили его бумагами. Пока Акулинушков бегал в дежурную часть за немецким солдатским одеялом, Семейкин прочитал ориентировку, приклеенную на стене кабинета. В ней сообщалось, что за совершение особо тяжких множественных преступлений разыскивается немецкий подданный Герхард Зоммер, бывший лейтенант вермахта. Рост, вес, цвет волос, лицо овальное и так далее. Чернилами на ориентировке было написано от руки: «Фрикадельки». И три раза подчёркнуто.

На немецком солдатском одеяле, на краю его колючего серого полотна, было написано непонятное немецкое слово «Veine». Подтянув это самое «Veine» под самый подбородок, Семейкин сразу же заснул. Ему приснился сон.

Гигантская Курица Ряба бежала за микроскопическим, не больше муравья, Семейкиным, пытаясь его склевать. А он убегал, лавируя между деревьями, почему-то соснами, возмущённо качавшими кронами. На огромной Курице Рябе сидела Таисия Павловна, учительница русской словесности из ярославской «Школы имени Пролетарского Труда». Голая. Абсолютно. Та самая, которая выгнала его из класса, когда Семейкин поднял руку и спросил, какого хрена дед и бабка из сказки «Курочка Ряба» плакали, когда эта курица подкатила им золотое яичко? И какого хрена пытались его разбить? А ещё он её хотел. Учительницу, никак не Курочку Рябу. Каждый день, перед сном, он представлял, как он её. И не только перед сном. По утрам – тоже. Ну и после обеда. Но перед сном он её – всегда. Он представлял, как он её в школе, прямо на парте, в школьном саду, дома, когда родители на работе, и один раз на пару с другом Петькой. За последнюю мысль Семейкину было стыдно целую неделю. Он даже наорал на ничего не понимающего Петьку и перестал с ним общаться... А потом вместо Таисии Павловны на урок родного языка и чтения пришла некрасивая и старая Анна Павловна. Выяснилось, что Таисия Павловна уехала на Дальний Восток, к жениху – командиру Красной армии.

Но в голове Семейкина она осталась навсегда. Даже Дарья Никифоровна, которой Семейкин никогда не рассказывал о Таисии Павловне, была на неё очень похожа внешне.

И вот теперь голая Таисия Павловна гналась за маленьким Семейкиным, сидя верхом на гигантской Курочке Рябе. Каждый раз, когда Семейкину удавалось увернуться от втыкающегося рядом с ним в землю клюва гигантской курицы, голая Таисия Павловна смеялась. В конце концов, курица загнала его на край обрыва, под которым было море. Это было море сразу из всех кинофильмов, которые видел Семейкин: «Новый Гулливер», «Весёлые ребята», «Доктор Айболит», «Семеро смелых» ... Море сразу из всех кинофильмов было чёрно-белым.

Загнав Семейкина на край, курица с голой Таисией Павловной на загривке запрокинула голову, развела крылья в сторону и громко кудахтнула. Из её раскрытого клюва на старшего сержанта народной милиции Семейкина полезли странные сказочные существа. Тут было странное существо с головой собаки и куриными ногами. Существо кусало за пятки бегущего впереди него кабана, на котором сидела маленькая птичка с неестественно большим клювом, которым она зацепилась за хвост другого странного существа с телом змеи, головой человека с бородатым лицом, который, в свою очередь, своими лягушачьими или утиными лапами держал за ногу человека с двумя головами, держащего в одной руке чашу... Весь этот странный, шипящий, визжащий, рычащий, лающий, каркающий ком сцепившихся друг с другом существ катился на Семейкина.

Под его натиском Семейкин упал в чёрно-белое море и умер.

Оперативное мероприятие

Его фотографию с перечёркнутым чёрной полосой левым углом повесили на стенку позади стола дежурного по управлению милиции на входе, а гроб с его телом поставили в кабинете Акулинушкова. Немногочисленные товарищи по оперативной работе пришли с ним проститься: Крюков, Акулинушков, Ржавчин. При этом Акулинушков стоял возле гроба павшего боевого товарища в трусах и в майке, а Ржавчин, присев на край гроба, перематывал портянку на левой ноге.

– Даже не шевелится, – сказал Акулинушков и подтянул резинку спадающих на мускулистом торсе трусов.

Ржавчин натянул сапог, притопнул, чтобы сапог сел по ноге, схватил Семейкина за колено и громко крикнул: «Экипаж, к бою!»

Семейкин сел в своём шкафу, протёр глаза, проснулся. Снова оказаться в живых было очень приятно. Семейкин посмотрел на Крюкова.

– Майор Сквородин звонил, – ответил тот на немой вопрос. – Циркуль в общежитие прибежал. С новостями про Лисапеда. Собирайся, поехали...

Циркуль встал, когда оперативники зашли в кабинет майора Сквородина, и Семейкин понял, почему Циркуля зовут Циркулем. Неестественно круглая большая голова держалась на неестественно длинной шее, приделанной к неестественно короткому туловищу, у которого внизу торчали неестественно длинные худые ноги, а из узких плеч – длинные руки. Разумеется – неестественно длинные. Действительно Циркуль.

Вставая, Циркуль отодвинул от себя металлическую миску с куском осклизлой жёлто-коричневой каши, чуть не опрокинул прозрачный стакан с бледно-коричневым компотом прямо на чёрную руку майора Сквородина, сидящего рядом. Крюков ласковым жестом усадил Циркуля: «Кушай, кушай, дорогой. Кушай и рассказывай».

Лисапед и его банда скрывались в подвале дома, в котором «при немцах» располагались ресторан «Zum Barbarossa»⁹ и кинотеатр «Steindamm»¹⁰, разрушенные ещё во время бомбёжки города англичанами в августе 1944-го. Это было очень удачное решение малолетнего бандита Лисапеда. Во-первых, в случае чего из этой руины было легко уйти в хорошо изученные пацанами развалки, где выследить их было невозможно. А во-вторых, одно из подвальных окон выходило практически во двор Первой комендатуры. Перед облавами во дворе проходило построение личного состава, и «часовой», поставленный Лисапедом, мог не только видеть надвигающуюся беду, но и слышать инструктаж начальства отдела и комендатуры.

После того как Лисапед и его дружка Ваньку Цурило едва не взяли Ржавчин и Акулинушков на «толкучке», Лисапед принял решение всей ватагой перебираться в Крым. Продавать подрезанные на «Пяти палатках» шмотки было опасно, а на путешествие в Крым, на отдых, нужны были деньги и продукты. Их не было. Поэтому перед отъездом «лисapedовцы» поставили ограбить контору «Заготживсырья» на улице Вагнера...

– Там же охрана, – сказал Акулинушков, – два вохровца с наганами...

Циркуль перешёл на заговорщицкий шёпот: «У Лисапеда «браунинг» есть, а у Ваньки Цурилы – наган. Митька Недоношенный должен будет на улице Звёздной миномётную мину взорвать, туда комендатура с милицией и поедет, а в этот момент «лисapedовцы» контору и возьмут...»

– А если вохровцы стрелять начнут? – спросил Крюков Циркуля и пристально посмотрел ему в глаза.

⁹ «Zum Barbarossa» Нем. – «У Барбароссы»

¹⁰ «Steindamm» Нем. – Название одной из улиц Кёнигсберга

– Вы Лисапеда не знаете, – вместо Циркуля ответил майор Сковородин. – Этот первый стрелять начнёт. Очень даже может. По глазам вижу. Маленький, а прогнул уже окончательно...

Циркуль молчал, уставившись в уже пустую миску перед ним. Крюков облокотился на стол, навис над Циркулем, не зная, куда девать несуразные части своего тела. Крюков приказал: «Про «Пять палаток» рассказывай... Кто, где... И почему ты с ними побежал...»

«Присматривать» за Лисапедом Циркуля попросил сам майор Сковородин, сразу почувствовавший недоброе, как только два милиционера выгрузили из грузовика во дворе спецдет-приёмника пойманных в облаве пацанов. И тут же приставил к Лисапеду «ангела-хранителя». Выполняя особо важное задание майора, Циркуль вступил в банду Лисапеда, прочитав торжественное обещание, старательно переписанное им же из книжки «Молодая гвардия», которую ему дал почитать майор Сковородин. Как и остальные, Циркуль принимал клятву за туалетами, для чего в неконтролируемое сотрудниками общежития пространство из спальни притащили портрет Сталина, при котором врать и обманывать нельзя. Ванька Цурило держал портрет, как икону, а новообращённый в банду Циркуль читал улыбающемуся Сталину клятву. Клятву надо было скрепить кровью. Лисапед проткнул подушечку своего указательного пальца заколкой значка, найденного в развалках. Значок был в виде щита, на котором из воды выпрыгивал осётр с короной на голове. Циркуль тоже проткнул подушечку своего пальца иглой – застёжкой от значка, но у него долго не шла кровь. Наконец, он выдавил из своего пальца что-то похожее на каплю крови, и они потёрлись указательными пальцами. И они стали, как сказал Лисапед, «кровными братьями».

Своему новому «кровному брату» Лисапед доверил страшную тайну. Он, Лисапед, не просто он. Он – сын самого Ворошилова. И что враги советского народа специально упекли его подальше от отца, чтобы навредить Клименту Ефремовичу, безутешно скорбящему по якобы погибшему во время эвакуации сыну.

Потом это признание спровоцирует поток других, задаст новое направление в общежитской моде. Вскоре в банде Лисапеда появились «племянник Жукова», «младший брат погибшего генерала Черняховского», «сын Кирова» и «приёмный сын Калинина», роль которого взял на себя Циркуль. Правда, в этот момент ему было стыдно перед своими настоящими родителями, рабочими тракторного завода, разнесёнными у него на глазах немецкой бомбой, метко попавшей в парходик с беженцами и ранеными, плывший по Волге...

Три дня назад Лисапед собрал своих «кровных братьев» за туалетами и сказал, что бежать надо прямо сейчас, потому что враги народа вышли на его, Лисапеда, след и с минуты на минуту будут здесь. Циркулю, выполняющему особо важное задание майора Сковородина, надо было принимать решение. Конечно, можно было поднять тревогу. Заорать, схватить Лисапеда за рубашку, удерживать его до подхода взрослых. Но эту идею Циркуль сразу отбросил. Пока бы на его крик бежали взрослые, у «кровных братьев» из лисапедовской банды было достаточно времени, чтобы отметить Циркуля, засунуть его головой в очко туалета и сбежать через забор общежития.

Циркуль бросился в бега вместе со всеми. На свободе тайный сын Ворошилова долго водил своих по каким-то развалкам. Он искал свой клад. Наконец, где-то в руинах Холлендербаумштрассе он его нашёл. Под грудой кирпичей лежали завернутые в тряпку «браунинг» с запасной обоймой и... золотой меч.

– Какой меч? – спросил Ржавчин, во время рассказа Циркуля прислонивший голову к стене и, казалось, задремавший.

– Золотой, – с вызовом ответил Циркуль, – из чистого золота. С узорами всякими... Потёртыми сильно. Меч-то древний. Там на рукояти змея такая смешная... На утиных лапах бежит. А голова у змеи – какого-то мужика с бородой. Всклоченный весь... Там ещё мужик на собаке с факелом в руке, много всяких чертей, друг за друга цепляющихся...

– Семейкин, всё в порядке? – спросил удивлённый Крюков, потому что, услышав про смешную змею на утиных лапках с человеческой головой, Семейкин сильно потряс своей головой, вспомнив персонажей из своего сна.

– Да-да, всё в порядке, – ответил Семейкин. Он ущипнул себя под столом, чтобы удостовериться, что он сейчас находится в реальности.

Циркуль, бросив подозрительный взгляд на Семейкина, продолжил. А потом Лисапед придумал историю с бочкой-бомбой. Да, Циркуль помогал ему укатить утром бочку от пивного ларька, набить её кирпичной пылью, а потом и сбросить с развалок на «толкучку»... Циркуль хотел уйти к майору Сквородину раньше, до «бомбы». Как-то он даже выбрался, минуя задремавшего «часового», из «штаба» банды Лисапеда и уже был готов припустить в сторону Хаберберга к майору Сквородину, но наткнулся на самого Лисапеда. С тех пор вокруг Циркуля всё время вертелся Ванька Цурило, не спуская глаз с «кровного брата». Да и Лисапед теперь смотрел на Циркуля как-то страшно глубоко. И только сегодня ночью, когда Ванька Цурило, свернувшись в клубок, задремал вместе с другими «кровными братьями», Циркуль выбрался из подвала...

Если исчезновение Циркуля заметили, то банда «лисapedов» уже ушла в развалки, где их найти практически невозможно. Другой вариант – срочно поднять по тревоге, только тихо, Первую комендатуру и попробовать взять «лисapedов», если они ещё сидят в подвале ресторана «Цум Барбаросса», молниеносным броском. Но если часовой уже не спит? А если начнут отстреливаться в темноте? Предугадать последствия – невозможно.

Всё упиралось в один вопрос: хватились Циркуля или нет? Сидят «лисapedы» в своём подвале или уже уходят по развалкам, распугивая крыс и всяких тёмных личностей, для которых развалки стали постоянной средой обитания, в которой не было милиции, властей, патрулей, комендатур и в которой действовали свои законы, самым главным, «конституционным», среди которых был закон «Никаких законов!». Сам Циркуль, как кандидат в комсомол, готов был вернуться... Майор Сквородин плюнул в сердцах:

«Вернуться! А что ты им скажешь?»

Циркуль пожал плечами: «Что пьяного возле чайной обчистил. Только принести надо будет что-то. Например, вот это. Отлично подойдёт». Циркуль ткнул пальцем, неестественно коротким для таких длинных рук, на запястье Ржавчина.

– Чего?! – взорвался Ржавчин. – Да ты знаешь, как они мне достались, сопля неграмотная?! Да я двум немцам вот этими руками глотки перерезал, чтобы их достать, а одному вот этими пальцами глаз выдавил! Под пулемёт полез, а ты что, засранец, удумал?!

Крюков положил руку Ржавчину на плечо.

– Да идите вы... – Ржавчин махнул рукой и начал расстёгивать ремешок своих часов, – подавитесь!

У Барбароссы

Поздним вечером во двор Первой комендатуры вышли покурить два бойца из дежурного по комендатуре подразделения. Это был всё тот же взвод стрелкового полка, с которым оперативники группы Крюкова прошлой ночью гоняли по следам зелёного, с оторванным хлястиком, женского пальто. Одним приказом полк назначили выделять в сутки по подразделению для дежурства по комендатуре, а другим – отправили на учения. Вот взвод под начальством коренастого сержанта с резной ложкой в кармане гимнастёрки вторые сутки не меняли с дежурства. Некем было менять, все остальные подразделения полка в полном составе убыли на учения.

Сержант и боец-красноармеец закурили самокрутки, сели на каменное основание решётчатой ограды. За их спинами, метрах в двух, стояло разрушенное английскими бомбами здание, на фасаде которого было написано «Zum Barbarossa Restaurant»¹¹.

«Собственно, от здания осталась только фасадная стена, возможно – какие-то помещения цокольного этажа, чёрные дыры их окон смотрели прямо во двор комендатуры. Фасадная стена с надписью «Zum Barbarossa» была своеобразной границей, за ней тянулись развалки, кое-где перерезанные уже расчищенными от каменного боя узкими дорогами.

Только сержант и красноармеец сделали первые затяжки, как на первом этаже комендатуры в окна зажегся свет, забухали солдатские сапоги.

– Ну, что там опять такое? – спросил сам у себя сержант и начал «бычковать» самокрутку.

– Мало того, что не меняют, так ещё и покурить не дают, – красноармеец щелчком сбил огонёк со своей «козьей ножки». На крыльцо выскочил молодой лейтенантик с красной повязкой на рукаве гимнастёрки: «Ребята! Сгоняйте к чайной на Вагнера, там какой-то пацан у гражданского человека ограбление произвёл, часы снял. Хорошие. «Доха» называются, лётчицкие...»

– А что за пацан? – спросил сержант.

Лейтенант пожал плечами: «А кто его знает? Худой, длинный... На циркуль похож. Сам ограбленный гражданин помнит плохо – пьяный был и кирпичом по голове получил, сейчас в лазарет повезём...»

Сержант и боец матюгнулись, затопали в комендатуру. За дверями их ждал Крюков.

– Ну что там? – спросил Крюков.

– Хрен его знает, – пожал плечами боец, – то ли люди, то ли крысы. Но какое-то шебуршение точно есть...

Дежурный взвод расселся прямо на плиточном полу комендатуры, присоединял магазины к автоматам, щёлкая затворами, загонял патроны в патронники. И вёл оживлённую дискуссию, с опаской оглядываясь на Крюкова. Если «лисапедовские» начнут стрелять, валить их в ответ или... Или что? С одной стороны, хоть и малолетние, но бандиты, а с другой – хоть и бандиты, но малолетние... «За разъяснением ситуации» бойцы обратились к своему сержанту, явно пользующемуся среди них авторитетом. Сержант ответил мудро, но расплывчато: действовать надо по обстановке, что лучше пацанов не валить, но при этом помнить, что бойцы дежурного взвода не для того войну прошли, чтобы через год погибнуть в этом сраном Кёнигсберге от рук каких-то сопляков...

Все солдаты его взвода, как и он сам, всего год назад, во время боёв за Кёнигсберг, воевали здесь в составе штурмовых групп. Они были специально обучены ведению боевых действий в городе. А красноармеец Козинец воевал именно в этом районе, в этом квартале. Когда

¹¹ «Zum Barbarossa Restaurant» Нем. – Ресторан «У Барбароссы»

Крюков спросил седого Козинца об этом, тот зло огрызнулся, что наши в этот район дошли уже на четвёртый день штурма и что он, Козинец, ничего не помнит, потому что тогда у него в башке только одно сидело: «Скорей бы уж убило или ранило, лишь бы всё это закончилось...»

Слова Козинца вызвали у солдат смех. Позже сержант, Колыбельников его фамилия, звать Михаилом, Семейкин успел с ним познакомиться, рассказал, что Козинец – не дурак выпить, а воевать в Кёнигсберге ему пришлось в специальной штурмовой группе, перед которой стояла особая задача – безоговорочное уничтожение алкоголя в кёнигсбергских гаштетах, казино, кнайпах, ресторанах, кинотеатрах и других заведениях. Чтобы солдатики от штурма не отвлекались. Весь штурм Козинец сотоварищи по специальному плану-схеме, выданному усталым майором из разведуправления, разыскивали, а потом расстреливали из автомата бочки и бутылки, забрасывали гранатами винные погреба и палили из огнёмёта подвалы и подсобные помещения питейных заведений, расположенных в секторе действия своей штурмовой группы. Как правило – вместе с сидящими там и отстреливающимися немцами.

В засаде

Крюков вздохнул, положил руку на плечо стоящего рядом Циркуля:

«Валентин, пора...И... Если что... кричи громче...»

– Ладно, – легко согласился Циркуль, словно речь шла не о его жизни (или смерти), а о чём-то пустяковом, вроде развязавшегося шнура на ботинке. Молодёнький лейтенантик вывел его в темноту через чёрный ход...

Крюков посмотрел на часы, сказал своим: «Выдвигаемся на позиции согласно диспозиции». И добавил, уже обращаясь к солдатам комендантского взвода:

«Вы уж, товарищи, будьте наготове. Как услышите...»

– Не сомневайтесь, – ответил сержант Колыбельников и громко щёлкнул предохранителем своего ППС.

Засаду Крюков разместил на Барнаульской, недалеко от того места, где эта улица упирается в Вагнерштрассе. Крюков и Акулинушков залезли в окно развалки с надписью «Brezeln»¹² и нарисованной на стене толстощёкой девчонкой, уплетающей огромный, размером с неё, крендель.

Ржавчин и Семейкин разместились в развалке напротив, засев за пустым стрельчатым окном. Семёнов занял одиночный пост, спрятавшись за стоящей чуть в стороне афишной тумбой, оклеенной пожелтевшими полусорванными плакатами. В ночной темноте Семейкин смог разглядеть один из них, смотрящий прямо на него: коричневый весёлый чертёнок с обвисшими ушами вылезал из угольной кучи с сияющим угольным брикетом с надписью «Troll»¹³. Над чертёнком висел плакат какого-то кинофильма – половина лица красивой женщины с диадемой из бриллиантов на голове и название ленты – «Die Frau meiner Träume»¹⁴.

План Крюкова был прост: Если всё получится с Циркулем и «лисапеды» пойдут брать контору «Заготживсырья», то только по этой улице. Тогда здесь их и возьмут. А если с Циркулем не получится, то выход один – штурм с комендантским взводом в лоб, беготня по развалкам с, возможно, плохим результатом. А для Циркуля, скорей всего, и трагическим...

– Слушай, товарищ Ржавчин, – Семейкин шёпотом нарушил приказ Крюкова, запретившего в засаде болтовню не по делу, – а ты действительно из-за этих часов... ну... глаз выдавил?

Ржавчин усмехнулся: «Нет, конечно... Немца наши подшибли, ну он на своём «мессере» прямо перед моим танком приземлился. Там и выдавливать нечего было, сплошное месиво. А часы даже не остановились, во как!»

Маленький камешек влетел в окно, ударил Ржавчина по голове.

– Твою мать, – прошипел Ржавчин и осторожно выглянул в окно. Напротив, в разгромленной витрине бывшей кондитерской с толстой девчонкой с кренделем в руках на стене, стоял во весь рост Крюков и грозил Ржавчину кулаком. А потом нервно приложил палец к губам, напоминая о своём приказе не болтать. Ржавчин понимающе кивнул головой и тут же прошептал Семейкину, стараясь не разжимать губ: «Как думаешь, получится у этого длинноногого... Жив ещё или уже... Вот молодёжь пошла! Толком читать не научились, а прирезать человека, чтобы не пикнул, – да завсегда...» На сей раз в окно влетел камушек побольше. Ржавчин и Семейкин замолчали.

Семейкин не заметил, сколько прошло времени. Одно он мог сказать, что времени прошло много. Выглянув в окно, он увидел Крюкова в здании напротив. Крюков уже перекинул

¹² «Brezeln» Нем. – «Крендельки»

¹³ «Troll» Нем. – Марка угольных брикетов

¹⁴ «Die Frau meiner Träume» Нем. – «Женщина моей мечты»

ногу через стену развалки, он махнул Семейкину рукой, мол, снимаемся, идём в лобовую, но Семейкин, нет, не увидел... почувствовал. Почувствовал тень, метнувшуюся где-то в конце улицы. Там, где было логово Лисапеда и его бандитов.

Крюков уже вылез из развалки и, стоя спиной к Семейкину, отряхивался. Кричать было нельзя, но знак Крюкову как-то надо было подать. Причём сделать это надо было быстро: тень, точнее, призрак маленькой тени, осторожно крадущейся вдоль стены, приближалась.

Камушек, брошенный Семейкиным, попал Крюкову в щёку. Хотя целил Семейкин в начальственную спину. Крюков резко повернулся, развёл руки:

«А это ещё что за фигня?»

Семейкин ткнул пальцем в конец улицы, показал рукой, что кто-то идёт. Крюков нырнул обратно в развалку. Вовремя. Лысый пацан, лет тринадцати, пригнувшись, шёл вдоль стены. Он почти дошёл до засады, когда прижался к стене и отправил куда-то в конец улицы, откуда он пришёл, странный гортанный звук.

– Насмотрелись «Тарзана», изображают теперь, – прошипел Ржавчин.

Из темноты улицы вышла целая процессия, человек пять таких же, налысо подстриженных пацанов. Впереди, посреди улицы, шёл сам Лисапед в сильно большом для него мужском пиджаке с подвёрнутыми рукавами. Одной рукой он придерживал что-то спрятанное под пиджаком, а другой... А другую, на детском запястье которой болтались часы Ржавчина, он время от времени подносил к носу.

В развалках

За Лисапедом шёл Циркуль. Циркуль был бледен и смотрел себе под ноги. Рядом топал, судя по описанию, Ванька Цурило, за ним все остальные. Замыкал колонну совсем малыш. Он бережно нёс что-то длинное и продолговатое, завернутое в тряпье.

То, что потом в документах громко называлось «ликвидацией банды Лисапеда», со стороны напоминало кадры из фильма с участием Чарли Чаплина. Когда банда проходила мимо засады, Крюков просто вытянул руки и поймал первого попавшегося в них пацана. От страха тот взвизгнул. Остальные бросились бежать. Все, кроме замершего Циркуля и малыша с длинным продолговатым предметом, бережно прижимаемым им к груди. Этот остановился на середине улицы, явно растерявшись. Двое из малолетних бандитов побежали назад, где сразу попали в широко расставленные руки водителя Семёнова, выскочившего из-за афишной тумбы.

Умнее всех поступил Лисапед. Он бросился в развалки, запрыгнул прямо в стрельчатое окно. Ещё немного, и он уйдёт в развалки, где найти его будет невозможно. Но Крюков рассчитал всё правильно. Лисапед запрыгнул в окно, где его уже ждали Ржавчин и Семейкин. Семейкин схватил Лисапеда за правую руку, Ржавчин за левую. Лисапед попробовал выкрутиться, укусь всё того же Ржавчина за палец, но Ржавчин свободной рукой дал ему подзатыльник. Семейкин дёрнул воротник пиджака на Лисапед в низ, пиджак съехал до самых локтей пацана, из бокового кармана на битый кирпич выпал маленький «дамский» браунинг.

В это время на улице Акулинушков крикнул: «Ложись! У него мина!» Ржавчин, не выпуская руки Лисапеда, моментально упал на гору мусора, увлекая за собой пойманного пацана. Семейкин выглянул в проём окна. Он увидел стоящего посреди брусчатки плачущего малыша, отбросившего грязное тряпье, под которым он прятал миномётную мину, и поднял её над головой. Вокруг пацана с миной лежали на мостовой все: пойманные пацаны, Крюков, Акулинушков, Семёнов... В конце улицы топали солдатские сапоги, на крики бежал дежурный комендантский взвод, но увидев малыша с миномётной миной над головой, солдаты остановились.

– Не подходите, дяденьки, – сквозь сопли и слёзы лепетал пацан, – взорвёмся. Я в тюрьму не хочу.... Я к мамке хочу...

– Подержи.

Семейкин вздрогнул. Ржавчин протянул ему руку брыкающегося, матерящегося, шипящего, рычащего, но бессильного против двух мужчин Лисапеда. Семейкин принял лисапедовскую руку, сжал запястье задержанного пацана посильней.

– Ой, больно же! – крикнул Лисапед.

– Я тебе за свой укушенный палец и не такое «больно» устрою, пока никто не видит! – Ржавчин, не скрывая удовлетворения, снял с руки Лисапеда часы, надел их на свою руку: «Ну вот теперь – порядок!»

И... Ржавчин перемахнул через окно, отряхнулся от кирпичной пыли и улыбнулся малышу с миной.

– Не подходи, взорвёмся! – прохлюпал малыш. – Дяденька, я вас всех взорву, мне в тюрьму нельзя, я маленький ещё...

Ржавчин, не переставая отряхиваться, спокойно сказал: «Ну, во-первых, не взорвёмся. У тебя мина немецкая, осветительная. Обгоришь только. Будешь такой, некрасивый, вот такой вот...»

Ржавчин оттянул пальцами щёки, обнажив белки своих глаз, а нижней губой накрыл верхнюю. Получилось смешно. Пацан с миной сквозь всхлипы вдруг улыбнулся. Ржавчин потёр голенища сапог друг о друга, продолжил: «...Так что давай свою мину сюда...» Пацан настороженно протянул мину. Ржавчин взял её обеими руками, внимательно осмотрел.

– Вот видишь, написано по-немецки, – он показал заинтересовавшемуся пацану, всё ещё всхлипывающему, надпись на mine, – «Белёхтунг». Значит, осветительная. А давай её сейчас в развалку бросим? Она красиво горит.

– Давайте, дяденька, – пацан даже подпрыгнул на месте.

Ржавчин осмотрел взрыватель на mine, что-то крутанул, спрятал несопротивляющегося пацана себе за спину, широко размахнувшись, бросил мину в развалки. Там что-то хлопнуло, загорелось зелёным, ярко освещая засыпанную обломками цемента галерею, её длинные тени плавно поплыли по брусчатке...

– Ух ты, – залепетал пацан. – Здорово!

От восторга он ещё раз подпрыгнул и схватил Ржавчина за руку.

– Ладно, – Ржавчин развернул пацана от зелёных пляшущих на брусчатке готических теней, закрыл ему глаза рукой. – Долго смотреть нельзя, глазенапы свои хитрые испортишь...

Мальчишка хихикнул шутке, шмыгнул полным соплей носом. Ржавчин достал из кармана галифе огромный, как купол парашюта, носовой платок, мальчишка ткнулся в него своим красным от плача носом, старательно, поглядывая на Ржавчина, одобряюще кивающего ему головой, высморкался.

– Ну вот и всё, – сказал Ржавчин и потрепал прилипшего к нему мальчишку по макушке. – Кончилось всё. Пойдём...

Все поднимались с брусчатой мостовой, напуганных пацанов повели в комендатуру.

– А мы точно не в тюрьму идём? – пацан, несколько минут назад угрожавший взорвать всех, недоверчиво посмотрел на Ржавчина, которого держал за руку. Ржавчин остановился, нагнулся над перепачканным малышом, погрозил ему пальцем: «В этот раз – точно не в тюрьму. Но если ты ещё раз...»

– Не, я больше не буду! Точно! Сталиным клянусь! – затараторил мальчишка и... перекрестился.

– А где Лисапед? – спросил всех Крюков. – Семейкин где?

Мина, брошенная Ржавчиным в развалки, лопнув на две части, засветилась горящим зелёным цветом, Семейкин на секунду отвёл от окна глаза.

Лисапеду этой секунды хватило. Он вывернулся, выпрыгнул из пиджака, быстро сунул руку под подкладку и... Это был самый настоящий меч. Как потом напишет в рапорте Крюков, «выполненный из металла жёлтого цвета».

Лисапед со спины рубанул этим коротким мечом из металла жёлтого цвета по руке Семейкина. Семейкин руку отдернул. Лисапед промахнулся. Но теперь он был на свободе.

– Твою мать! – выругался Семейкин, а Лисапед нырнул в какую-то нору в стене.

Моментально в голове Семейкина пронеслось, как он, униженный, не оправдавший доверия товарищей, упустивший хоть и малолетнего, но бандита, на счету которого девять самых настоящих трупов, виновато вылезет из окна развалки и разведёт руками: «Ушёл...» А ещё он вспомнил свой сон, старца с факелом в руке и верхом на волке, странное существо с телом змеи на лягушачьих или утиных лапках и с человеческой головой. То самое существо, о котором рассказывал Циркуль, что оно вырезано на золотом мече Лисапеда. Семейкин нырнул в чёрную дыру в стене вслед за Лисапедом, пополз по холодному кирпичному полу, время от времени упираясь головой в склизкий полукруглый потолок. Впереди, совсем рядом, в темноте, на слабый свет в конце этого каменного туннеля, тяжело дыша, полз Лисапед. Совсем близко, совсем рядом. Казалось, протяни руку и схватишь этого паршивца за ногу. Семейкин протягивал. Нога ускользала, Семейкин ловил пустоту.

Туннель кончился. Лисапед выпал из чёрной дыры в когда-то квартиру. Квартира располагалась на втором этаже. Её стены были оклеены обоями с золотым тиснением и вертикальными зелёными полосами. На обоях висели фотографии, перекошенная картина – натюрморт. На одном из окон, пустом, как и все остальные, с выбитыми стёклами, висели шторы с золотой

бахромой понизу, зелёные, в цвет выпцветшим обоям, тоже выпцветшие под солнцем, снегом и дождём.

У квартиры не было потолка. Вверх, этажа на четыре, уходили стены дома, вместо крыши у которого было небо. Там, в небе над развалками, этим совсем другим миром, висела круглая луна. В её свете можно было разглядеть обои других квартир этого дома. Вон там, в самом углу, синие в жёлтый цветочек, там – бордовые, а вот там – бежевые в тонкую белую полосу. Половины пола в квартире тоже не было. Он провалился под тяжестью обрушившихся на него взорвавшихся этажей, их ошмётки с торчащей во все стороны арматурой лежали внизу, а сверху этой груды кирпичей, плитки, паркета, арматуры, деревянных перекрытий лежал перевёрнутый «на попа» диван, обитый зелёным бархатом, уже прогнившим и проколотым в нескольких местах выскочившими металлическими пружинами.

Лисапед пробежал по оставшемуся полу, прыгнул в дверной проём. Семейкин, стараясь не смотреть вниз, на торчащие ржавые штыри, за ним. Дальше – деревянная лестница с тремя выпавшими ступеньками, ведущая в никуда, но с неё, с последней ступеньки, можно прыгнуть на кирпичное перекрытие метр шириной, а пробежав по перекрытию, по винтовой металлической лестнице, где уже грохал каблуками своих ботинок-«гадов» Лисапед, спуститься вниз.

Деревянная лестница выдержала хрупкого Лисапеда, а вот под Семейкиным обрушилась как раз во время прыжка. Он уцепился пальцами за острый край кирпичного перекрытия, попытался ногами оттолкнуться от воздуха и подумал, что лучше было виновато выйти из развалки к товарищам без Лисапеда и этого дурацкого золотого меча, чем грохнуться сейчас вниз, сломать себе ноги, рёбра, проломить голову и медленно и мучительно умирать в надежде, что товарищи его сумеют отыскать, прежде чем он... Семейкин подтянулся на пальцах, вышел на грудь, заполз на кирпичное перекрытие, встал, спустился по железной винтовой лестнице и... понял, что потерял Лисапеда.

Семейкин не знал, куда ему идти. Возвратиться тем же путём было невозможно, рухнувшая деревянная лестница отрезала путь к возвращению, надо было искать новый. Семейкин подошёл к окну. Лисапед стоял во внутреннем дворике спиной к Семейкину, судорожно сжимая золотой меч в руке и испуганно оглядываясь по сторонам. И тут Семейкин услышал. Наверху, прямо над ним, пробежало несколько человек. Свои? Чужие? Кто? Их услышал и Лисапед. Он прижался к стене, выставил золотой меч впереди себя и крикнул Семейкину: «Дяденька мент... Вы в дверь давайте и вниз, ко мне! И печаль доставайте...» В окнах галереи на другом конце дворика промелькнула тень. Затем другая. Третья, четвёртая. Пятая, шестая. Это был кто-то чужой, не свой. Тени пошептавшись, разделились поровну, побежали по галерее, явно окружая Лисапеда. Лисапед заорал что-то нечленораздельное. Семейкин бросился в дверной проём, сбежал по каменной гулкой лестнице вниз. Вслед ему полетел кирпич. Он упал на цементный пол, отколовшиеся красные осколки разлетелись в разные стороны, один из них пролетел рядом с головой Семейкина, который почувствовал, как осколок кирпича задел волосы на виске.

Лисапед ввалился в ту же комнату, грязный, бледный, напуганный. Он метнул свой золотой меч в темноту дверного проёма за своей спиной и закричал, озираясь по сторонам: «Дяденька мент, пеклик давайте! Стреляйте!»

Лисапед подбежал к Семейкину и увлёк его за собой в нишу в стене. На то место, где только что стоял Семейкин, кто-то сверху бросил кирпич. Семейкин достал ТТ.

– Кто они? – шёпотом спросил он прижавшегося к нему Лисапеда.

– Чёрные охотники. Их ещё крысоедами называют, – прошептал Лисапед, – Камнями сейчас забьют, а потом сварят и съедят...

– Да ладно?! – удивился Семейкин, смотрящий в чёрный проём, куда улетел золотой меч Лисапеда.

– Ну не сварят, – прижавшийся Лисапед явно дрожал, – так съедят, сырыми... Давайте, дяденька мент, выбиратья отсюда. Только вы меня не бросайте... Вон в ту дверь нам... Наверно...

– Подожди, – прошептал Семейкин, – две минутки здесь посиди. Я сейчас.

Семейкину надо было пробежать две сквозные комнаты, точнее то, что от них осталось, чтобы добраться до того места, где в грудe кирпича лежал брошенный Лисапедом меч из металла жёлтого цвета. Лисапед не успел поймать «дяденьку мента» за штаны. Семейкин бросился в проём, там кто-то, не ожидавший этого, метнулся в темноту, а второй кто-то, спрятавшийся за перекосившейся дверью, замахнулся на него обломком кирпича. Семейкин выстрелил почти в упор, человек, одетый во что-то длинное и чёрное, взвизгнул, осел, обломок кирпича выпал из его руки. Семейкин бросился в соседнюю комнату, больно споткнулся о торчащую арматуру, упал грудью на кучу битого кирпича, схватил за лезвие меч из металла жёлтого цвета, поблёскивающий в падающем сквозь огромную дыру в потолке лунном свете. И только тут он понял, что прямо перед ним сидит на корточках человек. Непонятного возраста, роста, веса, пола и серой рукой держит золотой меч Лисапеда за рукоятку. И отпустить не собирается. А ещё Семейкин слышал, как где-то сверху за его спиной кто-то тяжело дышит. Семейкин выстрелил в человека напротив, потом, не целясь и не оглядываясь, сделал два выстрела куда-то вверх и за себя, схватил меч за освободившуюся рукоятку и бегом кинулся обратно.

Он влетел в комнату, где минуту назад выстрелил в упор в человека в длинном и чёрном, и наступил на клубок крыс, уже пиروвавших на свежем трупе.

Они с визгом бросились по углам, одна подпрыгнула, пытаясь укусить Семейкина сквозь брючину, но он успел убрать ногу. Другая, огромная, как хорошо откормленный кот, ей Семейкин наступил на хвост, вцепилась ему прямо в край подошвы ботинка.

– Сука! – крикнул Семейкин, мотнул ногой, но крыса не слетела. Тогда Семейкин, со всей силой наступил вцепившейся в ботинок крысой на цементный пол, какая-то плитка, жёлтая, с чёрной розочкой посередине каждая. Крыса хрустнула, заверещала, но ботинок был свободен. Семейкин выскочил из комнаты, оставив крыс доедать мёртвого человека и свою раненную товарку, тут же разорванную на глазах Семейкина в считанные секунды.

Увидев меч в руке у Семейкина, Лисапед покрутил пальцем у виска и сказал:

«Ну ты, дяденька мент, совсем дурак!»

Лисапед кивнул головой в сторону одного из дверных проёмов: «Туда». Выскочили во внутренний дворик, пробежали, прижимаясь к стенам до каких-то ворот, выскочили на брусчатую мостовую, по краям засыпанную битым мусором – останками чьих-то домов, заскочили в окно, над которым непонятно на чём держась, висела эмалевая реклама: улыбающийся толстый пацан с рюкзаком за спиной и надпись на немецком, уже проржавевшая местами: «Hansi: Schokolade – Kakao».

– Куда дальше? – спросил Семейкин Лисапеда. Лисапед молчал. Он заблудился и не знал, куда им дальше.

Начало светать. День обещал быть жарким. Семейкин прижался к стене спиной, в одной руке ТТ, чей ствол поворачивается на каждый подозрительный звук, в другой – меч из металла жёлтого цвета.

– Ладно, – сказал Семейкин Лисапеду – ничего хорошего для себя мы здесь с тобой не высидим, давай куда-то выбиратья. Значит, по моей команде выбегаем на улицу и зигзагами по ней, от стенки – к стенке. Понял?

Лисапед кивнул. Он понял. Семейкин досчитал до трёх. Они выскочили на улицу, побежали, вначале в разные стороны, потом друг к другу, столкнулись и зигзагами побежали по улице, виляя между кучами мусора. Они добежали до груды кирпичей, засыпавших проход,

перелезли через неё, понимая, насколько они сейчас уязвимы для серых теней и их камней, побежали дальше к тому, что осталось от улицы, упёрлись в баррикаду с надписью «Wir kapitulieren nie!»¹⁵ Семейкин подсадил Лисапед, а тот, уже наверху, всё ещё дрожащий, даже подал Семейкину руку и подержал меч, пока лейтенант залезал на укрепление, перегородившее улицу. И они снова побежали дальше, непонятно куда, в надежде, что куда-нибудь когда-нибудь выберутся...

А потом остатки улицы, по которой они бежали, круто свернули влево. Семейкин осторожно заглянул за угол. За углом на кресле без спинки и без ножек, вместо них были сложены кирпичи, сидел солдат Козинец из комендантского взвода и курил.

Увидев грязных Семейкина и Лисапед, он погладил свой автомат ППС, щелчком отправил окурочек «козьей ноги» в развалки и приветливо сказал: «О! А ваши с нашими вас там ищут. Они на выстрелы пошли. А нас на всякий случай сюда послали. А Михайлову по нужде приспичило... Вот и остановились передохнуть...»

Из руин вышел солдат Михайлов, маленький чуваш со злобным выражением лица. Забросив винтовку за спину, он двумя руками застёгивал ширинку своих галифе.

– А что это у вас такое, товарищ оперуполномоченный? А дайте посмотреть?

–

Михайлов вцепился глазами в меч из жёлтого металла в руке Семейкина. Семейкин разлепил пальцы и посмотрел на рукоять меча. Лисапед воспользовался моментом, попробовал задать стрелочка. Семейкин поймал его за руку. Лисапед взвизгнул: «Больно, дяденька, чего вы?! Отпустите!»

– Ну что вы мальчонку терроризируете, товарищ милиционер, – Михайлов по-прежнему не спускал с жёлтого меча глаз, как приклеенный, – отпустите мальчонку...

Козинец со скрипом вылез из своего кресла. Семейкин заметил, как солдат оглянулся по сторонам, словно хотел убедиться, что их никто не видит. А ещё Семейкин заметил, что Козинец положил руку на рукоятку штык-ножа, болтающегося у него на поясе.

– Дяденьки... – Лисапед, что-то почувствовавший, прижался к Семейкину.

«Зачем ему штык от винтовки, если у него автомат?», – успел подумать Семейкин, наблюдая за рукой Козинца, поглаживающей рукоять штыка.

– Ну что, щенок, недалеко убежал?! – Ржавчин, Семенов, Крюков, сержант Колыбельников и несколько солдат из дежурного взвода вышли из-за угла. Ржавчин первым делом дал отеческий подзатыльник Лисапеду. Лисапед возмутился: «Эй! Нету такого у вас закона!» Ржавчин не обратил на него никакого внимания, обнял грязного Семейкина: «Ну ты, Андрюха, псих вааще ненормальный! Один в развалки сунулся!»

– Я там, товарищ Ржавчин, – Семейкин неопределённо махнул рукой в сторону развалок, – пальнул пару раз в кого-то... Похоже, попал...

– В крысоеда? Ну попал и попал, хрен с ними! – Ржавчин хлопнул Семейкина по плечу. – Там закон один – лишь бы в тебя не попали... А это у тебя что? Ух ты!»

Ржавчин взял меч, потёр пальцами рукоять: «От тварь-то какая! Змеюка. Да ещё с лапами. Лягушачьими... А рожа какая мерзкая, хоть и человеческая! Золотой, что ли?»

Аринберг снял очки, потёр рукой рукоять, посмотрел что-то под рукоятью и даже попробовал меч из металла жёлтого цвета на зуб: «Нет, не золото. Сплав какой-то. Бронза, скорее всего... Медь и олово. Видите, под ручкой окислился. Золото не окисляется... Резьба какая странная... Где-то я уже что-то такое видел... А вот здесь у нас... Похоже на...»

Аринберг вынул иголку из отворота пиджака, поковырял какую-то грязь под рукоятью меча и сказал: «Похоже на кровь».

¹⁵ Нем. – «Мы не сдадимся!»

В управлении милиции оперативники распределили задержанных «лисапедистов» между собой для допроса. Семейкину доверили допрос Лисапеда. Мол, в развалках установилась между вами невидимая связь, надо использовать этот личный момент для оперативной работы.

Игра в похороны

Лисапед сидел на стуле в кабинете Акулинушкова и болтал ногами, не достающими до пола. Польщённый особым вниманием к себе, он подробно отвечал на вопросы Семейкина.

Лисапед родился в деревне Бобыли Псковской области 27 августа. Именно в день рождения Лисапеда в 1941 году фронт докатился до их деревни. Лисапед очень хорошо запомнил этот день рождения. Утром отец Лисапеда, учитель местной сельской школы, погрузил на школьную телегу своё имущество, жену, сына и дочь, запряг в телегу школьного коня Кузьму и покатил подальше от войны. Война оказалась быстрее Кузьмы. Километрах в десяти от Бобылей их перехватил передовой отряд немцев на танкетках. Они перерыли телегу, разбросав нехитрое имущество в пыли просёлочной дороги, из-за найденной красной книги стихов Маяковского повесили отца и избили мать. А ещё они забрали Кузьму и телегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.